

А. Н. Кирпичников

ДРЕВНИЙ ОРЕШЕК

Герб
Шлиссельбурга

Штурм Нотебурга
11 октября 1702 г.
Гравюра
А. Шхонебека 1703 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А. Н. Кирпичников

ДРЕВНИЙ ОРЕШЕК

Историко-археологические очерки
о городе-крепости в истоке Невы

Под редакцией
академика Б. А. РЫБАКОВА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

В книге на основе археологических, письменных, графических и других источников воссоздана история Орешка — крупной крепости и города северо-запада России XIV—XVIII вв. Особое внимание уделяется исследованию его военно-инженерных сооружений, характеристике торговли и ремесла. Подробно освещена героическая борьба русских людей против иноземных захватчиков. Приводится реконструкция топографии города. Освещаются также развитие русского военно-инженерного дела, принципы постройки и хронология средневековых крепостей Восточной Европы, быт, экономика городов Северной Руси.

Издание рассчитано на историков, археологов, искусствоведов и музейных работников.

ВВЕДЕНИЕ

Природа создала в истоке Невы небольшой остров, как бы предназначенный сторожить выход из Ладожского озера в Неву. На этом участке средиречной суши площадью около 3 га, отрезанном от материка двумя бурными протоками реки, высятся стены и башни начала XVI в. с бастионами и куртинами XVIII в.; внутри крепостного двора находятся здания разного времени: четыре тюрьмы, церковь, несколько административных и других сооружений.

Среди нежилых строений, цветников и зеленых лужаек видны холм над могилой солдат, погибших при штурме Нотебурга в 1702 г., памятник революционерам, сложившим головы в борьбе против царского самодержавия, обелиск воинам, павшим на острове в годы Великой Отечественной войны. На крепостной стене — мемориальная доска, напоминающая, что в 1887 г. здесь был казнен брат В. И. Ленина Александр Ульянов. Земля острова обильно полита кровью и таит в себе останки героев, не отмеченных монументами.

Остров с его постройками похож на непотопляемый корабль, застывший на мертвом якоре. Нынешний хозяин его — Музей истории Ленинграда.¹ В будущем этот участок суши «среди вод» станет музейно-туристским центром международного класса. Пока же перед вами каменные руины, среди которых идут серьезные поисковые, исследовательские работы.

В VIII—IX вв. район истока р. Невы вошел в состав молодого Русского государства. Тогда здесь проходил знаменитый караванный путь из «варяг в греки». Торговое и стратегическое значение бассейна Невы рано определило для русских ценность этой территории, на которую претендовали и скандинавы. Для Руси речь шла о свободном доступе к морским путям и собственной торговле со странами Западной и Северной Европы. Стремление России к жизненно необходимым выходам к Балтийскому морю привело к последовательному возникновению городов Ладоги (примерно 750 г.), Орешка (1323 г.), Петербурга (1703 г.). Город в истоке

¹ Административно остров — «причал Орешек» — принадлежит городу Петрокрепости, расположенному на южном берегу Невы; на северном — поселок имени узника-народовольца Н. А. Морозова.

Невы, следовательно, отмечает второй этап этого движения, в общей сложности длившегося не менее десяти веков.

Основанному в истоке Невы форпосту суждено будет сыграть немалую роль в защите и развитии ладожско-невских земель.² Первоначально он располагался только на острове и был военным укреплением. В дальнейшем поселение приобрело торгово-ремесленный характер, расширилось и заняло близлежащие берега Невы.

В настоящей работе речь пойдет как о крепости, всегда располагавшейся на острове, так и о городе, распространившемся на остров и материковое побережье.

История города и крепости Орешек насыщена фактами общерусского значения и хронологически связана с крупными политическими событиями севера страны. В 1323—1478 гг. Орехов—Орешек — населенный пункт и важное укрепление Новгородской земли. В 1478—1612 гг. Орешек — торговый и военный центр Московского государства. В 1612—1702 гг. крепость захвачена шведами и названа Нотебургом.³ В 1702 г. Орешек освобожден после 90-летней шведской оккупации и назван Шлиссельбургом. Старая крепость и на пороге нового времени не только сохранила, но и (будучи реконструирована) преумножила свои боевые качества.

Таковы в общем периоды развития города-крепости в истоке Невы. В предлагаемом исследовании речь пойдет о первых пяти веках существования Орешка, когда его военные и гражданские функции, несмотря на ряд превратностей, последовательно развивались.

Уместно напомнить и о том времени в жизни города-крепости, которое остается за пределами настоящего исследования.

Совершенно особый период истории Шлиссельбурга наступает с середины XVIII в. Остров постепенно теряет военное значение и, изолированный от города, превращается в «государеву тюрьму», а с 1906 г. — в каторжный центр. Здесь томились несколько поколений узников. Среди них были представители опальной знати, просветители, декабристы, народолюбцы, большевики.⁴

Этот период оказался губительным для многих местных древних исторических объектов. Тюремное начальство по своему произволу обращало с доставшимся ему наследием. В XIX—начале XX в. были сломаны некоторые башни, снесены верхи стен и башен, обезображены или уничтожены ряд внутрикрепостных построек. Начиная с 80-х гг. XIX в. территория острова застраивается тюрьмами и другими сооружениями, искажившими облик кремля. Во время земляных работ примерно треть острова подверглась перекопам и погибла для археологической науки. Рабочие несомненно неоднократно натывались на остатки деревянных и каменных построек, но известия об этом отсутствуют.

² Данный район входил в состав Водской пятины Великого Новгорода, с XVI в. называвшейся Ижорской землей, а еще позже — Ингрией, или Ингерманландией.

³ Это название города иностранцы стали употреблять с XIV в.

⁴ Более подробно см.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1960—1963, т. 1—5.

Конец «русской Бастилии» наступил в 1917 г. В 1929 г. на острове, где скопились весьма неравноценные здания, был открыт филиал Музея Великой Октябрьской социалистической революции.

Казалось, навсегда ушедшая в прошлое военная мощь древней твердыни в истоке Невы с неожиданной силой проявилась в годы Великой Отечественной войны. Перед Шлиссельбургом (точнее, перед островом, так как город находился в руках гитлеровцев с сентября 1941 по январь 1943 г.) было остановлено немецко-фашистское нашествие, что позволило блокированному тогда врагом Ленинграду сохранить выход к Ладожскому озеру и таким путем поддерживать связь с «большой землей». 500 дней бойцы острова вели бой с противником.⁵ Крепость оказалась непреодолимой для захватчиков благодаря мужеству и героизму ее защитников. Сыграла роль при этом и мощь ее укреплений, которые выдержали все обстрелы немецкой артиллерии. Крепость выстояла, но была сильно разрушена. В 1944 г. в связи с героической обороной г. Шлиссельбург был переименован в Петрокрепость.

Итак, поселение в истоке Невы к настоящему времени сменило пять наименований: Орехов, Орешек, Нотебург, Шлиссельбург, Петрокрепость — и испытало много разных перемен. Пограничный форпост развивается в город и порт. Крепость при шведах направлена против построившего ее народа. Остров-страж превращается в застенок. Крепость-музей оказывается непобедимым бастионом на левом фланге Ленинградского фронта. Силой исторических обстоятельств Орешек—Шлиссельбург стал мемориалом вековой борьбы и мужества русского народа. Такая оценка пришла в послевоенные годы, когда встал вопрос о полном восстановлении «Шлиссельбургского пяточка» как музея и памятника революционной и боевой славы.

Вопрос о реставрации островных построек впервые был поставлен в 1925 г.,⁶ но фактически такого рода работы начались в 1950-х гг. Специальные научно-реставрационные производственные мастерские к 1961 г. восстановили Королевскую башню, законсервировали Государеву, а также частично реставрировали два тюремных здания. К сожалению, ни на одном из упомянутых объектов работы не были окончены, а при восстановлении Королевской башни были допущены ошибки.⁷ По инициативе ГМИЛ территория острова освобождена от завалов, убраны полностью разрушенные или не имеющие исторического и художественного значения некоторые поздние здания. Сотрудники музея провели собирательскую работу и подготовили первоочередные исторические справки и программные задания для восстановления ряда сооружений крепости.

Учитывая героическое прошлое крепости и необходимость ее скорейшего приведения в порядок, Исполком Ленгорсовета в 1966 г. принял решение о восстановлении Орешка—Шлиссельбурга как уникального историко-революционного, фортификационного и военно-исторического музей-

⁵ Подробнее см.: Кани П. Я., Кораблев Ю. И. Петрокрепость. Л., 1961.

⁶ Арх. ЛОИА, 1925, оп. 1, № 34, л. 285; там же, 1926, оп. 1, № 87, 92, л. 2, 14 (соответственно); Красная газ., 1925, 23 октября.

⁷ Подробнее о неточностях восстановления Королевской башни скажем далее.

ного комплекса. К этой работе помимо ее инициатора — ГМИЛ — привлечены проектные институты — «Ленпроект», «Гипротест» (Ленинградский филиал) — и ряд строительных организаций.

С 1966 г. группа специалистов IX научно-реставрационной мастерской института «Ленпроект» осуществила в крепости проектно-исследовательские работы. Ей достались разновременные, разнохарактерные сооружения, внутри которых вот уже более сотни лет открываются то подземные ходы, то «комнаты пыток», а однажды был извлечен целый архив.⁸ Реставраторами был заложен не один десяток архитектурно-археологических шурфов и зондажей, расчищены от поздних наслоений и закладок отдельные участки стен и башен, раскрыты некоторые заложенные лестницы, галереи, бойницы, арки, воротные устройства, выявлена облицовка канала петровской поры, обнажены основания разрушенных Меншиковой и Мельничной башен, в недрах Государевой башни открыт затопленный водой подвал, исследованы полы и стены казарм XVIII в. Идет очистка бастионов и куртин XVIII в., выемка балластного грунта из внутрикрепостных рвов. Проведены геологические и топографические исследования острова.

По поводу восстановления некоторых внутренних сооружений острова долгое время шли споры. Это вполне естественно, ибо рассматриваемый памятник исторически, архитектурно и хронологически сложен, многообразен. Как совместить восстановление и показ разновременных сооружений? Будут ли они мешать друг другу или, наоборот, покажутся взаимосочетающимися?

Под руководством автора проекта реставрации архитектора-художника В. М. Савкова были уже созданы первые варианты проекта восстановления Орешка.⁹ Однако под влиянием новой археологической информации реставраторам пришлось изменить свое представление о памятнике. Более того, прилив новых фактов предрешил принятие того принципа реставрации, при котором островной комплекс должен включать экспозиционные постройки не одной, а разных эпох.

О каких же новых фактах идет речь? В 1968—1970 гг. по приглашению ГМИЛ Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР провело в крепости археологические раскопки, принесшие неожиданные результаты. Не будет преувеличением сказать, что археологическое вмешательство увеличило историческую ценность островного ансамбля и в сущности привело к открытию того древнего Орешка, о котором имелись лишь отрывочные летописные упоминания.

Оказалось, что почва острова таит в себе богатый и почти неповрежденный слой, относящийся к XIV—XVI вв. Для ленинградских

⁸ ИАК. 1906, прибав. к вып. 26, с. 47—50.

⁹ Проект генерального плана реставрации и музеефикации Орешка—Шлиссельбург ныне закончен. Мы воспроизводим некоторые чертежи и рисунки, созданные В. М. Савковым на основе тщательного изучения натуры и других материалов, изображающие крепость Орешек как восстановленный в будущем архитектурный и музейный комплекс. Автор признателен архитекторам В. М. Савкову, Е. Г. Араповой, искусствоведу Е. А. Кальюнди, немало способствовавшим написанию настоящей книги.

археологов Орешек и по местоположению, и по материалу явился благодатным объектом. Пожалуй, ни в одном из до сих пор исследованных северорусских городов свита слоев не отличается такой точной и сжатой хронологией,¹⁰ четкостью залегания, и это в сочетании с удовлетворительной сохранностью находок, особенно из органических материалов. Благодаря указанным благоприятным источниковедческим обстоятельствам древности Орешка выступают новым маяком в деле изучения плохо известной русской культуры зрелого и позднего средневековья.

В течение трех лет было раскопано около 2000 м² (рис. 1), что составляет 17% всей археологически доступной территории острова.¹¹ Около 9500 обнаруженных вещей (включая 6000 целых и обломков глиняных сосудов) могут сегодня составить особый музей.¹² Мы узнали новое о постройках крепости, ее улицах и планировке, устройстве, периодах строительства. Можем судить о занятиях ее жителей, о том, что они сооружали, как жили и защищали свою землю.

Результаты раскопок настолько обогатили наши знания о древнем Орешке, что все прежние представления о нем кажутся теперь устаревшими. Исследования древней крепости можно продолжать,¹³ но на главные, первоочередные вопросы ее устройства и развития ответ получен.

Одновременно с натурными поисковыми работами были тщательно изучены письменные источники. В архивах Москвы и Ленинграда, в частности, сохранились сотни документов об Орешке—Шлиссельбурге XVI—XIX вв.¹⁴ В результате удалось использовать для реконструкции средне-

¹⁰ Анализ 112 спилов бревен из раскопок Орешка любезно выполнен Н. Б. Черных в Лаборатории дендрохронологии ИА АН СССР (Черных Н. Б. Дендрохронология древнего Орешка.— КСИА, 1975, вып. 144, с. 100—103; Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977, с. 109—110).

¹¹ Раскопки осуществлены в 1968—1970 гг. отрядом по изучению древнего Орешка Ленинградской археологической экспедиции, организованным ЛОИА Академии наук СССР при участии ГМИЛ и истфака ЛГУ (руководитель экспедиции — А. Н. Кирпичников). В работах отряда приняли участие лаборант В. И. Кильдюшевский, студенты-археологи И. В. Дубов и Е. А. Рябинин, научные сотрудники ГМИЛ А. А. Розов, А. И. Барабанова, В. И. Скачков, а также школьники, студенты, аспиранты, преподаватели, рабочие, инженеры. Деятельную помощь работам отряда оказали администрация ГМИЛ во главе с директором музея Л. Н. Беловой, отдел ГМИЛ «Орешек» (заведующий Ф. З. Казовский), Ленинградское областное общество по охране памятников Ленинградской области в лице Л. В. Андреевой, кафедра археологии истфака ЛГУ (заведующий А. Д. Столяр). Пользуясь случаем, искренне благодарим всех, кто участвовал в работах отряда, и тех, кто ему помогал.

¹² Найденные в раскопках предметы уже поступили в ГМИЛ. На их основе создана экспозиция допетровского прошлого Ленинградской области. Среди находок особое место занимают редкие по сохранности изделия из кожи, дерева, коры, бересты и войлока, умело восстановленные реставратором Эрмитажа К. Ф. Никитиной.

¹³ В 1971—1975 гг. раскопки Орешка проводились под руководством В. И. Кильдюшевского. Приносим ему благодарность за информацию об этих исследованиях.

¹⁴ Использованы материалы следующих архивов: ЦГАДА, ЦГВИА, ЦГИА, ВИМ, АИВ, Рукописного отдела ГПБ, Рукописного отдела БАН, ЦГАВМФ, ЛОИА, ЛОИИ. Автор на основании этих материалов выполнено научное исследование по

векового города его лучшее описание, составленное в 1568 г.; далее, на основании новооткрытых документов был выделен особый период в истории крепости в начале XVIII в. и установлены подлинные намерения Петра I, связанные с приспособлением Шлиссельбурга к новым условиям боя и защиты.

Часть новых архивных чертежей можно признать первоклассными. Так, в Рукописном отделе БАН СССР хранится целая серия, к сожалению, безымянных шлиссельбургских чертежей. Сопоставление этих листов с записями, обнаруженными в других хранилищах, позволило опознать собственноручный чертеж Петра I и проекты известнейших архитекторов и инженеров.

Производя розыски сведений о северных русских городах, мы обратились в Королевский Военный архив Стокгольма и получили оттуда 13 негативов неопубликованных чертежей Нотебурга второй половины XVII в., а также соответствующие им описания.¹⁵ Шведские графические материалы восполняют, к сожалению, не дошедшие до нас русские. Среди присланных документов редчайшее изображение внешнего вида Орешка, планы и разрезы стен, башен, перечни оборонительных работ. Оказалось, что шведы фиксировали русские постройки, а сами почти не производили в крепости капитальных работ. Присланные материалы дали в руки исследователя ряд бесценных расшифровок.

Древности Орешка привлекли внимание необычно рано. В начале 1730 г. военный инженер Н. Людвиг составил едва ли не самое полное из дошедших до нас описание крепости.¹⁶ Автор не смог разыскать бумаг, рассказывающих о прошлом Шлиссельбурга, ибо, по его словам, они «разве взяты или созданы». Зато он опросил жителей и сделал ряд собственных наблюдений, которые можно считать началом научного изучения древностей острова. В разделе, «от кого и в какие времена сия крепость построена и под чьим обладанием состояла и что между оным временем пристроено и убавлено», Людвиг впервые сообщил примерную дату возведения крепости, распознал шведские сооружения, даже привел одно археологическое наблюдение о местонахождении руин древней церкви. Основное внимание автор уделит крепостным стенам, которые предлагал перестроить с целью их усиления. Труд Людвига, а также выполненные им

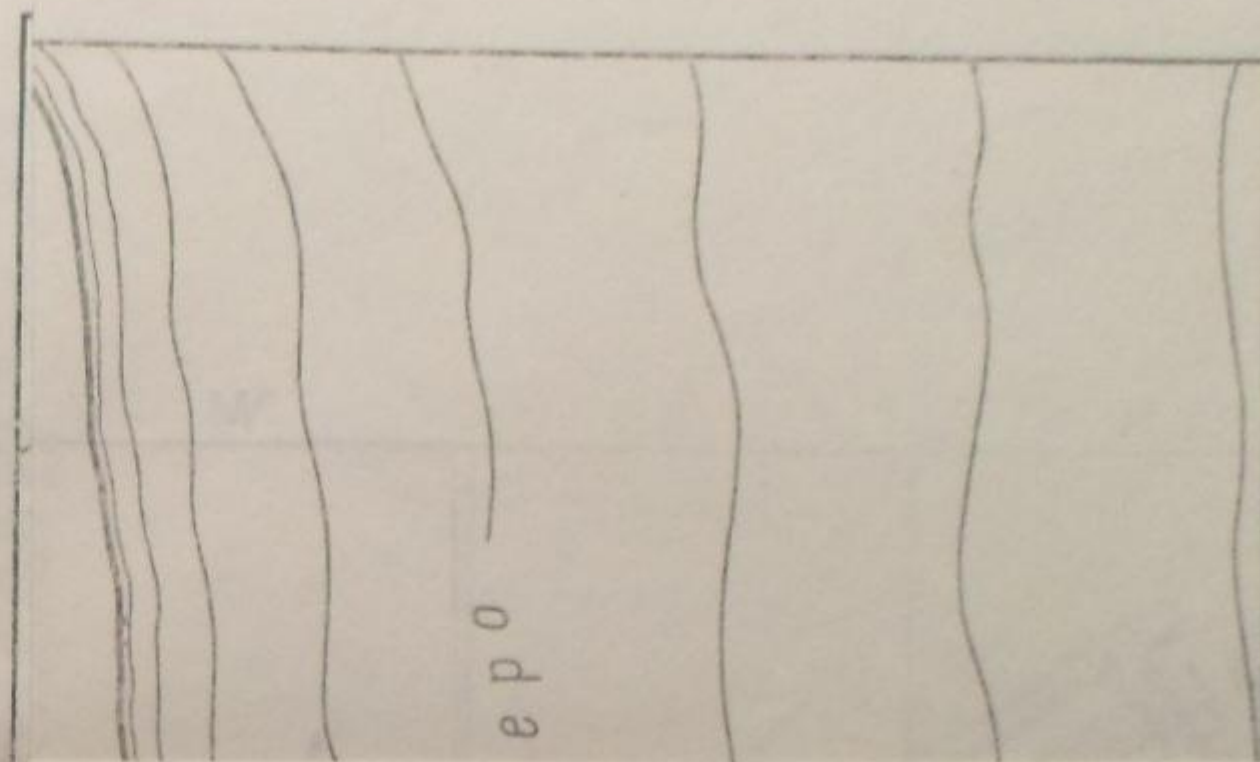
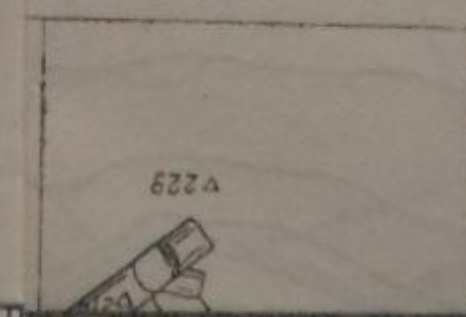

Рис. 15 План построек 1433 (1 — башня; 2 — городские стены; 3 —

при Петре Великом. СПб., 1847.

- ¹⁵ Косточкин В. В. К характеристике памятников военного зодчества Московской Руси конца XV—начала XVI в. — МИА, 1958, № 77, с. 120—134.
¹⁶ Blees J. Fästningen Nöteborg under svenskt valde. — Norrlands Försvar, 1937, p. 75—95.

истории крепости и города Орешка (хранится в ГМИИ). Искренне признательны мы искусствоведу М. В. Иогансен, которая предоставила обнаруженные ею документы XVIII в. и сделала ряд ценных замечаний и дополнений.
¹⁷ Приносим благодарность администрации архива, особенно доктору Альфу Обергу и архивариусу Бертилю Броне, за дружеский дар, представителям союза обществ «Швеция—Советский Союз» Ирье Странд и Нильсу Б. Телину, приславшим фотографии некоторых изображений Нотебурга и Кексгольма, хранящихся в библиотеке Упсальского университета. Из шведских Королевского Военного и Государственного архивов поступили также неопубликованные изображения Ямы, Копорья, Ивангорода, Кексгольма и их описания. Большой, еще не изученный письменный материал XVI—XVII вв., связанный с ингерманландскими городами и находящийся в шведских и финских архивах, ждет своего исследователя. Присланные старошведские документы были переведены С. Г. Хатиным и А. Г. Севелевой.
 ЦГВИА, ф. 827, оп. 1, № 23, л. 1—22 об.

Рис. 1. Крепостные сооружения средневекового Орешка. План с обозначением раскопок 1968—1975 гг.
а — раскопки 1968—1975 гг. (1—6); б — раскопки 1971—1975 гг.; в — стена 1352 г.; г — канал-ров; д — стена 1410 г.; е — предполагаемая

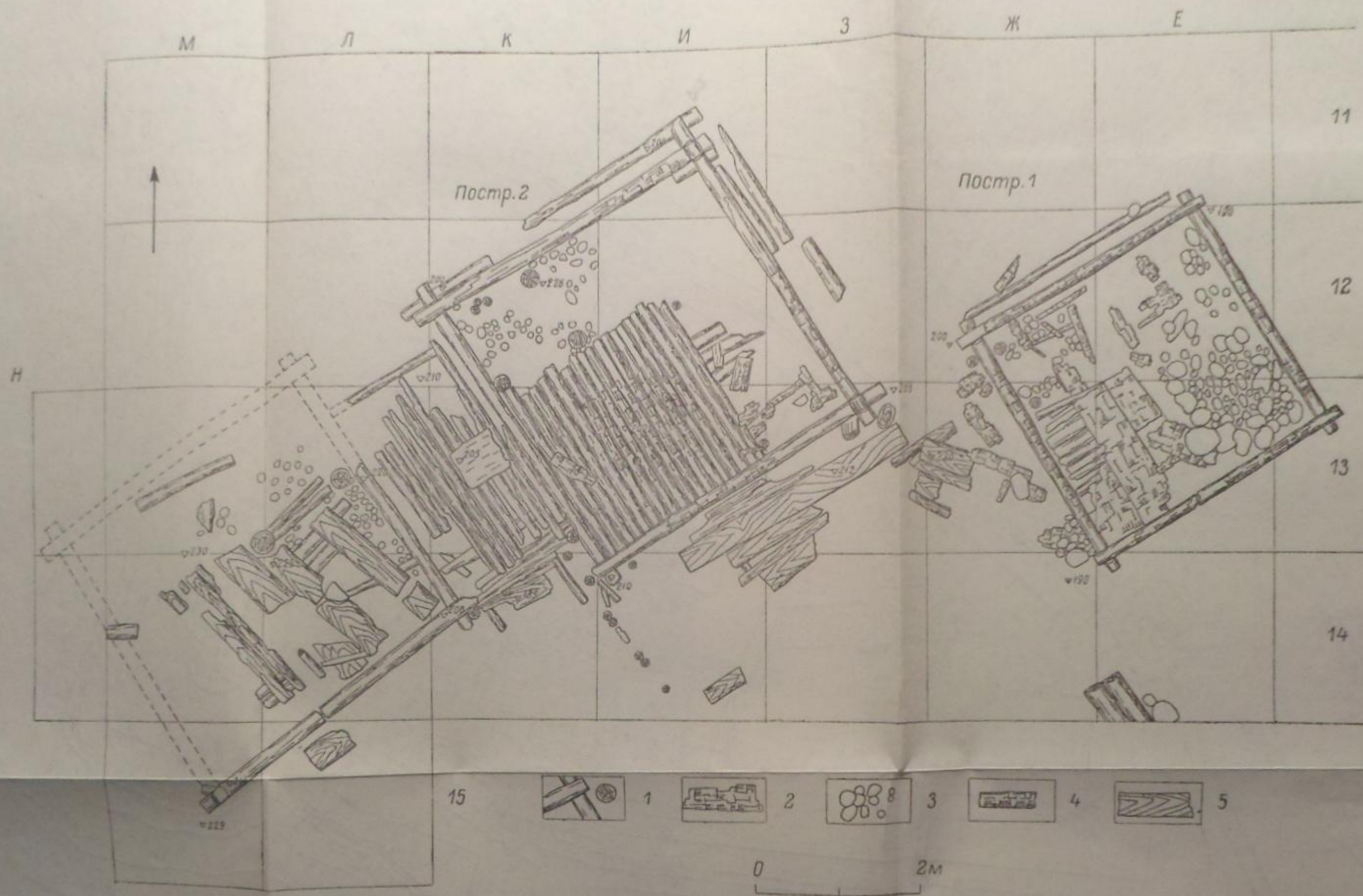

Рис. 15 План построек 1433 (1) и 1434—1435 гг. (2).
1 — бревна; 2 — горелые доски; 3 — камни; 4 — горелые бревна; 5 — негорелые доски.

мы узнали нового о средневековой крепости в истоке Невы, по существу явилось достижением архитектурно-археологических работ последних лет.²⁰ Наплыв нового материала столь велик и многообразен, что создает благоприятные предпосылки для нового переосмысления всей строительной и военной истории древней приневской твердыни.

Пишущий эти строки, однако, не скрывает, что имел дело с разнородными источниками и в созданной картине не хватает многих деталей. Если для XIV—XV вв. археологические сведения оказываются первостепенными, то для последующего времени они иссякают и на смену им приходят письменные. Предлагаемое читателю повествование строится на основе параллельного использования письменных, археологических, графических и реставрационных данных, для позднесредневекового города во многом еще не разработанных. Книга состоит из историко-археологических очерков, посвященных отдельным, в особенности недавно узнаваемым, сторонам жизни старой крепости и города в истоке Невы.

НОВГОРОДСКИЙ ФОРПОСТ

Остров в истоке Невы, кажется, впервые упомянут летописью под 1228 г., когда новгородцы во время похода на финское племя емлян «отступиша в островълец».¹ На островке площадью 300×200 м (современные измерения) и отстоящему от обоих берегов Невы примерно на 400 м действительно можно было удобно укрыться, особенно в виду вражеского войска («а емь на брезе с полоном»). Этот кусочек суши, вероятно, издревле использовался для стоянки торговых караванов, остановки и ночевки ратей и был, так сказать, ничейной землей.

В течение всего XIII в. остров не имел постоянного населения. При первом упоминании у него еще нет названия. Остров использовали как наблюдательный пункт, естественное убежище, безопасную станцию и уходили с него «без боя» так же легко, как и приходили. Несомненно, что во время летучих посещений были оценены географические преимущества острова. Так, в 1284 г., по-видимому, в этом месте новгородцы и ладожане, «сташа на усть Невы», разбили шведов, пожелавших «на кореле дань взяти».²

Морские вторжения шведов в Приладожье 1283 и 1284 гг. были предвестниками новой (после 1240 г.) волны военной экспансии на исходе XIII в., охватившей северо-запад Новгородской земли. Шведские отряды, подчинив Финляндию, вторглись в Карелию. В 1300 г. они в устье Невы основали Ландскрону. В связи с последним обстоятельством до нас дошло первое «именное» упоминание острова. По сообщению шведской рифмованной хроники (написана между 1322 и 1332 гг.), место, названное по-фински Пехкинесаар, т. е. Ореховый,³ было использовано для остановки передового сторожевого шведского отряда, следившего за русскими, приближавшимися к новосозданной Ландскроне. «Однажды, — сообщается в хронике, — когда они (т. е. шведы) стояли там (на Ореховом) и смотрели на берег, они увидели, что идет более 1000 готовых к бою людей. Дольше ждать не годилось, всякий знает, что ему следует делать, когда приходится трудно. И они двинулись вниз по реке (по

²⁰ Некоторые результаты исследовательских работ см.: Кирпичников А. Н. 1) Результаты раскопок древнего Орешка. — В кн.: Археол. отк. 1967—1970 гг. М., 1968—1971; 2) Древний Орешек. — Ист. СССР, 1970, № 3, с. 186—196; Иогансен М., Кирпичников А. Ключ-город. — Стр-во и архит. Ленинграда, 1970, № 12, с. 28—29; Кирпичников А. Н., Савков В. М. Крепость Орешек. Л., 1972; Иогансен М. В., Кирпичников А. Н. Петровский Шлиссельбург (по новооткрытым материалам). — В кн.: Русское искусство первой четверти XVIII века. М., 1974.

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 65.

² Там же, с. 325. — Исток Невы летописец называл устьем.

³ Наименование острова, вероятно, было связано либо с его формой, либо с растущим на нем кустарником.

направлению к Ландскроне)». ⁴ Последняя вскоре пала, а новгородцы обратили особое внимание на пустынный, но удобный в военных целях островок в истоке Невы.

В 1323 г. «ходише новгородци с князем Юрьем и поставиша город на усть⁵ Невы, на Ореховом острове, туто же приехавше послы великы от свейскаго короля и доконцаша мир вечный с князем и с Новым городом по старой пошлине». ⁶ Из этого сообщения видно, что заложение новой крепости мыслилось как важная политическая акция, связанная с заключением Ореховского мира. Так, в эпоху могущества Великого Новгорода на берегах Невы появился порубежный форпост. Возникновение новой крепости было вызвано рядом причин, причем основными были военно-стратегические и торговые. Новгородцы, равно как и их противники, понимали, что «крепость проход из Ладоги в Неву и из Невы в Ладогу содержит в своей власти». ⁷ В 1323 г. послы шведского короля впервые увидели новую крепость, которая отныне стала центром большой пограничной округи, начинавшейся на р. Сестре и включавшей устье Невы.

Договор 1323 г. был подписан в тяжелое для Новгорода время, он фиксировал потерю Западной Карелии. Однако в нем была определена русско-шведская граница, что приостановило шведскую агрессию внутри страны. Договор предусматривал свободу торговли: «Гости гостити бес пакости из всей Немьцыной земле... по Неве в Новгород горою и водою (по суше и по воде. — А. К.). Также и нашему гостю чист путь в море».⁸ Ряд статей договора имел вынужденный характер. Еще Иван III добивался восстановления утраченных, согласно договору, областей Карелии. Недолговечной была и статья о том, что ни шведы, ни русские не должны были ставить в Карельской земле новых крепостей. При всем этом юридическая и правовая сила договора 1323 г. действовала в течение почти трех последующих столетий. Ореховский мир явился своевременной и дальновидной дипломатической акцией, закрепившей за Новгородской республикой бассейн р. Невы. Своеобразным гарантом договора стала новая крепость в истоке Невы.

Летописец отметил, что мир 1323 г. был заключен «по старой пошлине», что предполагает существование более ранних двусторонних соглашений. О их времени можно предположительно судить по двум примечательным находкам, обнаруженным В. И. Кильдюшевским при раскопках остатков построек первоначальной ореховской крепости.⁹

* Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978. с. 115.

¹ Речь идет не об устье, а об истоке Невы.

сообщает Летопись Авраамки (ПСРП 1889 — 1890, т. 1, стр. 100).

Туманский Ф. Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и раз-

Грмоты Великого князя, 1789—1790 гг. — ГПБ, Рукоп. отд.,

² Князь Юрьевич В. И. Раскопки древнего...

Орешка. — В кн.: Археол. отк.
с. 17. — Печата найденны в сло

12 Их рисунки любезно предоставлены автором раскопок.

Речь идет о печатях князей Ярослава Всеволодовича и Андрея Александровича (рис. 11, 13а, 13б).¹⁰ Печати (точнее — скрепленные ими документы) попали в крепость на берегах Невы не в XIII в. (слоя данного периода на острове нет), а, очевидно, не ранее 1323 г. Эти документы скорее всего были привезены из Новгорода в составе посольских актов, необходимых в период мирных переговоров со шведами.¹¹ Могли требоваться они и позднее. Вероятность высказанного предположения подкрепляется тем, что оба упомянутых князя, находясь на службе Новгорода, проводили активную северную внешнюю политику. Первый из них в 1227 г. совершил крупный поход на емь, а в 1234 г. заключил мир с ливонскими немцами по «всей правде своей»; второй в 1301 г. разрушил шведскую Ландскрону, а два года спустя заключил мир с Данией.¹² Летопись, правда, не упоминает прямых мирных акций Новгорода со Швецией князей Ярослава и Андрея, но это не должно смущать.¹³ Ведь о первом русско-шведском договоре 1251 г. стало известно из скандинавского источника. Сохранилось, далее, известие 1268 г. относительно торгового места Берке (бывш. Койвисто, ныне г. Приморск Ленинградской области), что оно находилось «под миром и защитой (шведского. — А. К.) короля и Новгорода».¹⁴ Договор, предусматривающий такое совместное владение балтийской гаванью, до нас, к сожалению, не дошел. Возвращаясь к ореховским находкам, полагаем, что они намекают на существование в городе на берегах Невы своеобразного, привезенного из Новгорода дипломатического архива, включавшего документы, восходящие к 1220—1230 гг.

Что представлял собой новосозданный новгородский форпост? Его площадь, как показали археологические исследования, составляла 8500 м² и была тесно застроена однокамерными деревянными жилищами¹⁵ (раскопками В. И. Кильдюшевского вскрыто 17 срубов). Исходя из того что площадь каждого из домов, включая проходы и пристройки, составляла 50—55 м², что в острожке были две взаимно перпендикулярные улицы шириной 4 м и, очевидно, какие-то общественные здания, число одновременно построенных жилищ приближалось к 130, а численность их обитателей к 400. Взрослые 100—130 хозяев жилищ и образовывали гарнизон острова. Таким образом, речь идет о новом, основанном

¹⁰ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970, т. 2, табл. 1, 371; 3, 395.

11 Отнесение печатей к недипломатическим актам представляется маловероятным. Так сказать, внутренняя деятельность ореховцев в период их поселения на Неве не требовала, очевидно, каких-либо документальных обоснований столетней давности.

¹² Новгородская первая летопись..., с. 65 сл.

¹³ Договорные отношения между Новгородом и Швецией установились со времен Олега Вещего. Мир с «варягами» в очередной раз заключался еще в 1201 г. (Новгородская первая летопись..., с. 240).

¹⁴ Niitemaa V. Die frühen Städte Finnlands. — In: Acta Visbyensia. Visby, 1963. Bd 1, S. 199.

¹⁵ Используя предоставленные нами данные о точном местонахождении второй по счету ореховской крепости, возведенной в 1352 г. (об этом см. ниже), В. И. Кильдюшевский произвел исследование ее культурного слоя и обнаружил не менее трех строительных горизонтов, относящихся к XIV—XV вв. Стало очевидным, что укрепление 1323 г. располагалось на том же месте, что построенное в 1352 г., и, очевидно, предопределило размеры последнего.

по единому плану новгородскими колонистами (видимо, из числа свободных людей) военном поселении.

О составе населения можно судить, используя показания писцовой книги Орешка, составленной примерно в 1500 г. Тогда в городе насчитывалось 202 двора. Хозяевами 31 двора были 47 (20%) мелких вотчинников-своеземцев.¹⁶ Они имели городские дворы, но в момент работы писцов часть из них находилась в своих «подгородных» деревнях. Эта социальная группа потомственно существовала в Орешке с новгородской поры, возможно с момента основания города (разумеется, что их численность в 1500 г. была, вероятно, большей, чем раньше). Своеземцы наделись на землю в ближайшей к городу округе, за что должны были нести войсковую службу. Свидетельство этому слова документа 1555 г. о присылке земцев в Новгород «с людьми, коньми и з доспехом» (в этом смысле они были в какой-то степени предшественниками служилых помещиков XVI в.). Таким путем новгородское правительство осваивало пограничные территории, населяя их полувоевыми поселенцами из числа свободных слуг и вообще «охочих» людей. Другую часть горожан и одновременно городского полка составляли городчане, также, по-видимому, привлеченные какими-то льготами, но в отличие от своеземцев не связанные с сельским хозяйством и не имевшие загородных угодий.

О служебных обязанностях жителей ореховского поселения поведали археологические находки. При расчистке жилищ, относящихся к 1323—1346 гг., по сведениям В. И. Кильдюшевского, найдены не только предметы быта, но и наконечники копий и стрел, самострельные болты, фрагменты мечей, боевой топор, булава, части кольчужных и чешуйчатых доспехов. Все эти данные конкретизируют представление о том, как возникали созданные в период монгольского ига укрепленные города Северной Руси (аналогичным образом основывались Корельский городок на Вуоксе и Яма на Луге).

Не исключено, что среди первых жителей Орехова были не только русские, но и финны. Об этом, возможно, свидетельствуют найденные В. И. Кильдюшевским в слоях XIV—XV вв. популярные у карел и ижоры бронзовые украшения: два цепедержателя с симметричными стреловидными завитками и скорлупообразные фибулы с деградировавшим звериным орнаментом и так называемым ракообразным (целая и два обломка). Привлечение в состав «городчан» местных финнов, наблюдаемое также и в других северных форпостах — Кореле и Копорье, было, очевидно, вызвано заинтересованностью Новгорода в расширении рядов пограничных городовых ополчений.

Черты жизни приневского форпоста до некоторой степени можно проследить на основании современных событиям, но отрывочных летописных свидетельств. Прежде всего о самом наименовании. С 1323 по 1352 г. городок назывался по имени острова — Орехов, Ореховый, Ореховец. С 1352 по 1404 г. существовавшие названия Орехов, Ореховый

¹⁶ Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 года. — Временник МОИДР, 1851, кн. 11, с. 111 сл.

употребляются наряду с новым — Орешек. С 1404 г. в источниках безраздельно господствует последнее. Понадобилось, таким образом, более сотни лет, чтобы поселение обрело собственное имя, не совпадающее с названием острова. Новое имя городка свидетельствовало, вероятно, о том, что его границы постепенно расширились и включили в себя прилегающие берега Невы.

По летописным сведениям 1333—1462 гг., Орешек вместе с другими северными городами часто доставался «в кормление» литовским феодалам Гедиминовичам, а в дальнейшем его владельцами выступали и русские князья-изгои. В некоторых случаях власть держали или на нее претендовали сами новгородские бояре. Бывали случаи, когда князья нарушали присягу верности Новгороду, вызывая неудовольствие горожан и в конце концов смещались и заменялись другими. Пограничная служба на Неве была связана с риском, и некоторые владельцы города этим явно тяготились. Так, в 1338 г. новый хозяин Орешка Наримант оказался в Литве и «много посылаша по него, и не поеха нь, и сына своего выведе из Орехового именем Александра, токмо наместник свои остави». ¹⁷ «Неустойчивое» поведение князя объяснялось обострением положения на границе. «Той же весне (т. е. в 1338 г. — А. К.) ездisha новгородци с посадником Федором в Неву и стояша под Ореховым, съсылающеся послы с воеводою немечкым, с Стенем, и не бысть миру». ¹⁸

Весьма драматичные в истории новгородского Орешка события разразились в 1348 г. Они привлекли особое внимание летописца и породили в начале XV в. особое литературное произведение — «Рукописание Магнуша, короля свейского», благодаря которому до нас дошли ценные подробности о первоначальном Орехове. В упомянутом году шведский король Магнус Эрикссон предпринял крестовый поход на Русь. Первая цель его — взять давно мешавший шведам Орехов. Воспользовавшись отсутствием Нариманта, шведское войско «со многими кораблями и людьми» хитростью овладело крепостью. Осада, по-видимому, была недолгой, а сопротивление сломлено «льстивыми» обещаниями. «И затворися ореховцы во граде, а король оступи град и елицых изыма крести во свою веру, а прочее воинство розпусти в загоны... крамолюю взя град Орехов». ¹⁹ Был пленен весь посольский корпус, участвовавший в предшествовавших переговорах со скандинавским соседом, — новгородские бояре во главе с тысяцким Авраамом. Горожане и Наримантов наместник были отпущены за выкуп. ²⁰ Шведы оставили в городе гарнизон из 800 человек и «окрепили». Это был крупный успех противника — под угрозу попал весь район Невы. В том же 1348 г., после 7,5-месячной

¹⁷ Новгородская первая летопись..., с. 349.

¹⁸ Там же, с. 348.

¹⁹ Никоновская летопись. — ПСРЛ, 1885, т. 10, с. 220.

²⁰ По словам шведских источников, большая часть пленных крестилась, не захотевшие этого сделать были изрублены на куски (Далин О. История шведского государства. СПб., 1805, ч. 2, кн. 1, с. 613). Организатора похода Магнуса упрекали в том, что он напрасно даровал жизнь язычникам, польстившись на их серебро и золото (Головинский М., Ярышев Н. История финского народа. СПб., 1901, с. 28).

осады, новгородцы, подступившие со стороны Ладоги, пошли на штурм.²¹ «Приступиша к нему (городу. — А. К.) ... прикидав примет... загорелся примет и город, а немцы в костер (башню. — А. К.) вбегаюша, и новгородцы войдоша в городок и взяли его... а немец изсекоша, а иных поимаша». ²² В пламени штурма сгорела крепость 1323 г.; нетронутой, очевидно, осталась лишь каменная башня-костер, послужившая последним прибежищем осажденным.

Теперь мы в состоянии представить первоначальный Орехов, обнесенный деревянной круговой стеной с одной каменной башней. По своей функции это сооружение являлось и командно-наблюдательным пунктом, и опорой для борьбы. Крепости с одной каменной центральной или срединной башней появились в Юго-Западной и Западной Руси в период, когда резко возросло использование круговой высотной стрельбы. Во второй половине XIII в. таких круглых в плане или четырехугольных сооружений там было возведено не менее 15.²³ Все известия о русских башнях убеждают в том, что в отличие от обычных рыцарских донжонов они предназначались не для жилья, а в первую очередь для обороны. Строительство одиночных каменных башен распространилось на Северную Русь в первой половине XIV в. Такого рода постройки кроме Орехова известны в Изборске (между 1303 и 1330 гг.), Острове (середина XIV в.), Кореле (1364 г.). Ореховская по времени стоит одной из первых. Внедрение подобных сооружений на севере страны было, очевидно, подстегнуто возведением таких же башен у границ Новгородской земли, например в Выборге и Нарве.²⁴ В связи с этим обратим внимание на примененный к ореховской башне и впервые зафиксированный в летописи термин «костер». П. А. Раппопорт справедливо отметил, что это слово, употреблявшееся в Новгородской и особенно в Псковской землях вплоть до середины XVI в., произошло не непосредственно от латинского *castrum* (как обычно считалось), а от таких посредников, как эстонское *kastre*.²⁵ Сходные понятия имелись и во французском — *castro*, английском — *castle*, греческом — «кастрон», шведском — *kastale* — языках. Важно отметить, что северо-западные «кастрекастале» первоначально обозначали не вообще укрепление, а или одиночную башню, или такой объект, где башня доминировала.²⁶ По-види-

²¹ По словам Никоновской летописи (под 1348 г.): «Немцы же во граде начаша слабити, не бе бо у них запасу хлебного, бысть в них скорбь велиа» (ПСРЛ, 1885, т. 10, с. 220).

²² Новгородская четвертая летопись. — ПСРЛ, 1848, т. 4, с. 59.

²³ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976, с. 61.

²⁴ Kaljundi J. Narva kindlustused. Restaureerimisalaste artiklite kogumik. Tallin, 1976, p. 27—28, joon 1. — В Скандинавии одиночные каменные башни-бергфриды стали устраиваться с XII в., в Западной Европе они прослеживаются с IX в. (ср.: Kjellberg S. T. Skånska medeltidsfästern. — In: Kulturen 1969. Lund, 1969, p. 150 sq.).

²⁵ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. — МИА, 1961, № 105, с. 144.

²⁶ Olsson M. En grupp runda kastaler från romansk tid på Sveriges östkust. — Fornvännen, Stockholm, 1932, t. 27, p. 273 sq. — На Готланде небольшие башни-кастале в конце XII—XIII в. использовались как убежища, склады товаров, маяки.

мому, и новгородско-псковский термин «костер» изначально скорее всего обозначал однобашенное укрепление вроде, например, ливонского костра Варбек (эст. Uue Kastre) на р. Омовже (нем. Эмбах), упомянутого в летописи по поводу его взятия псковичами в 1480 г.,²⁷ и лишь позже, в середине XIV в., стал прилагаться вообще к башням. Таким образом, появление нового слова — свидетельство начала строительства в Северной Руси однобашенных каменных крепостей, что, как отмечалось в случае с Орешком и Изборском, имело место в первые десятилетия XIV в. Получается, что у заимствованного с Запада термина был, как видим, определенный хронологический и конструктивный адрес, позволяющий в отношении Новгородской Руси допустить кроме южнорусского и балтийско-скандинавское архитектурное воздействие (принявшее, впрочем, вполне местную окраску).

В какой степени первая ореховская крепость следовала южнорусской или орденско-балтийской традиции, из-за недостатка данных судить трудно. Установлено лишь, что пятно застройки поселения не покрывало весь остров. Подтверждение этому видим в таких летописных терминах, связанных со штурмом Орехова, как «оступи», «приступиша», «прикидав примет», словно речь идет о сухопутной осаде высадившегося на пустующую часть острова войска.

События, разыгравшиеся на Ореховом острове в 1348 г., имели свои последствия. В 1350 г. состоялся обмен пленными и тогда же «ореховским серебром поновлена церковь Бориса и Глеба в Новгороде». Так как Орехов недавно пережил бедствия войны, правдоподобна версия М. Н. Карамзина, что серебро, пошедшее на украшение крупнейшей новгородской церкви, отнято ореховцами у шведов.²⁸ В связи с пожаром крепости возникла необходимость нового срочного укрепления Орешка. И вот в 1352 г. «новгородцы заложиша город Орехов камен». ²⁹ Новая стройка была вызвана общенародным наказом и, видимо, быстро осуществлялась. «Добиша челом новгородьцы, бояре и черные люди архиепископу новгородскому, владыце Василию, чтобы „еси, господине, ехал, нарядил костры во Орехове“, — и он, ехав, костры нарядил». ³⁰

Обращает внимание некоторое различие двух приведенных сообщений. В первом упомянут город, как обычно называли тогда укрепления вообще, во втором — костры-башни. При комментировании второго сообщения было высказано предположение о поэтапном строительстве города в виде отдельных башен, прислоненных к уже существовавшим деревянным или каменным стенам.³¹ Вероятнее же иная расшифровка источника, отражающая необычность события. Запись Новгородской четвертой летописи (а также Летописи Авраамки и Псковской первой летописи) о заложении города традиционна. В отличие от нее сообщение

²⁷ Псковские летописи. Л., 1941, вып. 1, с. 77. — В Эстонской земле, судя по ливонским источникам, существовали и другие однобашенные замки (ср.: Tuulse A. Die Burgen in Lettland und Estland. Dorpat, 1942, S. 96—98).

²⁸ ПСРЛ, 1913, т. 18, с. 96.

²⁹ Новгородская четвертая летопись, с. 60.

³⁰ Новгородская первая летопись..., с. 100.

³¹ Алешковский М. Х. Новгородский детинец 1044—1430 гг. — Архит. наследство, 1962, № 14, с. 26.

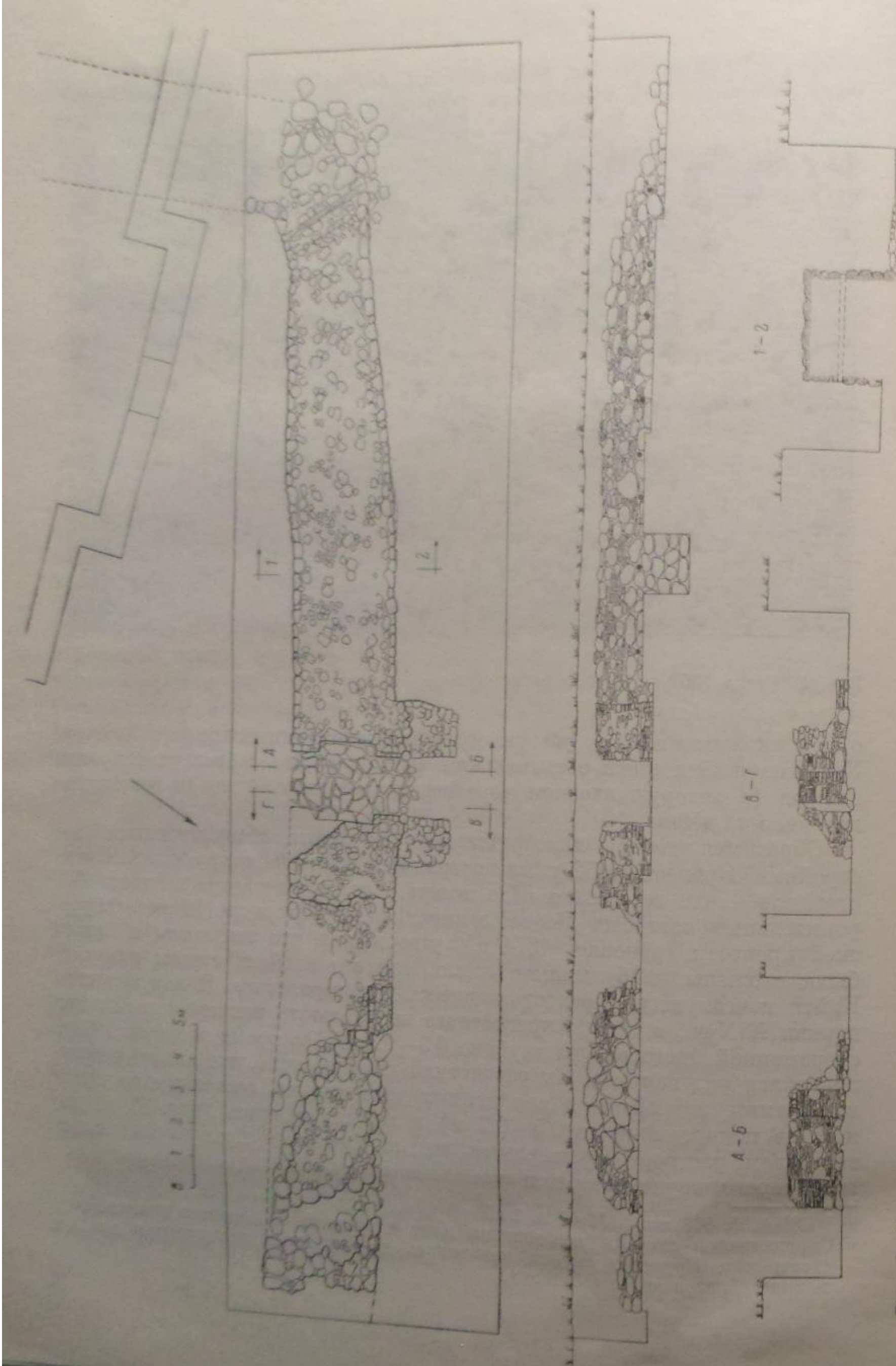

Рис. 3. Северное прясло стены 1352 г. План, фасады и разрез.

Напрашивалось предположение о дворце, тереме, церкви, отдельно стоящей башне. Из земли между тем открылась внушительная стена толщиной 2.7—3.3 м. Верх ее оказался срезанным примерно на один уровень. Кладка связана известковым раствором кремового оттенка с примесью кварцевого песка и глинистых включений (обычная ширина швов 2—4 см). Камни, пролитые раствором, возвышались на высоту 1.3 м. Ниже видны пустоты от торцов сгнивших бревен-лежней, располагавшихся перпендикулярно к наружной плоскости стены на расстоянии 1.5—2 м друг от друга. Еще ниже ряда лежней (на глубине от 1—1.3 до 2.3—2.6 м от верхнего среза стены) начиналась кладка из трех-четырех рядов крупных валунов (без плит), уложенных не на растворе, а на глине. Сухая кладка была «подземной» фундаментной частью стены и, судя по примыканию тонкого культурного слоя с черепками XIV—XV вв., в древности большей частью прикрывалась землей. Подошва стены заложена прямо на материковую глину.

Обнаруженный в 1969 г. 35-метровый по длине участок оказался лучшим по сохранности северным пряслом стены четырехугольного укрепления, в ходе работ последующего года вскрытого почти по всему доступному периметру (рис. 3).

Части западного прясла стены были открыты на глубине 0.1—1.5 м.³⁸ Кладку частично перекрывал слой с черепками XVI в. Крупные и мелкие валуны лежали в один-два ряда без раствора, достигая по высоте (от подошвы) 1 м. Ширина стены, сохранившейся здесь в основном только в фундаментной части, 3.1—3.5 м (рис. 4).

17-метровый по протяженности массив кладки восточного прясла был обнаружен в районе стены крепости московского периода у ворот, выходящих к Ладожскому озеру. Его конструкция не отличалась от описанной выше. Этот участок кладки был использован в качестве устоя лестницы крепости начала XVI в.

Южное прясло стены не сохранилось, так как попало в трассу более поздних стен крепости московского периода и было уничтожено. Место-

Рис. 4. Отрезок западного прясла стены 1352 г.

³⁸ Местами кладка западного прясла стены выступала прямо на поверхность земли.

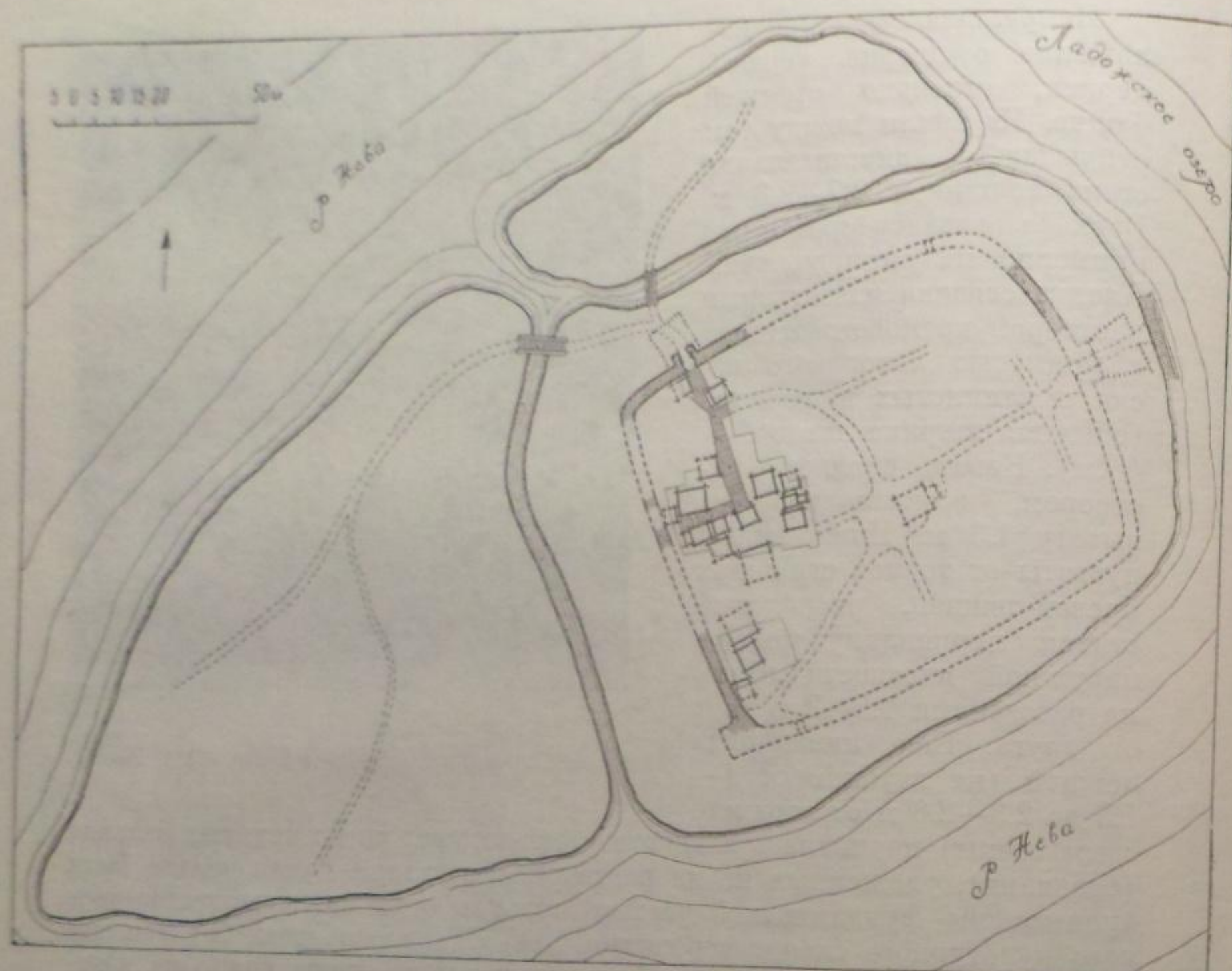

Рис. 5. Орехов 1352 г. План-реконструкция. Показана одновременная стенам раскопанная часть застройки. Чертеж архитектора Е. Г. Араповой, В. И. Кильдюшевского и автора.

положение этой преграды, однако, угадывается по завороту западного прясла. Поисковые шурфы в данном районе обнаружили сплошную каменную вымостку внутри описанных стен. Речь, очевидно, идет о замощении части двора в пределах ограждения 1352 г.

Все выявленные в 1969—1970 гг. участки стен общей протяженностью около 200 м (стена в ряде мест разрушена сооружениями XVIII—XX вв.) позволили достоверно воссоздать три прясла сооружения, охватывавшие самую высокую, юго-восточную часть острова площадью 90×100 м. Восстанавливается длина северной, восточной и западной стен (соответственно 90, 83, 83 м) и предположительно южной (около 95 м); следовательно, по своему плану сооружение приближалось к прямоугольнику (или трапеции) и общая длина его стен достигала 350 м (рис. 5).

Прасла стен имеют местами некоторый изгиб и свидетельствуют, что разбивка плана была осуществлена без идеальной угломерной точности.

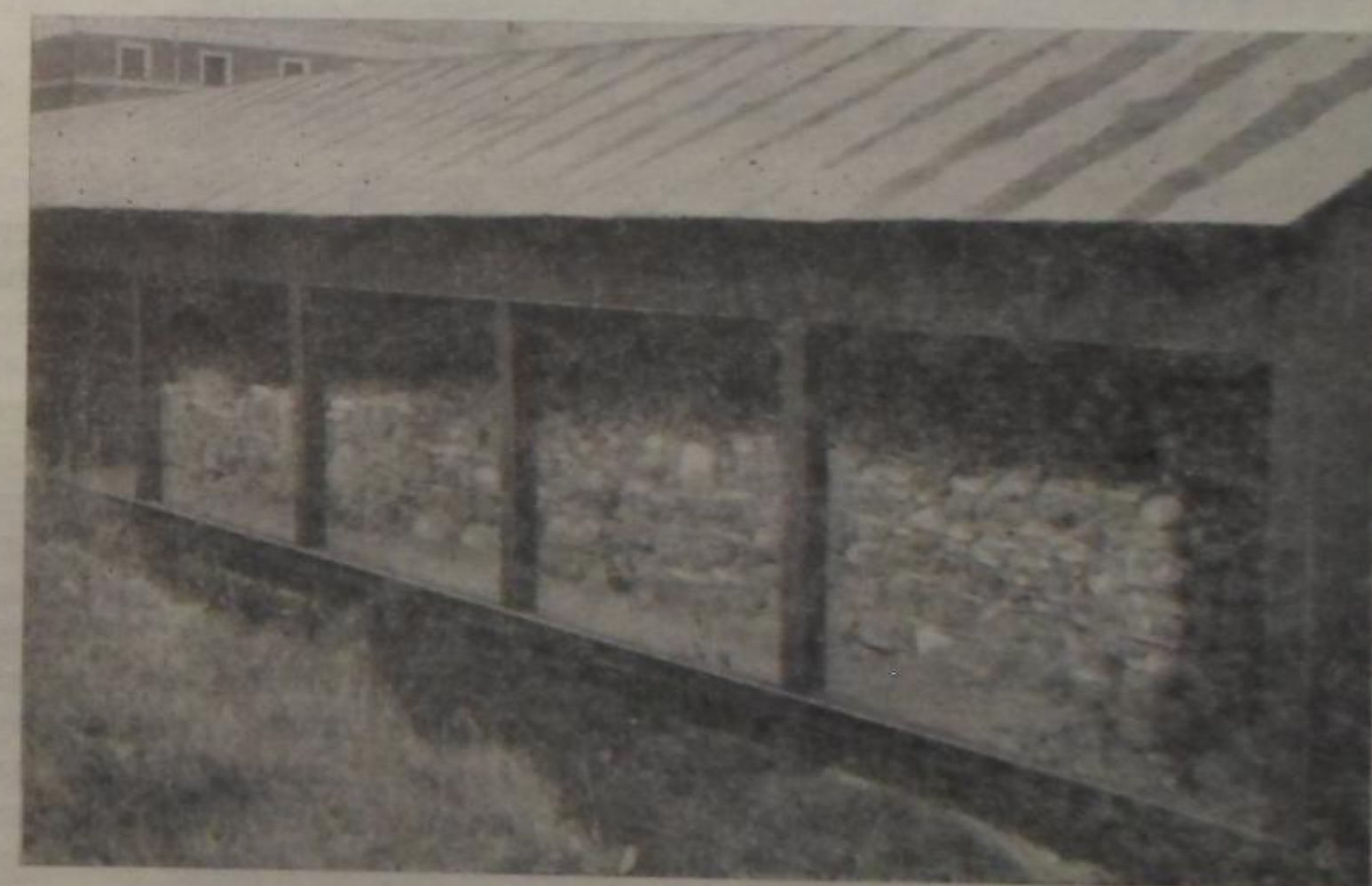

Рис. 6. Нижние части укрепления 1352 г.
1 — воротная башня; 2 — прилегающая к ней стена под смотровым козлом.

Рис. 7. Воротная башня. Реконструкция В. М. Савкова.

Имел отношение к этому и рельеф местности: так, например, изгиб участка восточной стены следует изгибу береговой линии. В то же время соблюден бросающийся в глаза регулярный принцип размещения стен: все прясла относительно прямолинейны, что несомненно связано с желанием создать замкнутое ограждение с приблизительно равномерной протяженностью всех четырех фронтов.

Примерно на середине длины вскрытой северной стены укрепления был обнаружен проездной проем, снабженный парными боковыми пилонами (рис. 6). Ширина прохода 1.6—2.3 м (обнаружена его вымостка). Ворота (это видно на пилонах) сохранились (на высоту 1.45 м от вымостки прохода) до пяты арочного свода. Наружные части ворот усилены двумя боковыми выступами, и в их толще открыты гнезда двух вертикальных бревен, приспособленных, очевидно, в качестве пазов для движения опускной решетки-герсы. Само воротное полотнище находилось за герсой. Его местоположение определяется двумя пазами для пропускания воротного засова. Этот засов мог полностью утапливаться в заднюю половину ворот, где глубина паза равнялась 3 м. В отделке ворот в отличие от прилегающей стены плит больше, чем валунов, что обусловлено наличием выступов и соединением плоскостей под прямым углом. Толщина плит 6 см и более, ширина 32—62 см; швы

раствора между ними равны 1—2 см. Общий размер ворот (в плане 5.25×5 м), наличие остатков арочного свода и двух наружных пилонов-выступов дают возможность представить воротную башню с по меньшей мере одним ярусом боя, расположенным над проходом (рис. 7).

В кладке, прилегающей к башне с востока, обнаружен угол ниши, возможно бойницы или камеры для прохода во второй этаж башни (толщина наружной стенки ниши 0,8 м). Таким образом, северное крыло включало двух- или трехъярусную воротную башню, снабженную опускной решеткой.

Остатки второй, на этот раз угловой, башни обнаружены в юго-западной части укрепления. Здесь сухая валунная кладка сохранилась очень плохо, но видно, что она выходит за пределы линии стены. В этом же месте улавливается также поворот стены в восточном направлении. Продолжение стены, т. е. южное прясло, в данном месте «перебито» фундаментом монетного двора, построенного в первой четверти XVIII в. Весьма возможно, что укрепление имело и другие башни, которые до нашего времени не сохранились.

Стены и башни, раскопанные в 1969—1970 гг., судя по всему, были не разрушены во время какой-либо осады, а преднамеренно сломаны примерно на один уровень при строительстве в начале XVI в. фортификации, приспособленной к пушечному бою,³⁹ и местами перекрыты слоем с находками XVI—XVII вв. При расчистке кладки оказалось, что развал ее разрушенной части тянется в напольную сторону на 30—40 м. Камень снесенных частей постройки, видимо, не предназначался для дальнейшего использования: его просто рассыпали по поверхности. В районе же восточного прясла он лежал сплошной 2-метровой по высоте массой. Под развалом с наружной стороны вокруг уцелевших частей стен открылась древняя поверхность, которая по направлению к напольной части острова через каждые 5 м падала на 0,4 м. Она была плотно утрамбована по известковой подсыпке. Речь, очевидно, идет о специально подготовленной, 25-метровой по ширине площадке перед укреплением — эспланаде, насколько известно, археологически прослеживаемой впервые.

Полное выявление стен, башен и границ сооружения, а также воссоздание его плана явилось одним из главнейших достижений работы экспедиции по изучению древнего Орешка (рис. 5). Сразу возник вопрос о интерпретации найденного бесспорно военно-инженерного сооружения. Идентичность техники кладки, отсутствие всюду каких-либо разъединяющих швов, единство в размерах, одинаковость строительного материала и раствора на всех исследованных участках убеждали, что перед нами одновременно построенное укрепление. Причем характер и приемы кладки, детали устройства, стратиграфия, находки — все указывало на XIV в. как период его создания.

³⁹ Возраст этой постройки в определенной мере устанавливается дендрохронологически по спилам бревен строительного ограждения стены, извлеченных при раскопках цитадели. Даты этих спилов — 1514—1525 гг. (Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977, с. 109).

Именно в этот век общего усиления крепостных сооружений преграды, возведенные на фундаменте из диких камней и состоящие по внешней поверхности из валунов и плит, все шире применяются в псковской и новгородской военной архитектуре, причем самые близкие аналогии оказались в Новгороде (стены детинца 1331—1334 гг.)⁴⁰ и Пскове (остатки стены 1309 г.).⁴¹ В Новгороде же А. В. Арциховским открыта стена 1335 г., прослеженная с перерывами на 196 м.⁴² Ширина ее, так же как и ореховской, 3 м, но сложена она из плит (валунный только фундамент) и в плане гораздо более криволинейна.

Ореховская воротная башня своим устройством несколько напоминает такие же сооружения новгородского острога конца XIV в.; правда, она меньше последних.⁴³

При всех сравнениях крепость 1352 г. во многих своих деталях являлась объектом новым и редким. Речь идет о памятнике архитектуры общерусского класса, сооружении, новаторском для своего времени.⁴⁴ Из всех дошедших построек доогнестрельного периода ореховская стена одна из лучших по сохранности и обилию деталей. Так, воротная башня — ныне древнейшая из всех дошедших на северо-западе Руси средневековых башен. Равным образом древнейшей является и ее герса (появление герса относили к XV в.).⁴⁵ Вынос воротной башни, равный 2 м, предполагает некоторую возможность фланкирования с верхнего яруса боя. Такой же или даже большей возможностью обладали, очевидно, и другие башни. Думаем, что расстановка башен была в данном случае подчинена принципу сплошного околостенного фланкирующего прострела. Обращают, далее, внимание прямоугольное построение плана и заданная длина прясел, равная 83—95 м, сопоставимая со средним перестрелом из лука или арбалета.

Трапецевидные и прямоугольные по плану крепости спорадически строились на Руси в X—начале XVI в. Постоянство, с которым возводились сооружения этого типа в разных районах и в разное время, наводит на мысль, что их использование не было таким эпизодическим и

⁴⁰ Такие особенности стены новгородского детинца, как ширина, равная 3,3—3,5 м, устройство ее фундамента из дикого камня не на известковом растворе, а на глине, напоминают конструкцию ореховского укрепления (ср.: Алешковский М. Х. Новгородский детинец 1044—1430 гг., с. 21).

⁴¹ Эти остатки, археологически выявленные в 1976 г., представлены валунным фундаментом из двух рядов валунов шириной до 3,5 м. На валунах покоилась плитняковая кладка (Лабутин И. К., Кильдюшевский В. И., Щапова Ю. Л. Раскопки в Пскове. — В кн.: Археол. откр. 1976 г. М., 1977, с. 23).

⁴² Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде. — МИА, 1949, № 11, с. 132—135.

⁴³ Косточкин В. В., Орлов С. Н., Раппопорт П. А. Новые данные об укреплениях новгородского острога. — В кн.: Памятники культуры. М., 1961, вып. 3, с. 73 сл.; Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е. О датировке вала и рва новгородского острога. — СА, 1970, № 4, с. 62—63, рис. 2 на с. 61.

⁴⁴ Остатки древнейшей русской каменной твердыни решено экспонировать в специальном музейном павильоне. Предназначенный для этого участок стены ныне закрыт временным деревянным козлаком.

⁴⁵ Косточкин В. В. Оборонительные сооружения древней Тулы. — В кн.: Памятники культуры. М., 1960, вып. 2, с. 76.

разрозненным, как может показаться с первого взгляда. До сих пор, в частности, считали, что крепости подобных очертаний, с прямолинейными пряслами стен, появились на северорусской территории лишь с середины XV в. (Володимирец, Кобыла, Красный Городок и др.), прежде всего в Псковской земле.⁴⁶ На примере Орехова (возможно, уже четырехугольного в 1323 г.), а также Орлеца, построенного в 1342 г.,⁴⁷ и Ямы (о ней см. ниже) видно, что военные объекты упомянутой формы сооружались на севере веком раньше и в свою очередь могли отражать еще более глубокие традиции древнерусского градостроения. Общая особенность таких крепостей X—XV вв. в том, что их длинная часть обычно обращена к наиболее безопасной стороне (обрыву, реке, озеру, болотистой низине), а короткая (одна или две) расположена с приступа. Плановая структура рассматриваемых крепостей отличается смягченной или строгой регулярностью: их стороны, даже если они несколько скруглены, имеют прямолинейный характер. При этом длина прясел определялась размером, кратным наиболее эффективной дистанции прицельной стрельбы из лука или арбалета (около 75 м). Перед нами, таким образом, сооружения, пригодные как для периметральной, так и для сосредоточенной обороны, а также удобные для ликвидирующего мертвые пространства размещения башен и въездов.

Наиболее сопоставимым с Орешком 1352 г. является упомянутый выше Орлец, построенный в низовьях р. Двины. Система обороны этой крепости базировалась на использовании нескольких рядов валов и рвов, что напоминает восточноевропейские укрепления второй половины XII—XIII в. Примечательной, однако, является главная напольная каменная стена (сохранилась в остатках), состоящая из двух прямоугольных отрезков, сходящихся под тупым углом.⁴⁸ В плане Орлец был первоначально трапецевидным или скошенно-четырёхугольным. Все указанные признаки свидетельствуют о некоторой регулярности. В отличие от Орешка в Орлеце еще не было фланкирующих башен, а воротная, будучи угловой, находилась в линии стен, т. е. не выступала в сторону поля. Крепость на Двине можно поставить в ряд близких не только хронологических, но и типологических предшественников более сложного укрепления на Неве.

Здесь встает в большой мере новый для отечественной историко-фортификационной науки вопрос, откуда появился на Руси тип каменного многобашенного укрепления. Новейшие исследования подчеркивают резкое различие путей развития (начиная с XIII в.) оборонительных сооружений Руси и граничащих с ней с запада стран. По-видимому, теперь можно смягчить такое императивное суждение, обратившись, в частности, к архитектуре прибалтийских средневековых бургов. Речь идет

⁴⁶ Раппопорт П. А. 1) Очерки по истории военного зодчества..., с. 86 сл., рис. 71—74; 2) Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. — МИА, 1967, № 140, с. 45 сл.

⁴⁷ Овсянников О. В. Орлецкое городище. — КСИА, 1963, вып. 96, с. 116—119.

⁴⁸ Овсянников О. В. Каменный кремль XIV в. в низовьях Северной Двины. — КСИА, 1976, вып. 139, с. 114—117, рис. 1, 2.

о крепостях так называемого кастельного типа, в плане прямоугольных или квадратных и, как правило, снабженных одной или несколькими башнями.⁴⁹ В Прибалтике такие укрепления появляются еще в XII в. и во второй половине следующего столетия принимают характерную форму, сочетающую признаки бурга и монастыря. Не случайно многие замки кастельного типа служили пристанищем или были приспособлены для нужд рыцарских орденов. Постройки этого образца развились на севере Европы под влиянием рейнской военной архитектуры, в свою очередь унаследовавшей античные (точнее — римские) традиции сооружения полевых военных лагерей.⁵⁰

На востоке Европы замки-кастеллы строились там, где проходили железные когорты датчан, шведов и немцев. Бурги крестоносцев как на Ближнем Востоке, так и у границ Новгородской Руси и Литвы предвещали угрозу порабощения и захвата земли. В этих новых обстоятельствах новгородцы (а затем и исковичи), до конца XIII в. (за исключением Ладоги) не имевшие каменных крепостей, при укреплении своей северо-западной границы не могли не обратить внимание на фортификацию ближайших западных соседей. По своему внутреннему устройству, обычно небольшому размеру и плановой структуре орденско-балтийские замки резко отличались от русских государственных крепостей. Объектом подражания в данном случае могла послужить не вся постройка, а ее отдельные конструктивные узлы. Действительно, по устройству своих башен, расположению и конфигурации примыкающих стен замок Або (1280—1290 гг.),⁵¹ королевская резиденция Кальмар (конец XIII в. или несколько позже),⁵² первоначальные башни и стены нижнего города средневекового Таллина (1330—1340 гг.)⁵³ близко напоминают Орешек 1352 г. Подысканные соответствия настолько очевидны, что с их помощью можно представить несохранившиеся верхние части крепости в истоке Невы. Ее стены достигали, видимо, 5—6 м высоты, а башни, учитывая островное положение укрепления, лишь немногим возвышались над стеной.⁵⁴ К числу вероятных общих северобалтийских архитектурных элементов Орешка относятся способ полубутовой кладки из плит-

няка и дикого камня, наличие в прямоугольном прясле средистенной воротной башни, устройство въезда с герсой. Как бы ни оценивать ореховское укрепление, при его объяснении нельзя обойтись без привлечения широких европейских аналогий. Речь, по-видимому, идет об естественном усвоении и использовании на севере Руси в период активизации каменного военно-инженерного строительства некоторых общебалтийских форм оборонного зодчества.

При всех сравнениях несомненно и своеобразие ореховского укрепления, выразившееся в отсутствии донжона и примыкавших к стенам каменных жилых построек. В целом крепость 1352 г. явилась оригинальным произведением-гибридом, в котором объединились местные и иноземные инженерно-строительные достижения и традиции.

⁴⁹ В узком смысле под кастеллом (от рим. *castellum*) понимают римский укрепленный военный лагерь четырехугольной формы (Tuulse A. *Burgen des Abendlandes*. Wien: München, 1958, S. 63 sq.).

⁵⁰ Drake K. *Die Hämeenlinna im Mittelalter*. — SMYA, 1968, Bd 68, S. 37.

⁵¹ Cardberg C. J. *Turun linnan vanhin rakennusvaihe ja sen kulttuurihistoriallinen tausta*. — In: *Eripainos Turun kaupungin historiallisen museon Vuosijulkaisusta* 30—31, 1966—1967. Turku, 1967. — Близкой аналогией Орехова 1352 г. являются также литовские крепости Медининкай и Креве, выстроенные в 1320—1350 гг. (Абрамаускас С. К вопросу генеза крепостных сооружений типа кастель в Литве. — Науч. тр. высш. учеб. завед. ЛитССР. Стр-во и архит., III, 1963, № 1, с. 73 сл.).

⁵² Tuulse A. *Borgar...*, Abb., p. 195.

⁵³ Zobel R. *Tallina linnamüür*. Tallin, 1966, p. 17 sq., joon 30.

⁵⁴ Для сравнения отметим, что стены Стокгольма (1248—1266 гг.) достигали в высоту 6,5 м, в толщину 2,3 м, крепости Хяме (1260—1290 гг.) — 5—6×2,5 м, Або (1280—1290 гг.) — 9×2,7 м, Висби (конец XIII в.) — 5,5×1,3 и 6×2 м, Ревеля — 5,9—6,3×1,3—2,3 м.

ОРЕХОВСКИЙ ПОСАД В XV СТОЛЕТИИ

Открытие каменного кремля 1352 г. дало ключ к разгадке всей исторической топографии острова. На расстоянии 25 м перед крепостью архиепископа Василия был обнаружен погребенный 3-метровой толщиной канал, разрезавший остров пополам. В 1969 г. трассу канала удалось проследить более чем на 110 м. Берега протока были облицованы в 1435 г. трехстенными срубам, как показал дендрохронологический анализ спилов бревен, а местами каменными подпорами высотой 1.35—1.4 м. Площадка вдоль берегов представляла мостовую с перилами. Эта редчайшая для городской средневековой Руси деревянная набережная трассирована раскопками на 25 м. Канал достигал ширины 3.3—4.8 м, в своей половинной части функционировал еще в XVI в. В таком виде он и был зафиксирован на шведских чертежах и описаниях XVII в., когда его стали засыпать. Если канал частично действовал в XVI в., а столетием раньше был благоустроен на всем протяжении, то не исключено, что он возник еще в XIV в. и выполнял роль гавани и рва перед крепостью 1352 г. Такой ров затруднял бы подступы к укреплению и отрезал его от западной части острова, служившей плацдармом для наступающего врага. От этого опасного «пятка» ореховцы избавились после того, как он был обжит в качестве городского района.

Оборудование канала связано с тем временем, когда это сооружение стало внутренней водной магистралью города, занявшего весь остров. На западной, противоположной укреплению 1352 г. стороне острова раскопками были открыты остатки спланированных по определенной системе деревянных построек, по показанию дендрохронологии, существовавших со второго десятилетия XV в.¹ Формирование данного новозаселенного района отражено в следующем летописном известии. В 1410 г. «заложиша город камен у Орешка около посада».² Сам по себе этот факт свидетельствует об относительном подъеме городского строя, ибо немногие города Руси того времени имели каменные кремни, сочетавшиеся с каменными же посадами. Таким городом, к примеру, был Псков. Что пред-

ставлял собой указанный посад и где пролегла его ныне не сохранившаяся каменная стена?

Поначалу нам казалось, что остров мал для посада и местонахождение последнего следует искать на близлежащих берегах Невы. Археологическая разведка, проведенная в 1968—1969 гг., обнаружила на обеих сторонах р. Невы керамику XVI в., т. е. впервые удостоверила следы заселения берегов Орешка. Эти части города отрезаны от крепости водным пространством, пожалуй, наиболее широким (около 400 м), чем где-либо в другом городе средневековой Руси. В дальнейшем данное обстоятельство неблагоприятно скажется на росте Орешка — уж слишком были разобщены и беззащитны его разрезанные водой части. Выяснилось также, что невые берега в районе острова приобрели значение посадов не позднее второй половины XV в. и при этом не были укреплены ни каменными, ни деревянными заграждениями.

В соответствии с буквальным смыслом летописного указания «у Орешка» первоначальный посад естественней было искать на самом острове. Это предположение подтвердилось: в 1970 г. в западной части острова, у Головиной башни, на глубине 2.3 м открыты характерный для стены новгородского Орешка развал камней и специфические для данного сооружения куски раствора. К сожалению, вся толща культурного слоя в этом месте сплошь нарушена канализационной и водопроводной системами начала XX в., что привело к разрушению посадской стены. Далее, в 1975 г. во время прокладки кабеля почти впритык к южной стене крепости начала XVI в. был обнаружен 8-метровый по длине массив валунов высотой около 2 м, шириной до 3.5 м, уложенных примерно в четыре ряда. Два нижних ряда представляли фундаментную основу и были вкопаны в материк, а два верхних были пролиты известковым раствором кремового цвета с насыщенной примесью песка.³ В кладке кое-где оказались выравнивающие прокладки плитняка; она отдельными зондажами прослежена на трассе 50 м, а в одном месте в 1979 г. расчищены три-четыре ряда известняковых плит длиной 40—60 см, толщиной 7—10 см, уложенных на валунах. Здесь стена сохранила свою фасадную облицовку, состоящую только из плит. Нет сомнений, что речь идет о преграде посада 1410 г., судя по ее наружной отделке из плит, выполненной уже в несколько иных приемах кладки, чем укрепление 1352 г. Исходя из того что обнаруженная преграда тянется вдоль береговой линии, она несомненно окружала всю часть острова, расположенную к западу от рва-канала (рис. 5).

После приращения посада весь остров оказался прикрытым каменным панцирем стен и, очевидно, к 30-м гг. XV в. большей частью застроенным. О двухчастном делении укрепленного поселения автор начала XVII в. А. М. Родосhevский, подытоживая практику предшествующего времени, писал: «...чтоб вышеград (новое появившееся в XV в. название кремля или детинца. — А. К.)⁴ против посадского града сте-

¹ Исачин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977, с. 109—110.

² Летопись Авраамки. — ПСРЛ, 1889, т. 16, с. 159.

³ Кильдюшевский В. И. Раскопки древнего Орешка. — В кн.: Археол. откр. 1975 г. М., 1976, с. 17.

⁴ Вышний город впервые упомянут Новгородской первой летописью под 1410 г. В произведении 1499 г. русский книжник счел необходимым слово «кром» по-

ною твердой укрепить, а окольной гряд от вышеграда просто было и не укреплено». Действительно, ореховский посад отделялся от вышегорода-кремля лишь внутриостровной протокой, которая служила не только водной преградой, но и вместительным судам. Ширина канала была достаточной для пропуска и стоянки речных кораблей. Орешек новгородской поры стал не только крепостью, но и портовым, торговым центром.

Судоходные связи Новгорода с Западом главным образом осуществлялись по Волхову, Ладожскому озеру, Неве. Особенно возрастала роль этой водной артерии в периоды запретов, так сказать, сухопутной торговли немцев в самом Новгороде. По Неве шла в XIV—XV вв. торговля солью, сельдью и другими товарами. В ней участвовали купцы из Нарвы, Выборга, Ревеля, в меньшей мере из других городов. По Неве направлялись за рубеж и новгородцы. Пытаясь помешать этому движению, прибалтийские государства отказывали им в гарантиях безопасности, словами того времени — в чистом пути. Так, в 1426 г. должностные лица Дерпта заявили, что если новгородцы хотят посещать Неву и ездить в море, то они должны сами о себе беспокоиться, «так как море имеет много углов и много островов и истари не было чистым».⁶

При проезде через новгородские владения западные купцы пользовались услугами русских лодочников, лоцманов, возчиков, носильщиков. Орешек был первым речным городом на пути заморских гостей и наряду с Ладогой выступал организатором транспортировки грузов. В нем, как и в Новгороде, имелись судовладельческие корпорации. Так, в 1412 г. немецкие купцы запрещали своим людям пользоваться лодками, принадлежащими ореховцам Уске и Луке и новгородцу Кузьме Царькину.⁷ Не нравились немцам и действия русских «речных товариществ», требовавших плату за обратный рейс без фрахта и налог за незагруженные ладьи. Открытое судоходство затрудняли и претензии заморских купцов, и пограничные недоразумения, и набеги пиратов. К примеру, в 1392 г. ореховцы без помощи новгородцев расправились с морскими разбойниками: «Того же лета пришедше из моря разбойнице немце в Неву, взяша села по обе стороне реке за 5 верст до городка, до Орешка, и князь Семеон с городцаны сугнаше, иных избиша, а иных разгониша, и язык в Новгород приведоша».⁸

Орешек являлся не только центром мирного судоходства по Неве и защитником земледельческой округи, но и базой военного флота. Об этом мы судим по одному косвенному воспоминанию. Во время новгородско-ливонской войны 1443—1448 гг. шведский наместник в Выборге послал на Неву лазутчика, и тот, побывав в Орешке, разведка, что русские собирались отправить под Нарву на ладьях 2500 человек. «Но ему

⁶ Яснить словом «вышеградец» (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1976, вып. 3, с. 276).

⁷ Михайлов О. [А. М. Родославский]. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1777, ч. 1, с. 94.

⁸ Казакова Н. А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV веке. — Ист. зап., 1949, т. 28, с. 128.

⁹ Hannisches Urkundenduch. Leipzig, 1899, Bd 5, S. 540.

¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 385.

никак не удалось расспросить, сколько ладей их туда повезут. И эти самые ладьи должны отвезти туда (к Нарве. — А. К.) весь их провиант и снаряжение».⁹ Ладья вмещала до 50 человек; следовательно, речь могла идти о флоте, насчитывавшем не менее 50 судов. В тексте цитированного документа Орешек как пункт выхода боевых кораблей прямо не назван, но на Неве он с его укрытым от посторонних глаз каналом и причалами был самым подходящим местом для сосредоточения такой флотилии.

Показателем достаточной зрелости городской жизни является упоминание ореховских горожан, или «городчан». Впервые они названы в 1348 г. и в дальнейшем выступают как самостоятельная политическая и военная сила. Так, в 1384 г. вследствие жалобы ореховцев и жителей Корелы был смещен их наемный князь Патрикий Нариманович. Городчане пользовались доверием в Новгороде и в случае нужды могли выступить как организованный боевой отряд.

Итак, к середине XV в. Орешек представлял островную крепость, состоящую из двух линий крепостных сооружений: кремля 1352 г. и посада 1410 г., разделенных ровом, переоборудованным в канал и, очевидно, приспособленным для стоянки кораблей. Ореховцы выступали организаторами мирного судоходства по Неве, а наименование их города все чаще фигурировало в торговых и дипломатических документах прибалтийских городов. О постройках и быте этих людей мы узнаем на основании археологических изысканий.

О деревянной застройке острова мы стали судить прежде, чем определили ее посадскую принадлежность. Относящийся к средневековью культурный слой был обнаружен уже в первый год раскопок на участках 1, 1а и 1б, в ходе последующих работ слившихся в один общий раскоп площадью 500 м². Классически ясной и четкой оказалась стратиграфия этих участков (рис. 8). На глубине 0.4—0.6 м от дневной поверхности начинался слой, относящийся к XVI в.; от нижележащего он был отделен прослойкой глинистого песка и щебня. Под последней на глубине от 1—1.4 до 2—2.4 м располагался другой самостоятельный слой, включающий два или местами три строительных яруса, насыщенных такими обычными для северорусских городов остатками, как дерево, щепа и навоз. Примерно метровая толща этого слоя образовалась, как удалось определить, в течение XV в. и, следовательно, характеризует островной Орешек в последний век новгородской независимости.¹⁰

Что же касается слоя XV в., то интенсивность его роста близка той, которая установлена при исследовании Новгорода Великого. Повышенная и постоянная влажность земли и плотное глиняное материковое основание обусловили рост последовательных напластований посада только в одном направлении — вверх. Получалось, что каждый новый слой как бы покрывал предшествующий, не только не повреждая, но и кон-

⁹ Клейнберг И. Э. Военно-морские действия новгородцев при отражении орденов агрессии 1443—1448 гг. — Ист. СССР, 1958, № 4, с. 116.

¹⁰ Первые ореховцы, когда не существовало посада, жили в укреплении 1323 г., занимавшем примерно ту же площадь, что и крепость 1352 г.

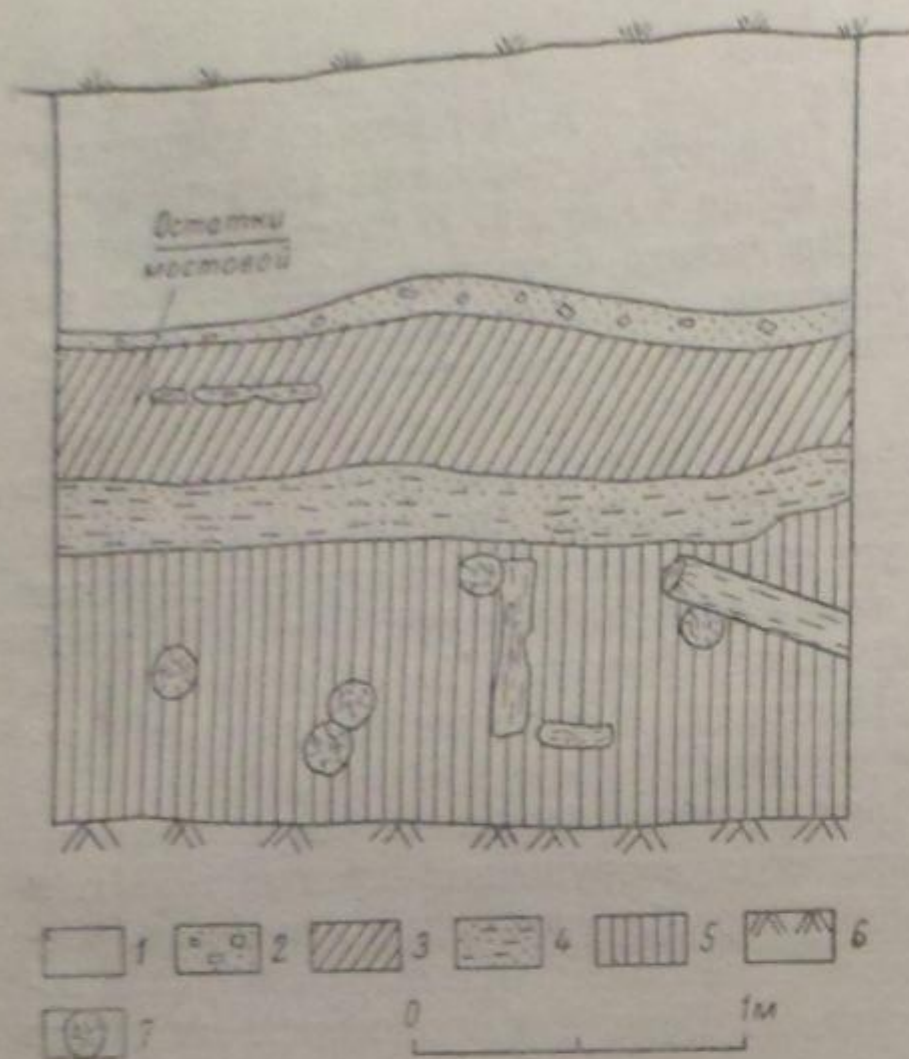

Рис. 8. Разрез напластований посада.

1 — слой XVIII—XIX вв.; 2 — песок, обломки плитняка; 3 — слой конца XV—первой половины XVI в.; 4 — глинистый песок; 5 — слой XV в.; 6 — материк; 7 — торцы бревен и досок.

сервируя его, при этом всякого рода перекопы, а также рытье погребов и подвалов не практиковались.

Первые избы ореховского посада, по дендрохронологическим данным, были поставлены вскоре после сооружения стены 1410 г.¹¹ Конец существования деревянной застройки новгородской поры, судя по вышеназванным датам, а также и по сплошной перекрывавшей весь нижний слой нивелиро-

вочной прослойке песка и щебня, наступил где-то в конце XV в. и связан с созданием новой крепости и перепланировкой островной территории.

Слой XV в. оказался прекрасной консервирующей средой, сохраняющей органические материалы. Не будь этого обстоятельства, постройки и большинство всех находок никогда бы не стали достоянием науки. При исследовании данного слоя были расчищены расположенные по определенному плану избы высотой до двух-четырех венцов, стенки и полы амбаров и клеток, перегородки скотных загонов, основания хлевов, плахи тротуаров в проходах между сооружениями, мощеные дворы. Постройки представляли собой одиночные или тесно соседствующие срубы размером от 3×3 до 5.5×5.5 м, а также различные пристройки к ним. Сооружения ставились прямо на землю или, реже, на обрубки-кругляши. В качестве гидроизолирующего материала для стен и полов иногда использовалась береста (на одном из кусков сохранился солярный знак). Зафиксировано множество таких деталей построек, как настилы полов, развалы печей с опечными столбами, перегородки внутри домов, подкладки под настилы, пороги, дворовые частокоты. Все постройки рублены «в обло» (с чашей врубки на верхней стороне каждого нижнего бревна), но иногда встречается соединение конструкций способом «в замет» (характерно для пристроек). Преемственность между горизонтами устанавливается одинаковой ориентацией жилищ и существованием проулков между домами. Некоторые постройки носят следы пожара, однако тотального характера это бедствие, по-видимому, не при-

¹¹ Судя по дендрохронологическим данным, отдельные разрозненные постройки могли существовать на территории посада со второй половины XIV в. (Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология..., с. 109).

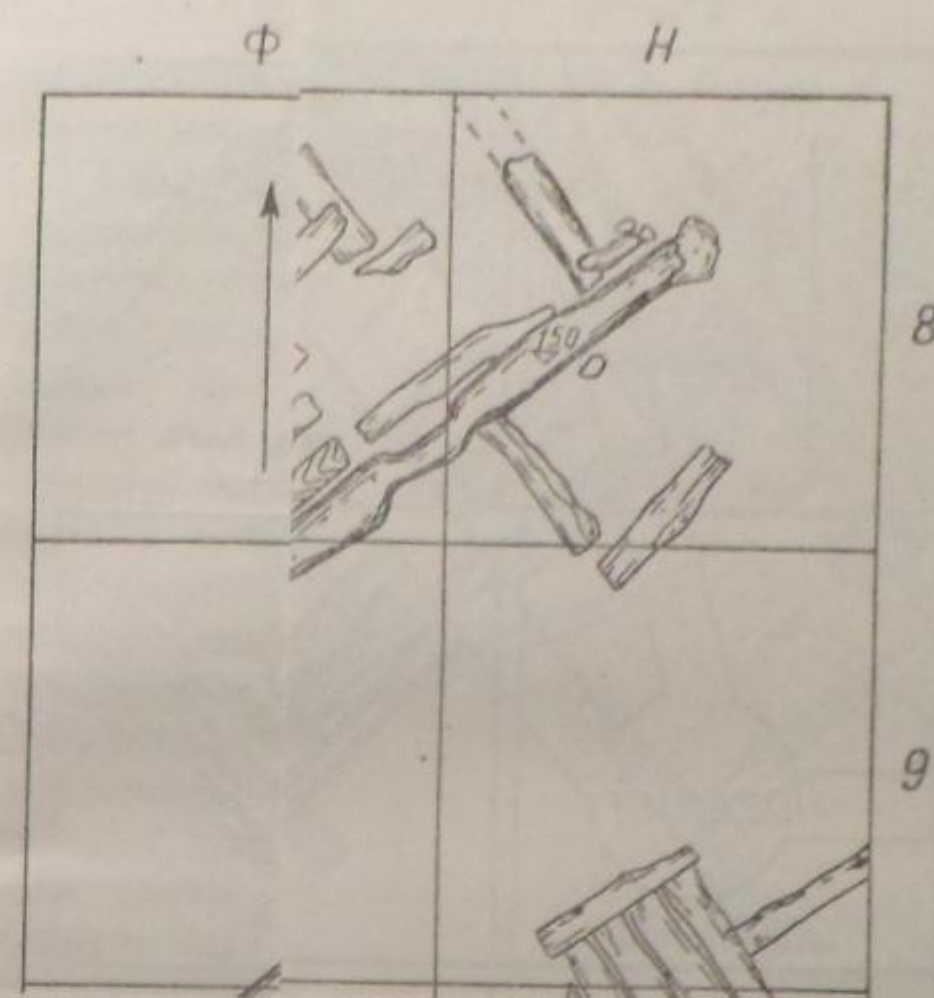
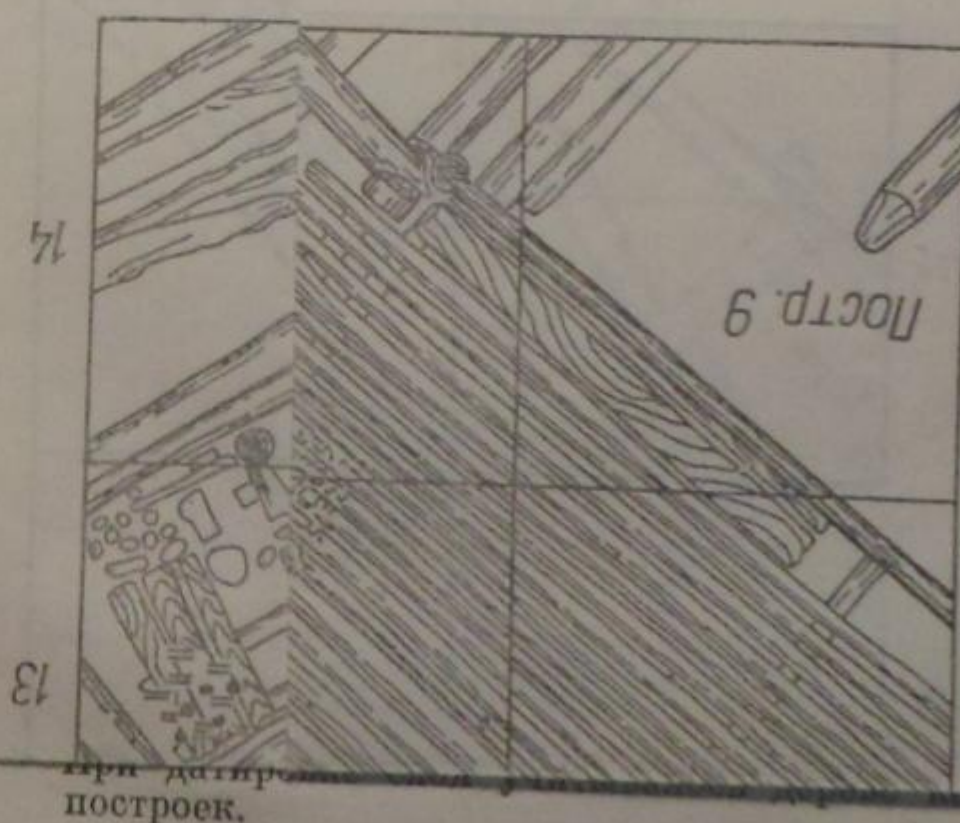

Рис. 10. Раскоп 16. План постройки 16. 1 — бревна; 2 — горелые бревна; 3 —

стро-
тери-
ке —
ород-
ности
змер-
тому,
пли-
оной
три-
одно-
но и
юма,
ение
сь и
гаря.
лен-
грое-
орых
лько
е 16,
гель-
очно
бине
гг.,
тно,
очвы
рно,
все
х на
боры
или-
льно
того,
ь на
по-
на-
ка и
1, ко-
более
32 сл.
других

Рис. 8. Разрез напластований по-
сле раскопок XVIII—XIX вв.; 1 — песок,
обломки кирпича; 2 — слой конца
XV—начала XVI в.; 3 — слой XV в.;
4 — слой XIV в.; 5 — торф; 6 — торф;
7 — торф; 8 — торф; 9 — торф; 10 — торф;
11 — торф; 12 — торф; 13 — торф; 14 — торф.

серия его, при этом вся-
кого рода перекопы, а также
рытье погребов и подвалов
не практиковались.

Первые избы ореховского
сада, по дендрохроноло-
гическим данным, были по-
ставлены вскоре после со-
оружения стены 1410 г.¹¹
Конец существования дере-
вянной застройки новгород-
ской поры, судя по вышена-
званным датам, а также и
по сложной перекрывавшей
весь нижний слой нивелиро-
ванности в конце XV в. и связан-
ной островной территории,
вырученной средой, сохраняю-
щей обстановка, постройки и
стали достоянием науки. При
их расположении по опреде-
ленным концам, стенкам и полам
амбаров, основания хлебов, плахи
и мощеные дворы. Постройки
соседствующие срубам разме-
щенные пристройки к ним. Со-
держимое, на обрубках-кругляши-
нах для стен и полов иногда ис-
пользовались солярный знак).
Постройки, как настилы полов,
отгородки внутри домов, под-
стоиловы. Все постройки руб-
лей стороне каждого нижнего
этажа конструировались способом
взаимосвязи между гори-
зонтальной жилами и существо-
вавшие постройки носят следы по-
ставки, по-видимому, не при-
надлежащие разновременные постройки
XIV в. (Нос-
т. 199).

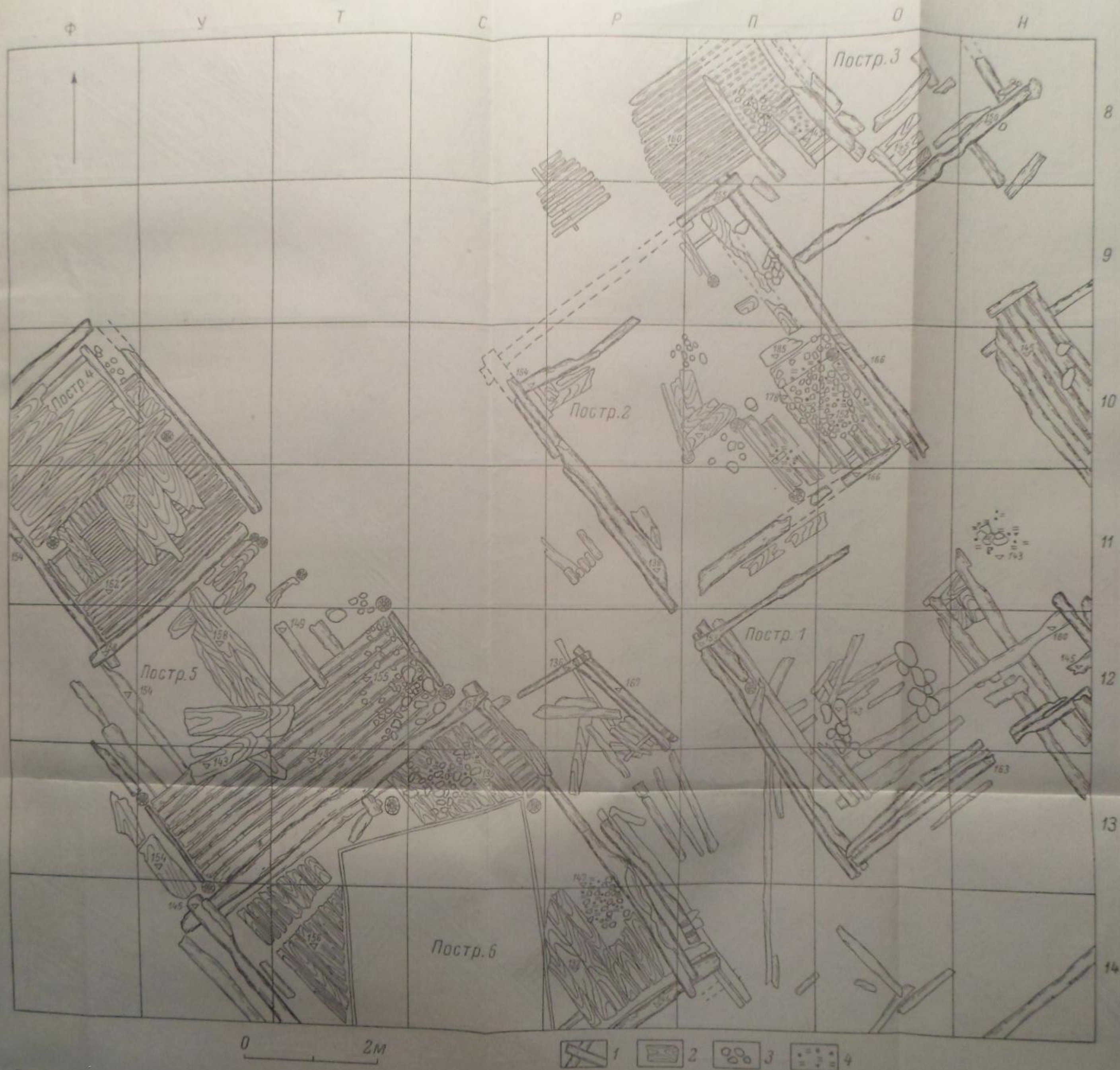

Рис. 9. Раскоп 16. План построек строительного горизонта 1449—1476 гг.
1 — бревна; 2 — доски; 3 — камни; 4 — обожженная глина и угли.

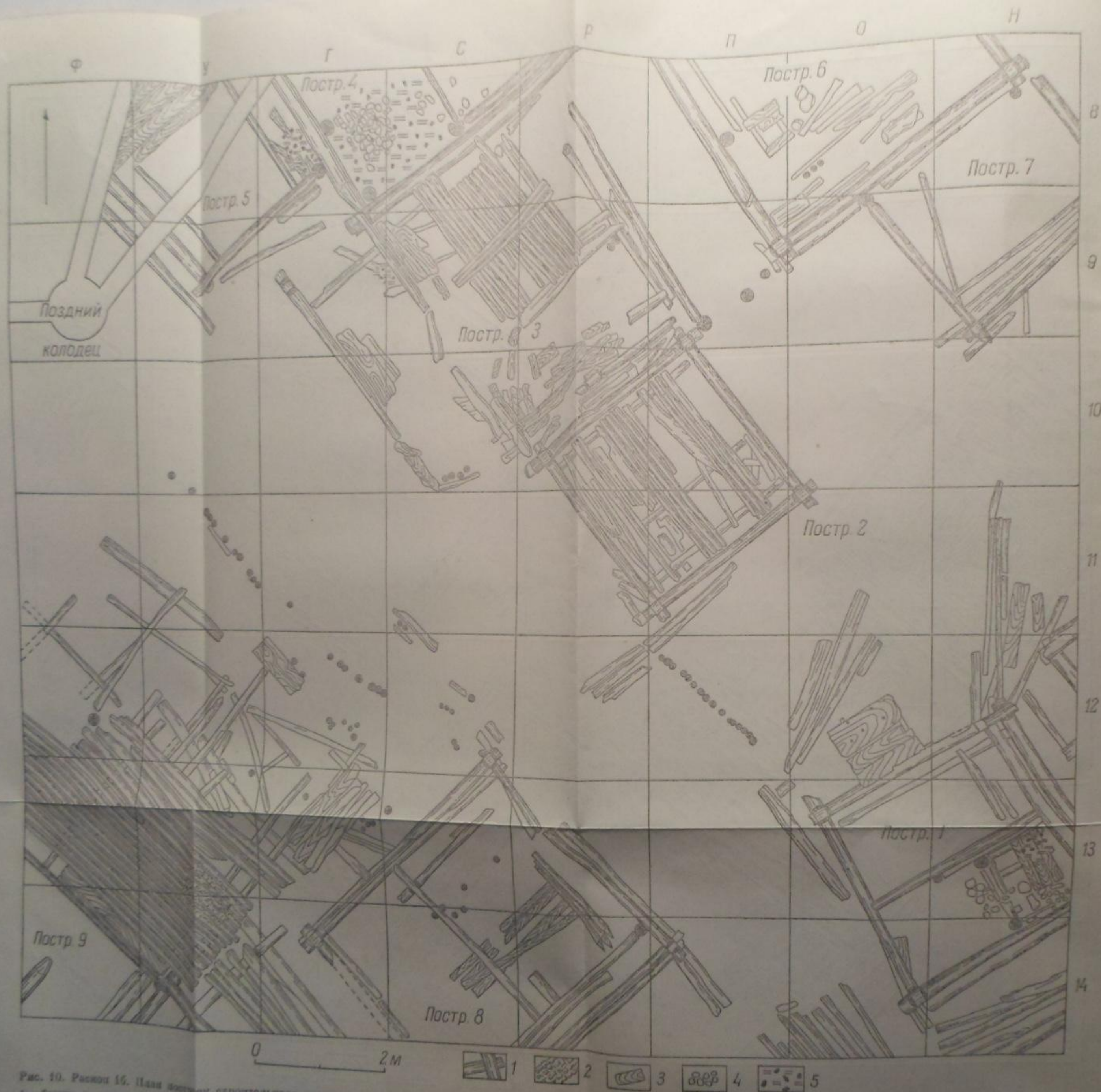

Рис. 10. Раскоп 16. План построек строительного горизонта 1410—1438 гг.
1 — брус; 2 — горелые брус; 3 — доска; 4 — настил; 5 — обожженная глина и угли.

нимало. Замечено, что сооруже-
ились вновь на прежних местах

Усадьба позднесредневековой
ферии, если и известна, то п
графическим материалам. Раск
ского двора ореховца, имевше
семью (5—6 человек); в одно
двора был не менее 250 м². О
одноэтажный (в ряде случаев
ваемой избы, сеней и хол
обращенной к улице (во в
таких дома).¹² Городской дом
временю. Усадьба же, имея
соседние дома), воздвигалась п
различные пристройки, крыль
многих дворовых построек бы
как хлева, и как места хран
Ореховский двор отличался к
ными вспомогательными постр
нием, располагавшимся в глу
городов XVII в. с их скученны
короткой стороной.¹³

Лучшая серия ореховских
исследованном в 1970 г. Здесь
ных горизонта с жилищами и
типичными по своему устройс

По данным дендрохронол
1.5—1.7 м постройки верхне
а нижнего (глубина залегания
строительный горизонт существ
составлял около 1 см в год.

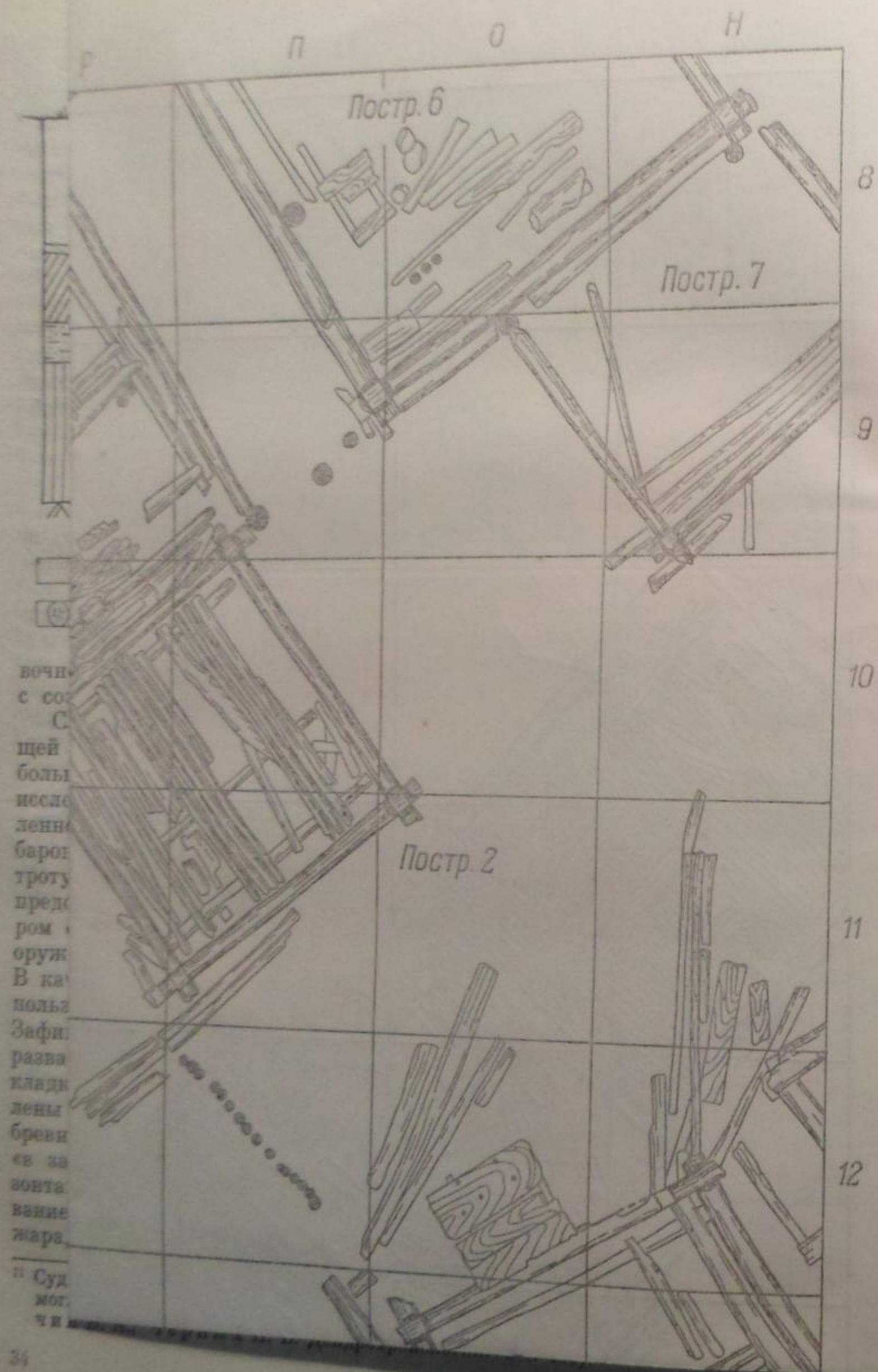
Раскопанные постройки
но небогаты инвентарем. Б
сколько-нибудь годные и цен
месте оставались негодные или
найденных вещей носят случ
щах найдено немного металл
представлены изделия из де
устойчивые повторения оди
некоторые заключения о зан
сада. Обратимся к описанию
чина с верхнего горизонта.

¹² Двух- или трехчастные дома
в XVI в. Что касается опред
нечно, исключить, что отдел
одного этажа.

¹³ Засурцев П. И. Постройки

¹⁴ При датировке слоя учитывал
построек.

нимало. Замечено, что сооружения чинились, перестраивались или строились вновь на прежних местах.

Усадьба позднесредневекового горожанина, жителя новгородской периферии, если и известна, то преимущественно по письменным, реже — графическим материалам. Раскопки позволили наметить элементы городского двора оrehовца, имевшего, вероятно, нормальную по численности семью (5—6 человек); в одном случае удалось установить, что размер двора был не менее 250 м². Основу его составлял обычно, по-видимому, одноэтажный (в ряде случаев трехчастный) дом, состоящий из отапливаемой избы, сеней и холодной клетки, длинной («фасадной») стороной обращенной к улице (во время раскопок 1969—1970 гг. открыты три таких дома).¹² Городской дом, насколько можно судить, строился одновременно. Усадьба же, имея в виду остальные ее постройки (равно и соседние дома), воздвигалась постепенно и включала однокамерные дома, различные пристройки, крыльца, открытые мощеные дворы. Назначение многих дворовых построек было универсальным — они использовались и как хлева, и как места хранения утвари и хозяйственного инвентаря. Orekhovetsky двор отличался как от крупной усадьбы с ее многочисленными вспомогательными постройками и часто высотным хоромным строением, располагавшимся в глубине участка, так и от двора некоторых городов XVII в. с их скученными домами, выходившими на улицу только короткой стороной.¹³

Лучшая серия orekhovetskyх построек была прослежена на раскопе 16, исследованном в 1970 г. Здесь выявлены два самостоятельных строительных горизонта с жилищами и другими сооружениями, видимо достаточно типичными по своему устройству (рис. 9, 10).

По данным дендрохронологического анализа, лежащие на глубине 1.5—1.7 м постройки верхнего горизонта датируются 1449—1476 гг., а нижнего (глубина залегания 1.7—2 м) — 1410—1438 гг.¹⁴ Следовательно, строительный горизонт существовал не менее 27—28 лет, а подъем почвы составлял около 1 см в год.

Раскопанные постройки выразительны, так сказать, архитектурно, но небогаты инвентарем. Владельцы жилищ стремились сберечь все сколько-нибудь годные и ценные для них изделия. При перестройках на месте оставались негодные или малоценные предметы. Вот почему наборы найденных вещей носят случайный и неполный характер. В этих жилищах найдено немного металлических и глиняных предметов, зато обильно представлены изделия из дерева, бересты, коры и кожи. Кроме того, устойчивые повторения одних и тех же находок могут натолкнуть на некоторые заключения о занятиях жителей orekhovetsky острова посада. Обратимся к описанию обнаруженных деревянных сооружений, начиная с верхнего горизонта.

¹² Двух- или трехчастные дома будут, по-видимому, типичны для Oreшка и в XVI в. Что касается определения этажности этих построек, то нельзя, конечно, исключить, что отдельные части хоромного строения имели и более одного этажа.

¹³ Засурцев П. И. Постройки древнего Новгорода. — МИА, 1959, № 65, с. 262 сл.

¹⁴ При датировке слоя учитывалось дерево как жилых комплексов, так и других построек.

Сруб 1¹⁵ имел размер 4,5×4,5 м. В завале дерева, в центре сруба, сохранилась полукольцевая каменная выкладка, очевидно от печи. Находки — обломок точильного камня, часть крицы, рыболовное грузило в форме «кольца лыжной палки» (типа изображения на рис. 11, 12).

В срубе 2 (5×5 м) в восточном углу обнаружены остатки печи размером 1,5×1,8 м. Сохранился подпечный настил печи и частично под из глины и камней. Находки — крица, точильный камень, берестяной поплавок, обломки днища или крышки бочки. Дендрохронологическая дата — 1454 г.

В постройке 3 выявлены одна сторона сруба длиной 4,5 м и остатки настила пола. Находки — крица, заготовка из рога, два точильных камня, пять каменных (типа изображения на рис. 11, 8) рыболовных грузил (частично заготовки — каменные вкладыши), два поплавка из коры (типа изображения на рис. 11, 6), пряслица из песчаника.

В срубе 4 (3,5×4,5 м) местами сохранились четыре последовательных настила пола и два столба по оси сруба, очевидно остатки перегородки. Находки — обломок инкрустированного медью навесного замка, каменное рыболовное грузило (рис. 11, 8) и пряслице из обожженной глины.

У постройки 5 (4,5×4 м) сохранились северо-восточная и юго-западная стенки, устроенные между двумя столбами способом «в замет», а также частично настил пола. Находки — деревянный копыл (рис. 12, 5), головка сапога, три поплавок из коры, рыболовное грузило из камня, обломки точильных камней. Дендрохронологическая дата — не позже 1476 г.¹⁶

В срубе 6 (5,5×5,5 м) в северном углу сохранились печь (1,5×1,8 м), остатки настила пола и опечные столбы. Центр жилища поврежден поздней известковой ямой. Находки — три каменных рыболовных грузила (два представляют заготовки — каменные вкладыши), два поплавок из коры, заготовка пряслица из песчаника, обломки точильного камня. Дендрохронологическая дата — 1476 г.

Постройки 4—6, по всей видимости, представляли один трехчастный комплекс, причем его средняя часть являлась сенями. Во всяком случае постройки 5 и 6 созданы одновременно.¹⁷ Сооружения 1—3 и 4—6 расположены по сторонам разделяющего их проулка.

Еще более выразительны конструкция и содержимое сооружений нижнего строительного горизонта.

У сруба 1 (3,2×3,2 м) в восточном углу отмечены два опечных столба и остатки подпечного настила размером 1,2×1,3 м. Сохранились отдельные лаги настила пола и дощатый порог входа, расположенный с северо-

¹⁵ На чертеже сруб определяется с помощью номера. При описании опущен ряд деталей отчетного характера (ср.: Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках древнего Орешка в 1970 г. — Арх. ИА).

¹⁶ В тех случаях, когда дендрохронологическая дата построек не приведена, дерево оказалось или неопределимым, или плохо сохранившимся.

¹⁷ Для характеристики окружающего постройки слоя отметим, что в нем найдены обломки деревянного весла (лопасть 80×10 см), шесть целых и несколько обломков криц, две костяные рукоятки ножа, рыболовное грузило из камня (рис. 11, 9), пряслица из песчаника, несколько мелких железных изделий, три точильных камня.

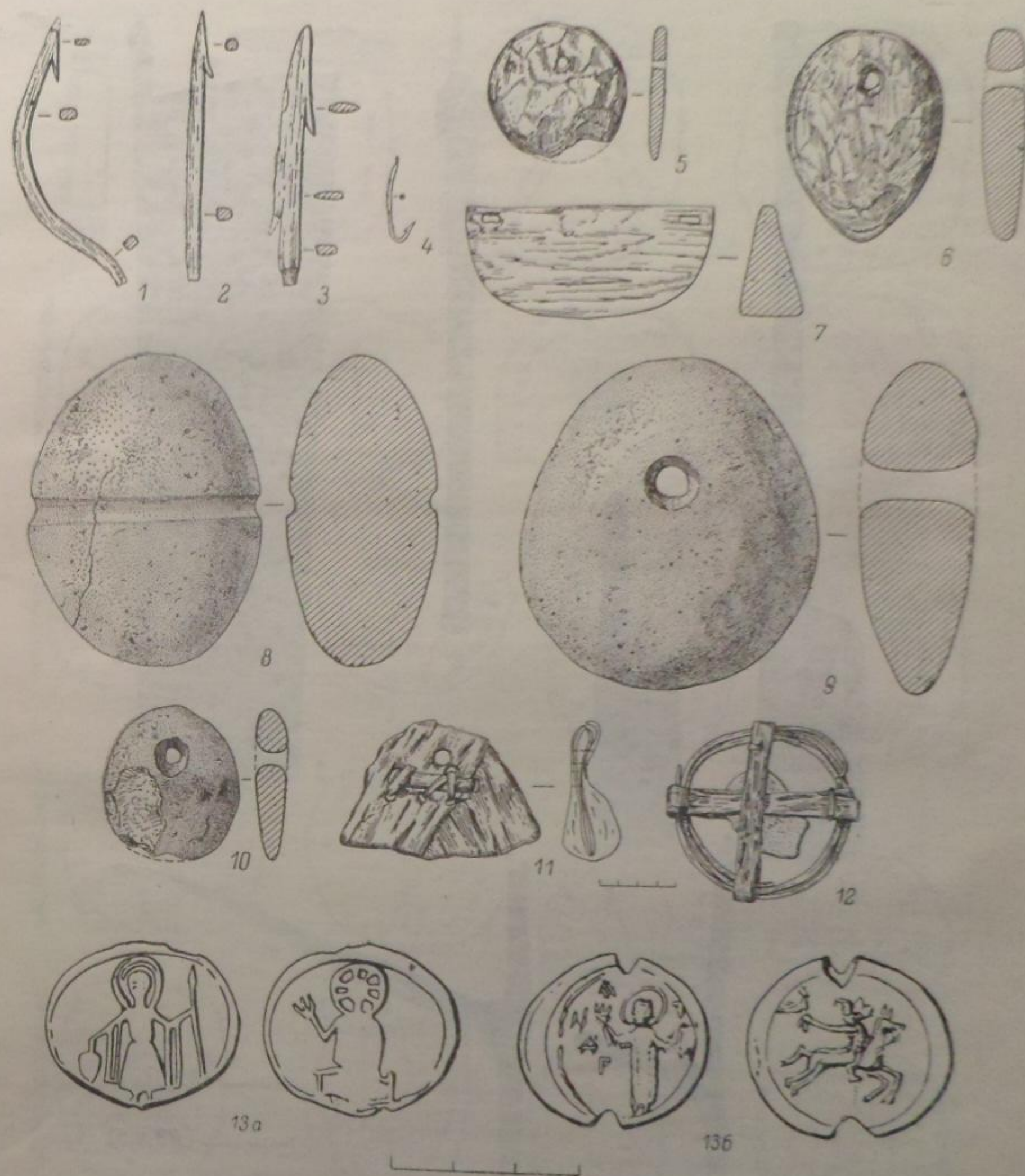

Рис. 11. Находки XIII–XIV (13a, 13b), XV (2, 3, 5–10, 12) и первой половины XVI в. (1, 4, 11)

1–3 — железные остроги; 4 — крючок; 5, 6 — поплавки из коры; 7 — поплавок из дерева; 8–12 — грузила; 13a, 13b — княжеские печати (13a — Ярослава Всеволодовича, 13b — Андрея Александровича).

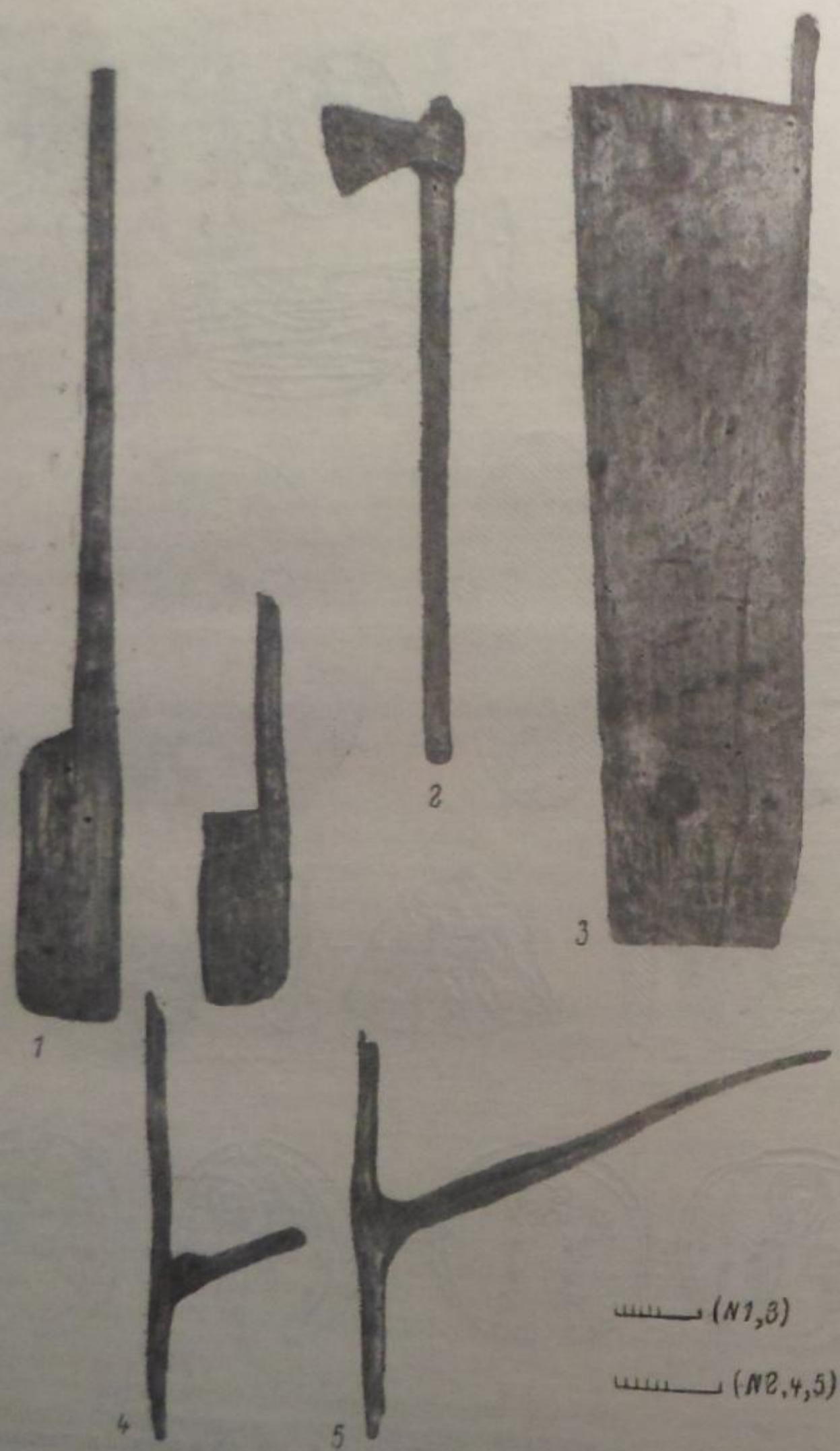

Рис. 12. Деревянные изделия горизонта 1410—1438 гг. (1—4) и 1449—1476 гг. (5).
1 — лопаты; 2 — топор; 3 — часть дверного полотна; 4, 5 — расчески.

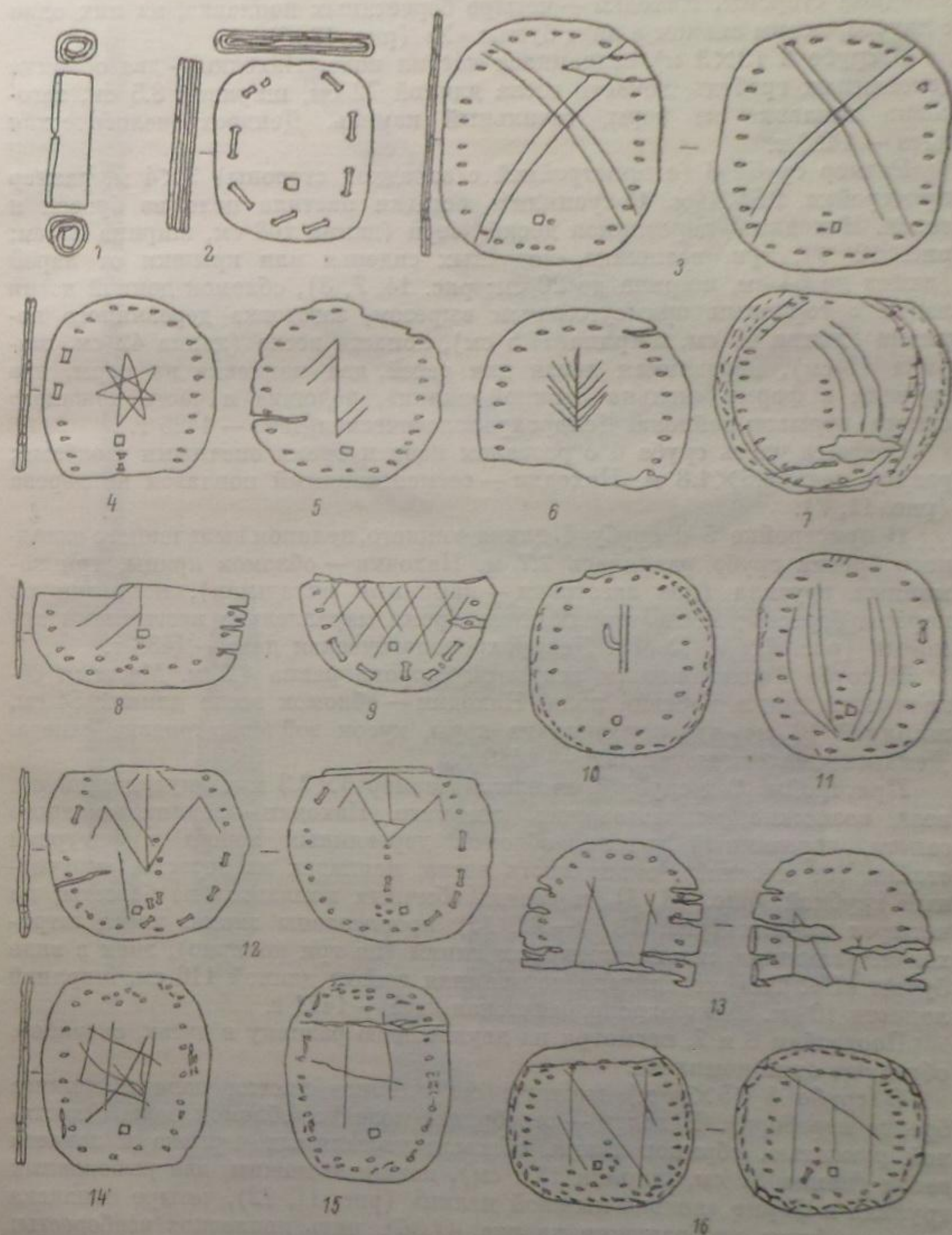

Рис. 13. Берестяные поправки из горизонта 1410—1438 гг. (1—5, 7—12, 14—16 — раскоп 16) и из жилища 1434—1435 гг. (6, 13 — раскоп 1).

западной стороны. Находки — четыре берестяных поплавок, из них один с двусторонним знаком в виде буквы «Х» (рис. 13, 3).

В срубе 2 (3×3 м) сохранился настил пола. Находки — два обломка деревянных граблей, лопасть весла длиной 72 см, шириной 8.5 см, заготовка поплавок из коры, точильный камень. Дендрохронологическая дата — 1426 г.

Размер сруба 3 (с пристройкой с западной стороны) 3×4 м, размер пристройки 1.5×4 м. Сохранились остатки настила пола из бревен и тесин. Находки — деревянная доска двери (длина 108 см, ширина 25 см; рис. 12, 3), три, возможно, лодочных сиденья или крышки от ларей (длина до 54 см, ширина до 20 см; рис. 14, 7, 8), обломок донной доски (длина до 54 см, ширина до 20 см), лопасть весла (длина 42 см, ширина 13 см), деревянная петля для сетей, два поплавок из коры, два грузила в форме «кольца лыжной палки», подошва и часть кожаного сапога, обрывок войлока. Дендрохронологическая дата — 1426 г.

Вскрыта часть сруба 4 с развалом печи и тремя опечными столбами; размер печи 1.5×1.8 м. Находки — сегментовидный поплавок из дерева (рис. 11, 7).

В пристройке 5 к срубу 4 длина южного, целиком выявленного окладного бревна сруба равнялась 2.7 м. Находки — обломок крицы, три каменных грузила (две заготовки — каменные вкладыши), поплавок из коры и бересты; последний помечен тремя параллельно изогнутыми линиями (рис. 11, 5; 13, 7). Дендрохронологическая дата — 1438 г.

В срубе 6 оказавшаяся вскрытой сторона равна 4.2 м. Местами сохранились доски настила пола. Находки — обломок весла длиной 54 см, шириной 10 см, два поплавок из коры, кусок войлока, головка сапога. Дендрохронологическая дата — 1419 г.

Пристройка 7 к срубу 6, имевшая размер 3×2.3 м и внутри слой навоза, возможно, использовалась как хлев. Находки — задник кожаного сапога, деревянный нагель, обломок деревянных ложки и фигурной стойки (от мебели?), оконечность весла, поплавок из бересты, скрученный трубкой (рис. 13, 1), и девять обычных поплавок из бересты; на четырех из них (рис. 13, 9—11, 15) прорисованы знаки: косая штриховка, уключина, шесть изогнутых линий (по три попарно), знак в виде буквы «Н». Там же найдена деревянная лопасть длиной 116 см, шириной 10 см. Дендрохронологическая дата — 1421 г.

Постройки 6 и 7, несмотря на двухлетнюю разницу в датах, очевидно, образуют один комплекс.

В срубе 8 (5×4 м) местами сохранились настил пола и нижнее бревно переборки. Находки — серебряное колечко, обломок ножа с костяной рукояткой, обрывок ткани, обломок деревянных черпака и лопасти весла (длина 27 см, ширина 13.5 см), кожаные ножны, два рыболовных грузила в форме «кольца лыжной палки» (рис. 11, 12), четыре поплавок из коры (тип изображения на рис. 11, 6), пять поплавок из бересты; три из последних (рис. 13, 4, 5, 12) помечены изображениями семиконечной звезды, фигуры, напоминающей букву «Z», тремя зигзагообразными линиями, сходящимися в одну точку.

Рис. 14. Весла и детали лодок из горизонта 1410—1438 гг.
1, 2 — весла; 3—5 — шпангоуты; 6—8 — сиденья; 9 — уключина.

Описанные постройки нижнего горизонта образуют две расположенные вдоль проулка усадьбы. К первой относятся сооружения 1—7, ко второй — 8, 9.¹⁸

Найденные предметы частью традиционны. Среди них домашняя утварь: деревянная посуда, детали мебели, чекмари, вальки, лопаты, обломки грабель.

Интересно, что слои, окружающий жилища, как бы продолжает их характеристику. В этом слое вне построек 1—9 найдено значительное количество предметов. Выделяется скопление вещей с западной стороны пристройки сруба 3 (ка. ТУ-9), связанных с речным делом и рыболовством: целое весло (длина 152 см, ширина 9 см; рис. 14, 1), часть корабельного днища, уключина (длина 58 см, ширина в средней части 18 см; рис. 14, 9), два шпангоута (ширина 92—105 см, высота 23—67 см; рис. 14, 4, 5), ботало из капа, целая лопата (длина 135 см, ширина лопасти 16 см; рис. 12, 1), чекмарь (длина 50 см, диаметр 6 см), два поплавок из коры, три берестяных днища круглой и овальной формы, обрывок войлока. Кроме перечисленного скопления вещей в разных частях нижнего слоя опять-таки вне описанных построек 1—9 найдены два шпангоута (типа рис. 14, 2), два лодочных сиденья (рис. 14, 6) и две пластины, возможно, также чекмарь, 11 поплавков из коры (типа изображения на рис. 11, 6), три грузила в форме «кольца лыжной палки», ботало в виде рогульки, пять камен-обломки двух землеройных лопат (типа изображения на рис. 12, 1, справа), две лопатки, валец, чекмарь, обломки деревянных чаш, заготовку деревянной ложки, детали бочек, точеный стержень стула (?), обрывок ткани, два деревянных заготовки), точильные бруски, один целый поршень и детали кожаных саног и поршней, наконечник самострельного болта, железные остроги (рис. 11, 2, 3).

Исследования В. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968.

Из табл. 1,2, включающих материалы раскопок 1970 г., видно, что к наиболее обычным предметам рыболовной снасти относились поплавки и грузила. Выделяются 32 заостренно-овальных поплавка из коры (размером по длинной оси от 7 до 12 см; рис. 11, 5, 6), а также 15 крупных грузил из камня (от 15 до 22 см) или с каменным вкладышем, вмонтированным в круговую оправу в виде «кольца лыжной палки»²¹ (12 таких находок имеют диаметр от 9 до 15 см; рис. 11, 8—12). Все эти изделия, а также ботала, увенчанные рогулькой и диском, петли для крепления к сети, сегментовидный деревянный поплавок предназначались для ставных сетей и неводов. Для такой же цели изготавливались поплавки из бересты, свернутые в виде трубочки или плоские овальной и круглой формы. Они (размером обычно 9—12 см) кроились из двух и более слоев прошитой по краям лыком или лозой бересты и имели дырочку для крепления к тетиве сетей.²²

Находки	В постройках						Вне по- строек	Всего
	1	2	3	4	5	6		
Поплавки из бе- ресты (плоские)	—	1	—	—	—	—	—	1
Поплавки из коры	—	—	2	—	3	2	—	7
Грузила в виде «кольца лыжной палки»	1	—	2 *	—	—	2 *	—	5
Грузила каменные	—	—	3	1	1	1	1	7
Весло	—	—	—	—	—	—	1	1

Из 35 (на участке 16 их 28) овальных плоских поплавок из бере-
сты 14 оказались помеченными различными врезными знаками (рис. 13;
их размер по осям 9.5—11×12—14.5 см). Б. А. Колчин отмечал, что

²¹ Всего в слое новгородского времени найдено 36 поплавок из коры и более 20 грузил из песчаника, известняка и гранита. Отметим также орудия индивидуального лова рыбы — крючки и острогу.

²² Ср.: Колчин Б. А. Новгородские древности, с. 22, рис. 11, I.

Таблица 2

Некоторые находки из горизонта 1410—1438 гг.

Находки	В постройках									Вне построек	Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9		
Поплавки из бересты плоские	4	—	—	—	1	—	9	5	1	7	27
Поплавки из коры и дерева	—	1	2	1	1	2	—	4	1	13	25
Грузила в виде «кольца лыжной палки»	—	—	2	—	—	—	—	2	—	3	7
Грузила каменные	—	—	—	—	3	—	—	—	—	5	8
Весла	—	1	1	—	—	1	1	1	—	3	8
Лодочные сиденья	—	—	3 (?)	—	—	—	—	—	—	2+2 (?)	7
Палубные доски лодок	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	2
Шпангоуты	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	4

аналогичные метки повгородских поплавок, вероятно, являлись клеймами собственности и частично охранительными талисманами.²³ Полагая, что в интерпретации берестяных начертаний можно быть более точным. Знаки поплавок — одно из проявлений широко распространенной в средние века частновладельческой геральдики; их назначение можно расшифровать при помощи позднесредневековых письменных источников и этнографических примеров. Сходными знаками, обозначающими право собственности, клеймилась утварь, торговые грузы, складские помещения и отмечались границы угодий отдельной семьи или двора. Эти знаки резались на чашах, тесах, бочках, вообще на таре, особенно предназначенной для транспортировки, на бортиках, пнях и деревьях, воротах и столбах, даже на прутьях, дерне и могильных крестах; ими же «пятнились» и домашний скот.²⁴ За присвоение или снятие знака-знаменья нарушители наказывались со времен Русской правды.²⁵ В позднесредневековой Руси по знаменьям учитывали промыслы семьи и вели оброчное обложение.

В ореховских домах найдено от одного до девяти плоских берестяных поплавок, подчас с разными знаками. Возможно, что это указывает на деятельность объединенных в артель рыболовов (использование тоней предполагает артельную организацию работы)²⁶ и, следовательно, доле-

²³ Там же, с. 22, рис. 13.

²⁴ Ср.: Федосов А. Распределение сенокосов в Шунгенской волости Костромского уезда. — Тр. Костром. науч. о-ва по изуч. местного края, 1927, вып. 41, с. 120.

²⁵ В одной из статей Пространной Русской правды прямо отмечено: «Аже будет росечена земля или на земли знаменье им же ловлено или сеть» (Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.: Л., 1903, с. 51 сл.).

²⁶ Копанев А. И. Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. — Матер. и сообщ. по фондам рукописной и редкой книги ВАН СССР, 1906, т. 1, с. 150.

вое участие нескольких работников, в том числе дворовладельцев. Допустимо, что групповое владение землей или тоней обозначалось сразу несколькими знаками — по числу хозяев, может быть родственников.

По данным крестьянской этнографии,²⁷ известно, что каждый двор имел особый знак, он использовался потомственно, при разделе двора родительская мета видоизменялась, усложнялась, получала «приметки». Знаки чаще всего были не буквенными, а пиктографическими, и их содержание отражало реальность, окружающую человека труда эпохи феодального средневековья.²⁸ На наших берестяных поплавах удалось опознать ель, уключину, крюк, обозначение границы (в виде буквы «Х» и трех полукруглых линий), ловушки (перекрещенные линии). Отметим знаки в виде букв «И» и «Н» с наискось прочерченными штрихами, возможно «приметками». В целом берестяные полавки со знаками можно квалифицировать как новоопознанный хозяйственный и правовой источник — знак семейной или дворовой собственности на рыбные тони. Иными словами, полавки с изображениями можно назвать рыболовными знаменьями.

Возвращаясь к анализу ореховских находок, отметим девять весел (из них одно целое), четыре шпангоута, уключину, лодочные сиденья, палубные днища, нагели, которые помогут понять устройство лодок (рис. 14). Ширина шпангоутов, несколько распрямившихся, не превышает 1 м, а лодочных сидений 50—60 см; следовательно, можно представить ширину корабля, равную 60—70 см. Возможно, что к лодочным сиденьям следует отнести несколько пластин длиной около 50 см, шириной 14—20 см, имевших у краев четыре небольших отверстия для привязывания. У одного из шпангоутов также было семь отверстий, очевидно предназначенных для мягкого крепления сидений.

Руины очень выразительного по находкам и конструкции «дворового строения» были раскопаны в 1969 г. на участке 1 (рис. 15 см. вкл., с. 8—9). Архитектурно и вещественно исследование этого комплекса дополняет то, что было выявлено на участке 16.

Здесь на глубине 1.9—2.3 м на материке раскрыты две постройки, представляющие часть одной усадьбы. Первая — сруб размером 3.2×3 м. Внутри сруба расчищен пол, состоящий из плах шириной 30—35 см, положенный на лаги диаметром 10—12 см. Пол и бревна несут следы пожара. Почти половину сооружения занимал развал сильно обожженных камней печи, возвышавшихся на 20—30 см над уровнем пола. Внутри сруба найдены обломок деревянной чаши, горшка и веник. Сруб был построен, как показал дендрохронологический анализ, в 1433 г. Западнее сруба располагалась возведенная, по данным того же ана-

²⁷ Степанов П. Л. Некоторые вопросы этнографии мордвы. — Тр. науч.-исслед. ин-та яз., лит., ист. и эконом. при Совмине Мордов. АССР, 1966, вып. 30, с. 189—210. — Интересный материал, связанный со знаками собственности в крестьянском хозяйстве Севера, собрал научный сотрудник Архангельского краеведческого музея Н. Д. Коньков. Мы благодарны ему за информацию о находках.

²⁸ Аниплогов Г. Н. Бортовые знамена как исторический источник. — СА, 1964, № 4, с. 151—169. — В этой работе опубликованы архивные источники, раскрывающие сюжеты знамен. Считать их только бортовыми было бы неверно.

Что касается сеней, то выявлены их бревенчатый пол, в одном месте устланный берестой, и остатки крыльца. Наружные стенки сеней, по-видимому, состояли из горизонтальных бревен, укрепленных в пазах вертикальных боковых столбов.

Перед нами в плановом отношении классический для русского средневековья трехчастный дом, особенностью которого (до переоборудования западной клетки) была отапливаемость обеих комнат. С юга к дому примыкала изгородь, открыты положенные на землю тесины мостков, ведущих к малому срубу. Согласно дендрохронологии, общая дата возведения всего комплекса — 1433—1435 гг. (что соответствует дате нижнего горизонта участка 16).

Рис. 16. Находки из построек 1433 (3) и 1434—1435 гг. (1, 2, 4—29).

1, 4 — берестяные пошивалки; 2 — наковальня; 3 — деревянная чаша; 5 — янтарный крестик; 6 — бусина; 7 — латунный перстень; 8 — часть стального браслета; 9, 10 — пряслица из кости и глины; 11 — медвежья обшивка ножен; 12 — поплавок из коры; 13 — каменное грузило; 14 — заготовка; 15 — перстень; 16 — деревянный гребень; 17 — деревянный наконечник стрелы; 18 — ключ-раздаточная шпала пошивалки; 22 — часть косы; 23 — обломок напильника; 24 — де-

В целом находки описанного комплекса характеризуют быт, видимо, средней ореховской семьи с присущим ей утилитарным инвентарем и обязательным рыболовным снаряжением.

Особенность находок слоя XV в. — затруднительность их узкой датировки «по аналогиям». Такие, к примеру, вещи из описанного выше дома, как черная стеклянная бусина, рубчатый литой перстень, янтарный крестик, стеклянный браслет, судя по новгородским древностям, имеют широкие пределы дат: XI—XIV вв.²⁹ Не будь дендрохронологических определений, трудно было бы точно датировать ореховские деревянные постройки, настолько сильны в их находках признаки, или хронологически расплывчатые, или тяготеющие к раннему средневековью. У ряда изделий мы встречаем необычную архаичность формы, свойственную, как казалось, не XV, а XII—XIII вв. (в приведенном выше примере — перстень и стеклянный браслет; этот перечень можно продолжить). Дело здесь заключается не столько в плохой изученности вещей, сколько в консервативной живучести их типов. Запоздывание и пережиточные тенденции форм бытовых предметов особенно проявились в керамике.

В остатках рассмотренного выше дома собраны до 500 фрагментов глиняных горшков и два обломка мисок. Диаметр большинства горшков 16—24 см при высоте 18—21 см. К наиболее популярным формам относились сосуды с плавно отогнутым венчиком и внутренним валиком (рис. 16, 25). По своему типу данные сосуды восходят к домонгольской керамике. Наряду с ними были встречены сосуды с венчиками без внутреннего валика (рис. 16, 26), с загнутыми внутрь краями (рис. 16, 27) или полудульных очертаний (рис. 16, 28). Эти сосуды представили в сущности всю типологию местной керамики новгородского времени.³⁰

В слое XV в. собрано около 3000 фрагментов кухонной посуды, в том числе около 800 венчиков (удалось восстановить форму девяти сосудов). Для этих образцов характерны относительно небольшие размеры (высота 14—18 см, ширина тулова 13—25 см, диаметр дна 8—12 см; рис. 17) и орнаментальные (примерно две трети находок) украшения однорядной волной, параллельными линиями или линзовидными вдавлениями. Тесто горшков обычно грубое, с крупными примесями. Начиная со второй половины XV в. встречаются, но редко, изделия из белой и серой глины. К последним относится несколько высокорослых кувшинов с рубчатым по наружной поверхности венчиком и мисок со стенками, отогнутыми наружу или наклоненными внутрь (преобладают).³¹ Ведущей формой массовой посуды был традиционный кухонный горшок.

Подражательные домонгольские образцы с плавно изогнутым венчиком составили около 70% всех находок (процент исчислялся от количе-

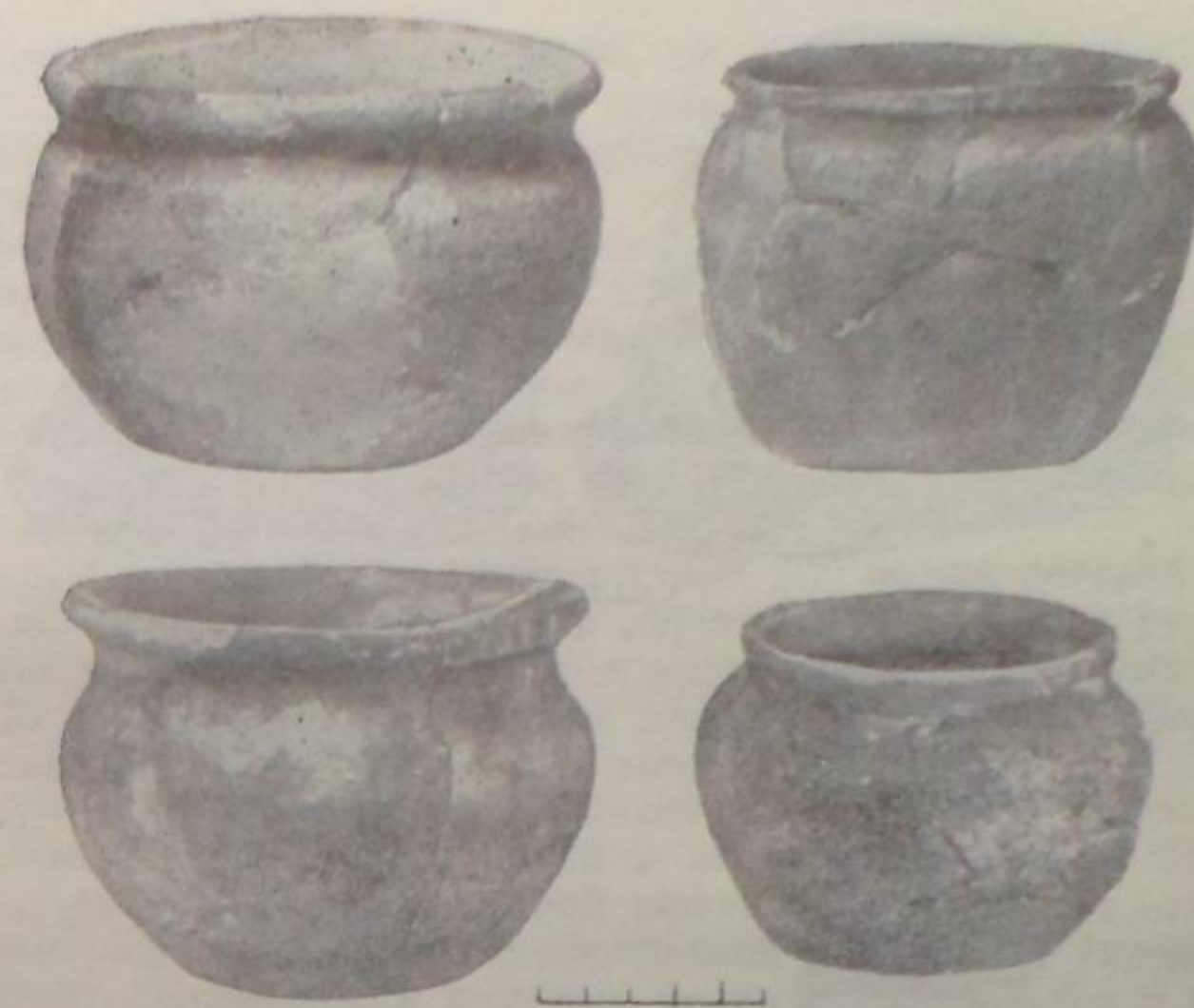

Рис. 17. Сосуды из слоя XV в.

ства типологически определимых образцов — венчиков). Простейшие модификации этой формы (рис. 16, 26, 28), основанные на мягком и постепенном изгибе венчика, составляют 25%. Прочие образцы с венчиком, сильно загнутым внутрь или как бы расплюснутым сверху (рис. 16, 27, 28, третий справа), являлись редкими. В это же число входит шесть обломков горшков-мисок с горловиной в виде усеченного конуса (рис. 16, 29).³²

Такие отмеченные здесь образцы, как горшки, наследники изделий «курганного типа», горшки-миски, кувшины, восходят к XII—XIII вв., и перечислять северо- и центральнорусские аналогии излишне. При всем том сбивающий типолога «архаизм» может быть правильно истолкован и объяснен при углубленном изучении керамики XIII—XV вв. Например, первоначально казалось, что наиболее популярная ореховская с плавным изгибом венчика керамика представляет особенность только данного места. Однако серии подобных сосудов выявлены в Новгороде и в красноглиняном варианте в Москве, где доживают по меньшей мере до конца XIV в. (иногда и позже).³³ Аналогичные образцы найдены

²⁹ Ср.: Щанова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода. — МИА, 1956, № 55, с. 176—177; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1959, № 65, с. 275, рис. 10, 1, 2; Полубояринова М. Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода. — МИА, 1963, № 117, с. 171.

³⁰ Керамику Ореховки XV—XVI вв. исследует В. И. Кильдюшевский.

³¹ В слое XV в. раскопа 1 найдены фрагменты 796 венчиков горшков, 30 венчиков мисок, 14 венчиков кувшинов и четыре венчика корчаг.

³² Можно согласиться с Р. Л. Розенфельдом, который сосуды с воронковидным раструбом венчика называет горшками-мисками, служившими не для варки пищи, а для еды (Розенфельд Р. Л. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. М., 1968 с. 8, табл. I, 2, 3, 7).

³³ Розенфельд Р. Л. Московское керамическое производство..., табл. II, I; Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. — МИА, 1956, № 55, табл. 7, 2.

Рис. 18. Находки XV в.
1 — войлочная шапка из сооружения 1438 г.; 2 — детские сапожки из постройки 1434—1435 гг.

нами при раскопках Ямгорода, Корелы, Ладого, Тиверского городка, поэтому речь идет об очень живучей домонгольской форме кухонного сосуда, видимо сильно удержавшегося в гончарном производстве городов Новгородской земли XIV—XV вв.

Почти все другие обнаруженные в слое XV в. горшки (неведущих форм), а также миски и кувшины в той или иной мере имеют соответствие в суздальской, ярославской, московской и особенно новгородской керамике, причем во всех сравнениях ореховская посуда обладает наиболее компактной датой, преобладанием и устойчивостью одной ведущей формы. Новообразования по форме и тесту (типа изображения на рис. 16, 27, частью 28) в состав ореховской керамики внедрялись слабо. В конце XV в. плавное развитие местного гончарного производства было, однако, круто нарушено.

Добавим о других находках, происходящих из слоя XV в. Обратил на себя внимание рабочий топор с целым круглым топориком длиной 75 см (диаметр 3—4 см; рис. 12, 2). Топор обнаружен в раскопе 1а в ос-

татках скотного загона, выстроенного, по дендрохронологической датировке, в 1438 г. В Новгороде такие топоры относят к XIII—XIV вв.;³⁴ следовательно, наша находка омолаживает дату этой формы на несколько десятилетий.

В загоне в навозе подобрана целая войлочная шапка (рис. 18, 1) бордово-коричневого цвета.³⁵ Именно в таких шапках-колпаках с характерным односторонним заломом (если смотреть сбоку)³⁶ ходили, как изображают иностранцы, простолюдины средневековой Руси (да и не только простолюдины). Колпаковидные головные уборы встречены также в Старой Ладого и Новгороде, но они по своей сохранности заметно уступают шапке, найденной в Орешке.

В слое XV в. хорошо сохранилось около 300 целых деталей и обрезков края кожаной обуви.³⁷ Как и в других средневековых русских городах, обувь представлена сапогами и поршнями. Два детских сапожка (рис. 18, 2) и двое поршней найдены целыми. Кроме того, обнаружены обрывки пальцев рукавиц и ножны ножа. По мнению Е. И. Оятевой, любезно прокомментировавшей эти находки, по своим технологическим признакам найденные остатки обуви в значительной части безусловно относятся к ранним формам жесткой кожаной обуви. Это нашло выражение в двухслойных подошвах с прокладкой под пяткой (предшественники каблука), берестяных и кожаных прокладках задников и голенищ. «Наиболее интересны, — пишет в своем заключении Оятева, — пара детских сапожков с архаическими чертами в виде цельнокроенной части голенищ вместе с задниками. Прием цельнокроенности, т. е. слитности двух-трех деталей, был широко распространен в приемах края обуви вплоть до XII—XIII вв. В нашем случае архаические черты совмещаются с технологическими более поздними приемами края: двухслойная, составная подошва, двухшовные голенища».

Таковы археологические данные об островном ореховском посаде, выделяющемся устойчивостью ремесленных традиций и тесной связью с «речной» транспортно-торговой и рыболовной деятельностью.

Итак, заложенный в качестве порубежного опорного пункта Орешек в новгородский период превращается в торговый город и порт. Существование этого города оказалось заметным фактом североευропейской истории и принесло Руси стабильность ее положения на востоке Балтики, что будет унаследовано Московским государством. Очевидец Орешка в начале XVIII в. точно описал его грозное и выгодное устройство в словах, приложимых и к более раннему времени: «Страшно воистину и посмотреть, не токмо приступ сотворити к крепости сей, отсюду жестокими быстринами не вскими окруженной».³⁸

³⁴ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА. 1959, № 65, рис. 12.

³⁵ Шапка, как и ряд других изделий из кожи и дерева, реставрирована в Эрмитаже. В. А. Дудина предполагает, что войлок был окрашен корой дерева.

³⁶ Высота шапки 19 см, высота отворота 4 см, диаметры: продольный 19,5 см, поперечный 17,5 см.

³⁷ Найдены подошвы, головки, задники, голенища и прокладки от задников.

³⁸ Бужинский Г. Слово о взятии Нотебурга, ныне переименованного в Шлиссельбург. СПб., 1721, с. 18.

ТВЕРДЫНЯ МОСКОВСКОЙ РУСИ

Орешек в 1478 г., видимо, в связи с падением независимости Новгорода бескровно вошел в состав единого Московского государства. Новая власть принесет городу в истоке Невы полное строительное обновление.

Подчеркивая значение Новгородской и Псковской земель, Иван III пожаловал их в 1499 г. сыну Василию. В духовном завещании царя Ивана Васильевича, относящемся к 1504 г., сказано: «Да сына же своего, Василья, благословляю своею отчиною» — и далее среди городов пятины (Копорье, Ладога, Корела, Яма) в завещании 1572—1574 гг. Ивана Грозного.¹ С. Герберштейн, бывший в России в 1517 и 1526 гг., пишет об Орешке, что он «во владении московского государя» и немцы называют его Нутембургом.² Таким образом, недавний новгородский форпост стал в XVI в. городом общерусского значения.

Зимой 1495/96 г. Иван III прибыл в Новгород. Отсюда ему было легче следить за русской ратью, двинувшейся в Финляндию. Заключенное в 1482 г. перемирие на четыре года со Швецией не решило старых проблем. Ореховский рубеж не переставал быть ареной стычек и конфликтов. Объединенная Русь перешла в наступление, чтобы обезопасить границы и, главное, пробить вековой балтийский барьер. Московское правительство проявило решимость в делах, по которым новгородские бояре еще недавно вели бесконечные переговоры, и в 1495 г. объявило войну Швеции за возврат отторгнутой по Ореховскому договору Западной Карелии.

Поход к Выборгу не принес ожидаемой удачи, и в 1497 г. в Новгороде между Иваном III и правителем Швеции Стеном Стуре было заключено очередное шестилетнее перемирие. Рассечь одним ударом балтийский узел не удалось, а вскоре русские войска были отвлечены на боевые операции с Литвой и Ливонией.³ Последующий период, т. е.

¹ Невский К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI в. — Зап. Рус. геогр. о-ва, 1853, кн. 8, с. 216, 389—390.
² Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 120.
³ Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море. СПб., 1884, с. 151 сл.

1497 — примерно 1540 гг., в отношениях между Россией и Швецией считают «преобладающе спокойным».⁴ Однако полностью «замирением» северо-западная граница не стала. Очередное крупное столкновение намечилось в 1509 г., когда шведский наместник Выборга Эрик Турессон (Турсен), отказавшись возвратить русским земли Западной Карелии, едва избежал начала военных действий.⁵

Несомненно, что в это время боевые качества Орешка как приречного военного оплота были заново оценены и вскоре нашли использование. В 1497 и 1502 гг. на Неве были сконцентрированы войска и «большое количество людей и лодок» для похода на Нарву и Ливонию.⁶ На флот возлагалась обязанность перевозки нового тогда оружия — пушек. Центром приготовлений, вероятно, был Орешек, военное и пограничное значение которого около 1500 г. возрастало все более, что к тому же было ускорено какими-то военными акциями шведов, о которых сохранилось лишь косвенное показание. Наместник Выборга Э. Турессон в 1501 г., отвергая обвинения граждан Ревеля, писал его бургомистру: «Ваши граждане предъявили мне совершенно нехристианское обвинение и написали, что я поддерживал русских, врагов христианства, осажденных в Нотебурге, амуницией и оружием. Бог свидетель в том, что я этого не делал и не думал делать».⁷ Однако не военные инциденты, а серьезные внутренние причины привели тогда к переоборудованию прежних укреплений острова в истоке Невы.

На исходе XV в. северо-запад Руси стал передовым районом в отношении применения легкого и тяжелого огнестрельного оружия. Сама огнестрельная техника достигла такого уровня развития, что оказала существенное влияние на военную архитектуру, способы атаки и обороны укрепленных пунктов. В 1492 г. московское правительство «с величайшей быстротой» выстроило на р. Нарове, против Нарвы, каменный Ивангород. Так возникла первая в истории страны строго регулярная четырехугольная пограничная крепость с угловыми квадратными башнями. Выяснивший эти важные обстоятельства В. В. Косточкин,⁸ однако, ничего не сказал о происхождении самого типа этого сооружения.

Первоначальный каменный Ивангород был снабжен четырьмя угловыми башнями. Последние еще незначительно выступали за пределы основного объема постройки и не имели боковых бойниц, поэтому их нельзя назвать по-настоящему фланкирующими. По своему типу Ивангород 1492 г. близко напоминает укрепления кастельного типа, распространенные в доогнестрельную пору, в частности, и в ближайших к России бал-

⁴ Из письма автору этих строк от финского историка Хельги Похёлан-Пирхонен, датированного 2 ноября 1971 г.

⁵ Pohjlan-Pirhonen H. Die Russlandpolitik Schweden-Finnlands in den Jahren 1506—1510 und ihr europäischer Hintergrund. — Historiallinen arkisto, Turku, 1962, p. 135.

⁶ Клейнбергер И. Э. Военно-морские действия новгородцев при отражении орденой агрессии 1443—1448 гг. — Ист. СССР, 1958, № 4, с. 123.

⁷ Bunge F. G. Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Zweite Abteilung. Riga: Moskau, 1905, Bd 2, S. 116—117.

⁸ Косточкин В. В. Крепость Ивангород. — МИА, 1952, № 31, с. 230 сл.

тийских странах.⁹ Такого рода сооружения периодически экспериментировались в разных частях Европы и, как о том свидетельствует новооткрытый каменный Орехов 1352 г., имели место, правда в своеобразном русском исполнении, и в Новгородской земле. Крепость 1492 г. вскоре сочли недостаточно обороноспособной. Недаром в течение ближайших 15 лет она была полностью закрыта другими укреплениями и стала внутренним «замком» в боевом отношении далеко не первого порядка.

Расширенный каменный Ивангород хотя и унаследовал от первого «принципы регулярности», но и по технике кладки, и по плановой структуре существенно отличался от своего предшественника. Главным новшеством второй крепости стали круглые пушечные фланкирующие башни, что обозначало рождение в полном смысле новой фортификации, специально приспособленной к огнестрельному бою.

Реконструкция Ивангорода в 1496—1507 гг. важна в том отношении, что отмечает документально ясный период широкого распространения на севере страны новых оборонительных устройств, способных противостоять мощным огнестрельным штурмам. Действительно, в 1500-х гг. беспрецедентной по масштабам перестройке подверглись и полученные Москвой старые новгородские крепости Ладога, Яма, Копорье, Орешек. По неизвестной, возможно случайной, причине документы, касающиеся этой грандиозной, скоростной и более или менее одновременной реконструкции, не сохранились.¹⁰ И получилось так, что о крепостном строительстве Орешка и других городов в новгородскую пору мы знали много больше, чем в московскую. Здесь приходится идти путем догадок и привлечения всякого рода аналогий.

Первые значительные крепостные работы были начаты в 1484—1485 гг. в Москве и Новгороде,¹¹ а затем распространились на пограничные города. Блестящей отточенности это строительство достигло в 1510—1520 гг. при Василии III. Сооруженные тогда с помощью итальянских и греческих «стенных и палатных» мастеров крепостные сооружения воплотили новшества европейской фортификации и при этом не утратили местного своеобразия.

Возведенные в конце XV—начале XVI в. на севере страны крепости образуют единый стилистический ряд. Им присущи стандартные камен-

⁹ Taulse A. Burgen des Abendlandes. Wien; München, 1958, S. 203 sq. (ср. Fig. 218). — По мнению А. Туулзе, Ивангород являлся «отпочкованием тех латинских и пограничных укреплений, которые, развиваясь на основе позднего наследия на Балканах, были использованы турками и русскими». Он же пишет о застойности в 1500 г. скандинавского военного строительства, представленного лишь традиционными бургами кастельного типа (Taulse A. Burgen... S. 225, 226).

¹⁰ Имели ли отношение к сохранности этих сведений причины государственной секретности, утверждать не беремся (ведь «секретные» сведения о постройках и чинах крепостей летописи того времени фиксируют постоянно). Возможно, причина отсутствия сведений кроется в утрате источника или в общем упадке летописания в XVI в. Вполне вероятно, что интересующие нас факты сохранились в шведских архивных документах, и в первую очередь в донесениях шведских лазутчиков.

¹¹ Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI веков. М., 1962, с. 51 сл.

ные конструкции, систематически расставленные в основном круглые башни, артиллерийские бойницы с печурами и внутрибашенные лестницы, расположенные в стенах бойницы подошвенного боя, полное фланкирующее огневое обеспечение укреплений, основанное на сочетании пушечной и оружейной стрельбы, особая по тщательности кладка с широким использованием сводчатых перекрытий. Сооружения этой школы военного зодчества строились с равновеликими по толщине стенами и опоясывались валиком цокольного откоса. Детали конструкции возводились с учетом модульных размеров и соразмерности своих частей. Использовались типовые конструктивные узлы, такие как башни, бойницы, лестницы, вылазы, подъемные мосты, решетки и т. п. Данным укреплениям, однако, чужды строгая регулярность и шаблонный геометризм в разбивке плана и расстановке башен.

Все перечисленные признаки свойственны и Орешку, где, кроме того, имеются архитектурные детали (от острых внутрилестничных углов до пазов для засовов бойничных ставен), роднящие его с Ивангородом (второго этапа постройки), Ямгородом,¹² Копорьем, Нижним Новгородом.

Что же можно сказать о конкретной дате укрепления в истоке Невы?

Автор самого подробного, документально наиболее близкого к средневековью описания крепости 1730 г., военный инженер Н. Людвиг в заключении своего объемистого документа отметил, что дел о построении стен и башен он не нашел и лишь «народнословие и лифляндская летопись будто гласят, что сия крепость построена под царствованием» царя Ивана Васильевича (т. е. между 1462 и 1505 гг.), в начале XVI в.¹³ Далее, во время археологических работ 1968 г. в цитадели с 4-метровой глубины были извлечены бревна, по-видимому подпавшие присыпку к стенам. Эти деревянные детали появились скорее всего вскоре после постройки стены. Дендрохронологический анализ спилов бревен установил дату их рубки — 1514—1525 гг. Наиболее верхние по залеганию бревна, найденные на месте новгородского посада, спилены в 1476 г. Несколько позже, как упоминалось, последовала перепланировка острова. Приведенные факты указывают время военно-инженерного строительства в истоке Невы — пределы первой четверти XVI в.

В истории русского средневекового военно-инженерного дела, пожалуй, трудно найти столько красноречивых оценок новосозданного крепостного сооружения со стороны очевидцев, которые так согласовались бы между собой. «Когда они (шведы. — А. К.) его осмотрели, то поняли, что замок нельзя обстрелять и взять штурмом из-за его мощных укреплений и сильного течения реки» (слова хрониста Э. Тегеля, касающиеся похода шведов к Орешку в 1555 г.). «Нотебург — мощная крепость, победить ее можно либо голодом, либо по соглашению, если там есть смелые люди, а не бабы» (слова шведского офицера Петра Петрея, приехавшего в Россию в 1603—1606, 1608 и 1611 гг.). «Кроме голода

¹² Наши раскопки крепости Ямгород показали, что ее исследованные башни и стены по своему устройству являются «зеркальной» копией ивангородских, построенных до 1507 г. Вероятнее всего, что Ямгород перестраивался одновременно с Ивангородом.

¹³ ЦГВИА, ф. 827, оп. 1, № 23, л. 22.

или дружественного соглашения ничем нельзя было привести его к сдаче» (шведский писатель И. Видекинд, 1672 г.). Орешек «весь каменный, не-великий, но zelo крепкий» (Афанасий Холмогорский, 1701 г.). «Считаю эту крепость одною из неприступнейших в мире» (Юст Юль, датский посланник, 1710 г.).¹⁴ Как и почему сложилась эта лестная слава? Данный вопрос ведет к выяснению других сюжетов, связанных с устройством, датировкой и авторством крепости.

Дожившие донные оборонительные сооружения на Ореховом острове сильно пострадали и затронуты позднейшими искажениями. Их нижние части скрыты бастионами XVIII в., а верхние, высотой от 3 до 7 м, были сломаны в 1815—1817 гг. «по ветхости». При этом исчез весь верхний ярус башен и стен. К тому же в разное время были разобраны до основания четыре башни. Уцелевшие стены крепости неоднократно подвергались чинке и «перелицовке». Все же первоначальная основа крепости сохранилась. Утраченные части можно документально представить, пользуясь многочисленными чертежами и описаниями XVIII—начала XIX в.

В плане крепость — многоугольник с семью внешними башнями и самостоятельной внутренней трехбашенной цитаделью. Стены тянутся вдоль береговой линии; их периметр около 740 м. Общая же площадь огороженного пространства 3 га; цитадель занимает десятую часть всей укрепленной территории.

Упомянутый выше инженер Н. Людвиг отмечал разновеликость различных частей крепости. «Высота, — писал он, — имеетца оной крепости до воды 47 футов, а в замке 50 футов.¹⁵ Ширина же ея во оном месте, где последней брешь был,¹⁶ внизу 24, вверху 20 футов. А в прочих местах внутри оная стена повсюду равна 16 футов шириною, вверху 12 футов. А при замке внутри и с одной стороны наружной как внизу, так и вверху состоит равною толстотою без ската 16 футов».¹⁷ Из этого описания видно, что, во-первых, замок (или цитадель) был несколько выше окружающих стен, во-вторых, что стены, как и башни, имели расширение книзу. Последнее, впрочем, не распространялось на стены замка, которые были одинаковой толщины по всей высоте. Исчисления, произведенные В. М. Савковым, показывают, что средняя высота стен крепости от подножия 12 м (цитадели 13—14 м), башен 14—16 м. Толщина у подшвы стен равнялась примерно 4,5 м. Эти величины практически близки измерениям Людвига и позволяют произвести совершенно точное восстановление утраченных верхних частей стен и башен.

¹⁴ Tegel E. J. Her Gustaffs, Fordom Sveriges, Gothes och Wendes Konungs etc., Historia. Stockholm, 1622, pt 2, p. 348; Petrejus P. Regni Muschovitici sciographia. Stockholm, 1614—1615, p. 63; Видекинд И. История шведско-московской войны. Ч. 1. 1672 год. — Арх. ЛОИИ, ф. 271, оп. 1, № 140, л. 174; Холмогорский А. Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701 году. — Журн. М-ва внутр. дел, 1839, № 8, ч. 29, с. 266; Щербачев Ю. Н. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711 гг.). М., 1899, с. 236.

¹⁵ Уровень воды колебался. На чертежах XVIII в. отмечена «малая, ординарная и прибывающая» вода.

¹⁶ Имеется в виду брешь, пробитая русскими пушками в 1702 г.

¹⁷ ШГВИА, ф. 827, оп. 1, № 23, л. 3 об.

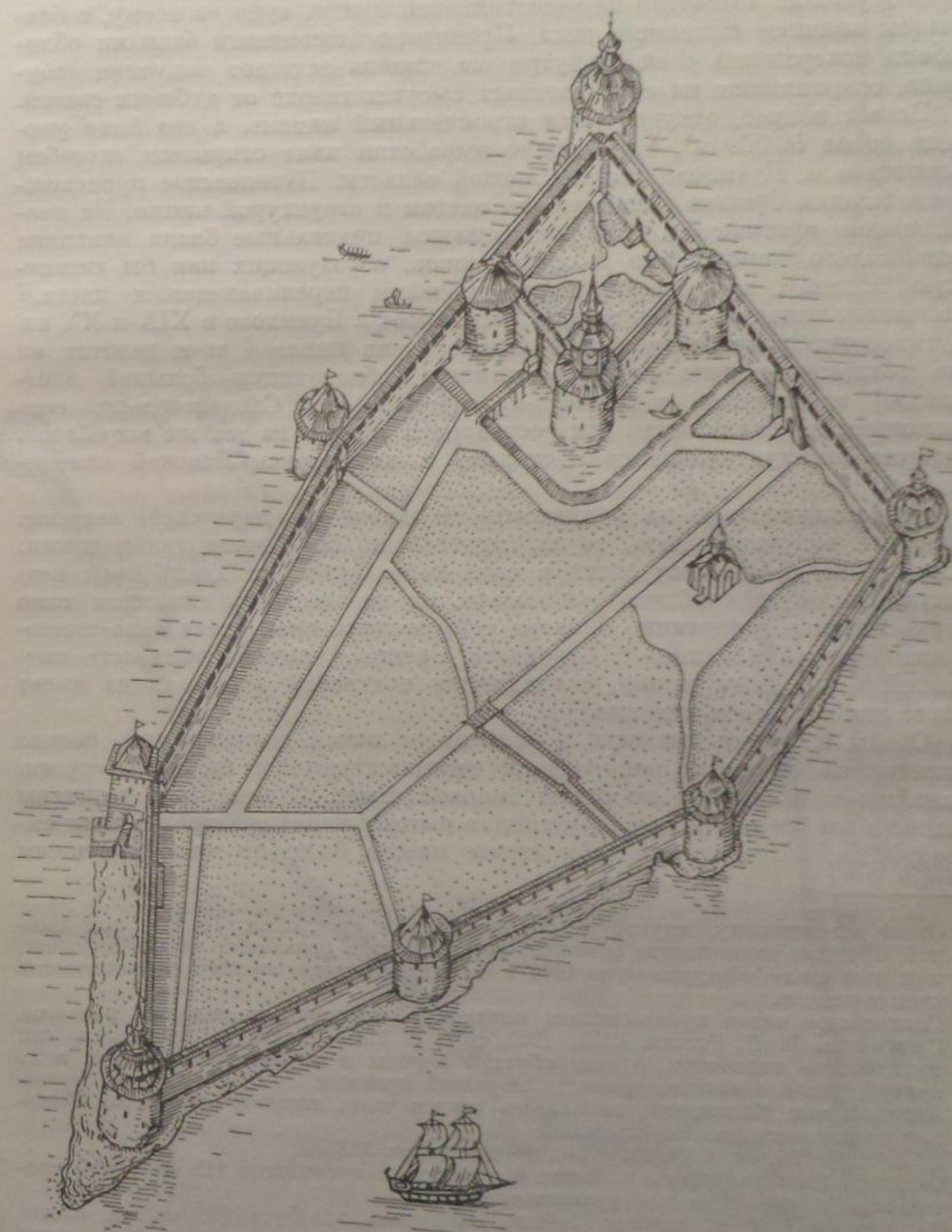

Рис. 19. Крепость Орешек начала XVI в. Аксонометрия В. М. Савкова.

Сооружение возведено из известняковой плиты, судя по всему, с блестящим знанием каменного дела. Правильно отесанными блоками облицована поверхность стен,¹⁸ внутри же сплошь залегает плитная забутовка, сохранившая на определенных высотах гнезда от дубовых связей.

Встает вопрос, откуда брали строительный камень, а его было уложено около 50 000 м³. Ближайшие выработки плит открытым способом имеются в с. Путилове Ленинградской области. Путиловское происхождение кладки Орешка доказывается цветом и структурой камня. На значительном протяжении стен распознаются правильные блоки плитняка зеленоватого, коричневого и серого тонов, образующих как бы гигантскую мозаику, замечательную по мягкости переливающегося цвета.¹⁹ Но именно такая по цвету порода добывалась в Путилове в XIX и XX вв. Путиловские разработки имеют мощность не менее 4 м и делятся на две толщи: верхнюю серовато-светлого (обладающую большей плотностью) и нижнюю зеленовато-красного цвета.²⁰ Следовательно, есть возможности использовать для реставрации камень из тех же выработок, которые эксплуатировались в старину и назывались Лопской каменоломней.²¹

Стена воздвигнута на фундаменте из одного или двух слоев валунов. Если эти валуны оголить, то их скроет вода. Н. Людвиг также писал: «Сия стена с башнями стоит в воде на 5 футов, со двема пред нею уступами, не на свайном фундаменте, но на жестоком глиняном тамо обретающемся основании. И сверх сего сведена она стена зело жестокими горными плитами».²² Строители Орешка, учитывая близость почвенной воды, по-видимому, закладывали постройку зимой, когда имеет место наибольшее обмеление.²³

Стены и башни крепости в отличие от почти скульптурной, словно высеченной от руки новгородской предшественницы нарочито строги, линейны и построены по одной типовой схеме. Стены были увенчаны галерейным боевым ходом с регулярно расположенными стрелковыми амбразурами.²⁴ Попасть на верх стены можно было по трем каменным

¹⁸ Стена, по-видимому, штукатурилась сразу после постройки. Тонкие слои древней обмазки, включающие цемент, встречаются в различных частях крепости, и в том числе обнаружены в 1968 г. в нижних, ныне скрытых землей частях стен цитадели.

¹⁹ Позднейшая чинка производилась плитами серого цвета и меньших размеров. Путиловские выработки. Взяты образцы породы и по внешней фактуре, и по цвету совпали с плитами в кладке островной крепости.

²⁰ Лопской, или Мосювской, называлась южная часть невиского побережья. Северная носила название Корельской.

²¹ ЦГИА, ф. 827, оп. 1, № 23, л. 3 об. — Фут равен 30,5 см.

²² Сезонные колебания воды в Ладоге в среднем не превышают 112 см, зимой приток воды в озеро и ее сток уравниваются.

²³ По данным 1818 г., ширина бойниц составляла 1,5 фута (46 см), а высота 2 фута (61 см). Верх бойниц имел дополнительный прямоугольный вырез (ЦГАВМФ, ф. 3, оп. 7, № 2369, л. 29 об.). Бойницы располагались в 2 сажнях друг от друга. По вычислениям В. М. Савкова, толщина бруствера 1,3 м, высота около 2,5 м. Внутреннее ограждение настенного боевого хода представляли арочные проемы шириной 1,5 м.

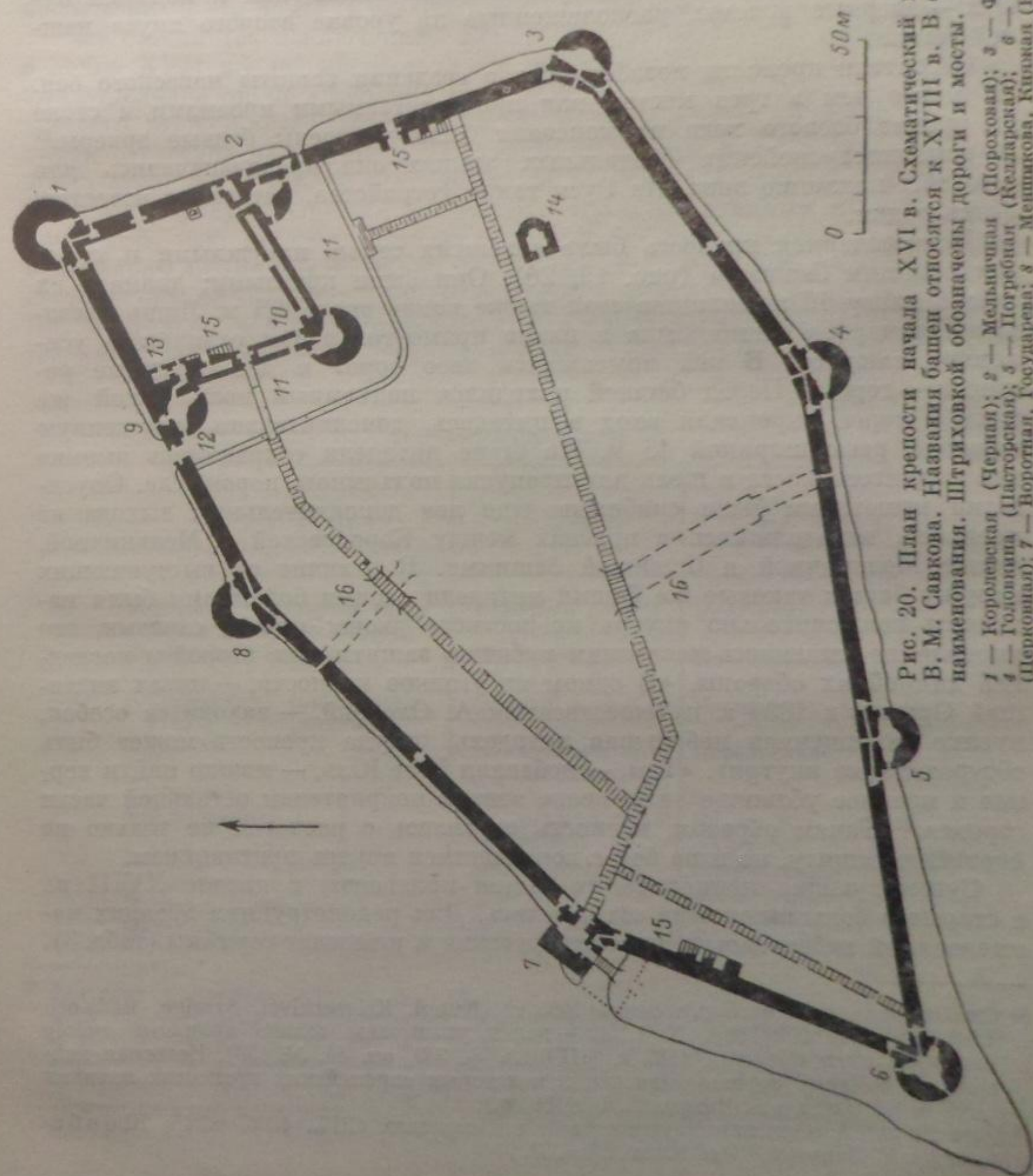

Рис. 20. План крепости начала XVI в. Схематический план-реконструкция В. М. Савкова. Названия башен относятся к XVIII в. В скобках — шведские наименования. Штриховкой обозначены дороги и мосты.

1 — Королевская (Черная); 2 — Мельничная (Пороховая); 3 — Флажол (Корельская); 4 — Головинна (Пасторская); 5 — Погребная (Келарская); 6 — Головинна, Наугольная (Черковная); 7 — Воронная, Государева; 8 — Мешковская, Кинжал (Наместничья); 9 — Светлицкая (Крестовая); 10 — Часовая, Колокольная (Наместничья); 11 — ров вокруг цитадели; 12 — Водные ворота; 13 — светлица; 14 — церковь Спаса; 15 — лестница на стену; 16 — канал.

лестницам, пристроенным к стенам изнутри. В основании стен, прилегающих к башням, кое-где имеются коридорные отсеки с бойницами. Более сложным было устройство стен цитадели: внутри, в их нижней части, находились ныне заложённые сквозные галереи.

Боевой ход стены соединялся с третьим ярусом башен, был возможен проход по верху вдоль всего периметра оборонительных сооружений. Для передвижений использовались также внутрибашенные лестницы, соединявшие три их яруса; для вентиляции помещений и подъема пушек — дверные проемы, расположенные на уровне второго яруса каждой башни.

Строители крепости позаботились о создании защиты навесного боя. Не менее чем в трех местах над предполагаемыми проемами в стене на уровне боевого хода на консолях были устроены боевые эркеры.²⁵ В западноевропейских феодальных замках они предназначались для стрельбы наклонно вниз. На Руси такие устройства, насколько известно, очень редки.

Новосозданная крепость была снабжена семью наружными и тремя внутренними башнями (рис. 19, 20). Они были круглыми; диаметр их ствола внизу 16 м, толщина стен также внизу около 4,5 м. Лишь въездная Государева башня была в плане прямоугольной и отличалась усиленной защитой. В ней помещались двое ворот и две опускные решетки — герсы. Перед башней находился подъемный мост. Такой же мост и герса укрепляли вход в цитадель, дополнительно окруженную водяным рвом шириной 15 м. На стене цитадели сохранились выемка для поднятого моста и щель для пропуска подъемного коромысла. Опускными решетками были снабжены еще два дополнительных выхода из крепости, находившихся в пряслах между Королевской и Мельничной, также Мельничной и Флажной башнями. В отличие от выступающих наружу башен таковые же башни цитадели своими бойницами были направлены исключительно внутрь крепостного двора; иными словами, это укрепление мыслилось последним рубежом защитников, второй и последней линией их обороны. «В одном из уголков крепости, — писал видево-крепко защищенная небольшая цитадель, откуда крепость может быть обстреливаема внутри». «Там, — добавлял Юст Юль, — можно найти верное и крепкое убежище даже после взятия неприятелем остальной части города».²⁶ Таким образом, крепость строилась с расчетом не только на внешнюю защиту, но и на бой с ворвавшимся внутрь противником.

Существующие наименования башен присвоены в начале XVIII в., а старые в большинстве не сохранились. Для реконструкции древних наименований бесполезно сравнивать русские и шведские термины (табл. 3).

²⁵ См.: общий вид Нотебурга около 1680 г. (Kungl. Krigsarkivet. Sverige, stads-och fastighetsplaner. Nöteborg, N 1, 1a — далее указываем только архивный номер плана) и план крепости 1802 г. (ЦГВИА, ф. 349, оп. 44, № 133). Навесная консольная бойница хорошо известна в некоторых европейских крепостях начиная с XII в. (Taulise A. Burgen..., Fig. 71 sq.).
²⁶ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906, с. 13; Щербачев Ю. Н. Записки Юста Юля..., с. 237.

Логично предположить, что некоторые шведские названия, например Воротная, Наместничья, Келларская, Пасторская, Пороховая, являются переводом русских. В свою очередь такие наименования, как Княжая, Воротная, Светличная, Колокольная, Мельничная, были приняты в петровский период в результате либо перевода со шведского, либо в связи с местоположением или функцией сооружения. Насколько истинны ретроспективно восстановленные первоначальные названия башен и можно ли представить некоторые из них в виде терминов, «странствующих» через века, — это помогут установить лишь письменные документы XVI в.

Все башни (за исключением Воротной и Королевской, переложённой в конце XVII в.) первоначально членились на три яруса, причем нижний отделялся от двух верхних каменным сводом. Перекрытие второго и третьего этажей было деревянным. В каждом ярусе располагалось до шести отверстий для пушек; находившиеся в двух нижних этажах были вдоль стен. А. Олеарию, безусловно знакомому с бастионной фортификацией, амбразуры Орешка показались ограничивающими поворот оружия, «так как (подобно таковым во всех старых русских крепостях) направлены прямо вперед и снаружи немногим лишь шире, чем изнутри, поэтому они не особенно удобны для стрельбы из них и для защиты». Неудивительно, что пушечные бойницы в более позднее время были растесаны²⁷ (стрелковые настенные остались неизменными), но в подо-

Таблица 3

Наименование башен

Шлиссельбург, пер. пол. XVIII в.	Нотебург, 1612—1702 гг.	Орешек, XVI—нач. XVII в. (реконструкция)
Воротная, Государева (при- мерно 1710 г. — Зотова) Меншикова, Княжая	Воротная	Воротная
Королевская (примерно 1710 г. — Нарышкина) Флажная	Наместничья (Фогта) Черная	Наместничья (Фогта) Черная
Головкина Без названия	Коккоселике (Ко- рельская) Пасторская Келларская (По- гребная) Церковная Крестовая Известняковая Пороховая	Корельская Спасская Подвальная (По- гребная) Никольская Светличная Набатная Пороховая
Головина, Наугольная Светличная Часовая, Колокольная Мельничная		

²⁷ Растеске в первую очередь подвергалась внутренняя перемычка со щелевидным просветом для просовывания дула оружия. Что касается наружных окон и печур, то они, возможно, не претерпели изменений. Во всяком случае по внешнему виду аркообразные бойницы Орешка похожи на такие же в Копорье и Нижнем Новгороде. Мы разделяем при этом мысль С. Л. Агафонова о полном тождестве архитектурных деталей крепостей Орешка и Нижнего Новгорода (Агафонов С. Л. Нижегородский кремль. Горький, 1976).

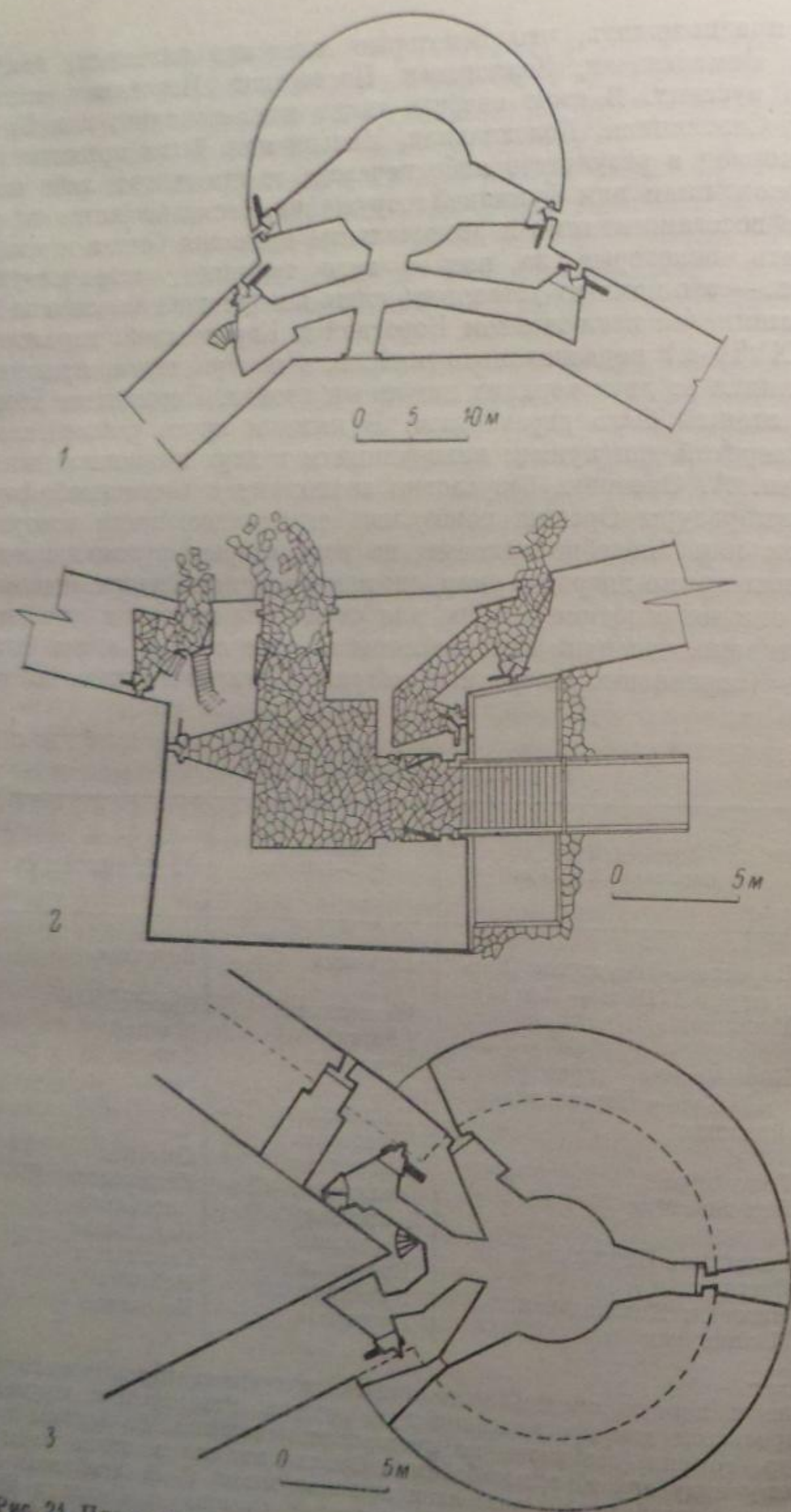

Рис. 24. Планы нижних ярусов башен. Пунктиром отделена утолщенная кладка.
1 — Флажная; 2 — Воротная; 3 — Наугольная.

швенных частях кое-где сохранились, вероятно, в изначальном виде. По натурным обмерам в узкой части они достигали в ширину 15—20 см, в высоту 58—80 см. Печуры амбразур закрывались внутренними ставнями с засовами; сверху под наклоном шло в стене дымоотводное отверстие. При многократной стрельбе пороховые газы, таким образом, не скапливались внутри помещений. Устройство и размеры боевых отверстий обеспечивали стрельбу из них затинными пищалями и пушками мелких калибров (примерно ядром до 2—3 фунтов) (рис. 21).

Наружный облик крепости, и в том числе сочлененность башен и стен, можно представить по сохранившимся изображениям 1634—1703 гг.²⁸ Поскольку шведы по существу не меняли устройства стен и башен (о чем будет сказано ниже), то рисунки времени их оккупации, а также гравюры петровского штурма достоверно передают невскую твердыню почти в первоизданном виде, т. е. по состоянию на XVI в. Судя по этим изображениям, башни лишь незначительно возвышались над стенами. В данном случае строители сочли, видимо, верхний башенный бой тактически излишним, ибо к цоколю укрепления подступала вода и для близкого поражения атакующего неприятеля (подплывающего на судах или высаживающегося на узкой кайме берега) достаточно было стрелковых бойниц стен, а также огня мелкой башенной артиллерии, предназначенной для поражения живой силы на близких расстояниях.²⁹

Не все башни Орешка невысоко поднимались над стенами. В цитадели помещался оригинальный «высотный» командирский пункт крепости, по своему назначению близкий сторожевым башням европейского средневековья. Его реконструкции помогли ретроспективно использованные источники XVII—начала XVIII в. Место это находилось на верху Светличной башни и пристроенных к ней (ныне несохранившихся) со стороны цитадели «каменных верхних палат». Последние, как видно из

²⁸ Перечислю эти рисунки: изображение Нотебурга в книге А. Олеария (указ. соч., рис. на с. 12; отчетливо видны бойницы Княжей башни, расположенные тремя ярусами); общий вид Нотебурга и разрез Церковной башни и Коккоселике около 1680 г. (Nöteborg, N 1, 1a); карта «Нотебургской крепости, какой она была прежде, чем была сдана врагу, 1702 г.» (ЦГВИА, ф. 349, оп. 44, № 97); две гравюры А. Шхонебека 1703 г. с изображением штурма крепости русскими войсками.

²⁹ Верхние части наружных башен в дальнейшем могли меняться. На чертежах, которые были подготовлены к описанию Н. Людвигом, у пяти башен (Головиной, Государевой, Меншиковой, Флажной и Головкиной) показан завершающий стрелковый ярус (Косточкин В. В. К характеристике памятников военного зодчества Московской Руси. — МИА, 1958, № 77, рис. 26—27). Устроен он в косом срезе верхней оконечности стены совсем не в стиле средневековой фортификации. Его позднее сооружение подтверждается архивным документом 1728 г., который гласит: «На городских 5 башен сверху ветхое каменное строение разобрать и вновь камнем отделать, и в них полы вновь наместить и покрывать досками» (ЦГВИА, ф. 349, оп. 1, № 5, л. 4). К 1730 г., т. е. ко времени изготовления Н. Людвигом чертежей, работа по ремонту именно пяти башен была окончена. И видно, что она сопровождалась устройством стрелковых бойниц. Судя по чертежам конца XVIII в., верхний бой башен исчезает. Быть может, это произошло во время устройства крыш «с переломом». Стропила крыш упирались в остатки стрелкового яруса и занимали весь верх башен (там же, оп. 44, № 127, л. 170).

шведского документа 1681 г., увенчивались «вышкой»³⁰ и соединялись с верхним ярусом Светличной башни и близкой к ней Часовой, или Колокольной, в XVIII в., а может быть, и раньше имевшей сторожевую смотрильню. В начале XVIII в. на это место обратил внимание Петр I, и здесь, «в замке на башне», как доносят известия 1718 и 1721 гг., разместились «светлицы» или «дом царского величества».³¹ Выбирая свою резиденцию в столь оригинально расположенном «высотном» месте, Петр I безусловно руководствовался командно-наблюдательными целями. Не случайно, что в конце Северной войны, когда военная угроза миновала, новый дворец Петра I был построен тоже в крепости, но на этот раз на земле.

Строители крепости учли природную труднодоступность острова, удаленность его от суши, недостижимость или неэффективность далекой стрельбы с материка, скорость течения, узость и неудобство практически беззащитного плацдарма берега у подножия стен. Противник видел перед собой могучую каменную преграду, которую не в силах был преодолеть, если она не была повреждена огнем. Эти качества Орешка были оценены врагами. П. Петрей так описывает объект своего внимания: «Нотебург — мощная крепость и расположена на острове, обтекаемом со всех сторон бурными потоками, никогда не замерзающими зимой, вытекающими из Ладоги и сливающимися ниже замка, образуя одну реку... Из-за потоков, обтекающих замок, нельзя ни с какой стороны укрепиться ближе, чем на расстоянии четырех выстрелов из лука. Если же попытаться забраться на стену по лестницам с кораблей или лодок, то не следует пользоваться ни порохом, ни свинцом, а следует обороняться палками, камнями, длинными острыми шестами и алебардами».³² Если снять некоторое упрощение, выразившееся в призыве только к доогнестрельным средствам штурма, то налицо верная оценка трудностей, связанных с прямым захватом крепости. Для успеха дела Петрей рекомендовал переговоры или голодную блокаду: «Если хочешь захватить ее, то нужны их добрая воля или принуждение сдаться голодом».

Как бы ни способствовала защите островных укреплений естественная труднодоступность, они были задуманы и созданы по последнему слову тогдашней фортификационной техники с расчетом на глубокую и гибкую огнестрельную оборону. Новый Орешек отличался необычайной мощностью и цельностью своих частей, продуманностью огня, непреодолимостью и замечательным камнетесным выполнением стен и башен. Только одним своим видом крепость могла отпугнуть даже сильного неприятеля. Перед нами блистательный образец оборонного зодчества, построенный, видимо, в короткий срок (рис. 22).

Устройство и планировка крепости не оставляют сомнения в том, что она построена в эпоху, когда огнестрельное оружие уже оказало решающее влияние на фортификацию. Об этом свидетельствуют устройство стен и башен, конфигурация амбразур, предназначенных для пушек и ружей,

³⁰ Dahlberg E. Relation om fästningarna i Karelen och Ingermanland den 18 december 1681. — Kungl. Krigsarkivet. Sverige. Försvars och befästningsplaner, N 7:1.
³¹ ЦГАДА, ф. 198, оп. 1, № 430, л. 66 об., 90, 432.
³² Petrejus P. Regni Muschovitici..., p. 63.

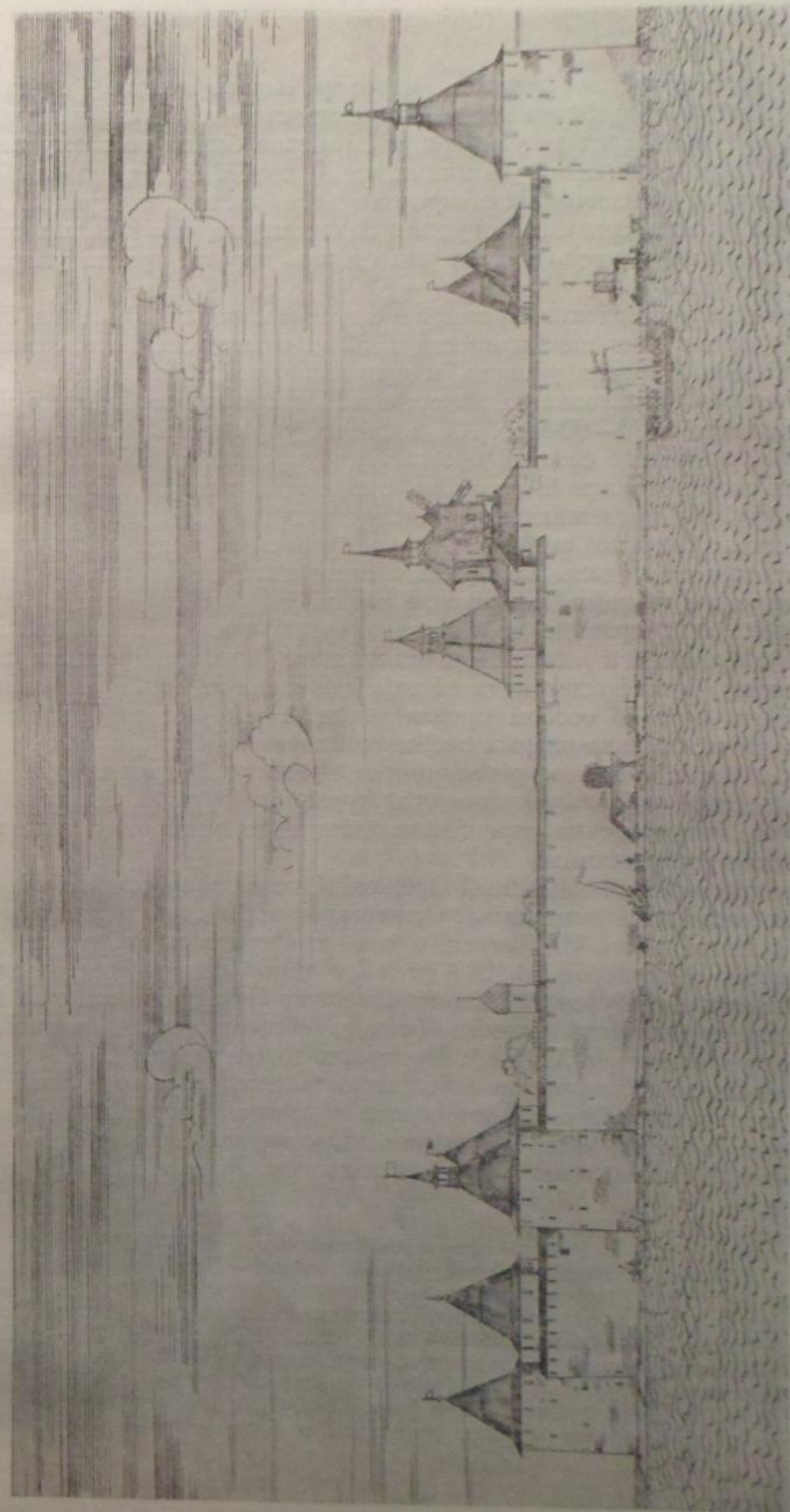

Рис. 22. Восточный фасад крепости. Реконструкция В. М. Савкова.

наличие внутрибашенных лестниц и сферических сводов, отделяющих их первый и второй этажи, расширение стен и башен к нижней части. Об этом же говорит регулярная расстановка башен по всему периметру стен. Расстояние между башнями от 70 до 130 м, в среднем 80 м, что соответствует классической в средние века дистанции прицельного огня из ручного огнестрельного оружия. Закономерно, что в самых опасных местах, к «носу» крепости, где находились ворота, прясла укорачивались до 70—75 м.

Неожиданное наблюдение, связанное с новосозданным Орешком, было получено во время раскопок крепости 1352 г. Последняя была сломана, как упоминалось, на один уровень, и произошло это, по-видимому, в период московского строительства на острове. Источники сообщают о фактах строительства в 80—90-х гг. XV в. новых укреплений «не по старой основе». Обнаруженные остатки ореховского укрепления 1352 г. раскрывают смысл этой летописной формулы, с помощью которой неоднократно отмечались работы приезжавших в Москву зодчих-итальянцев.³³ Как показали раскопки, ломка старого Орехова велась с такой расточительностью, что при этом даже не брали образовавшийся строительный материал. Вопреки традиции, московские зодчие не воспользовались новгородской крепостью, сравнив ее с поверхностью земли. Новая крепость не совпала с прежней и в плановом отношении. Вновь построенная цитадель, например, была воздвигнута не там, где стоял кремль архиепископа Василия. Речь идет об особом произведении, в котором подчеркивалась не столько связь, сколько разрыв преемственности с фортификацией предшествующей поры. Видимо, революция в крепостной архитектуре, связанная с массовым использованием огнестрельного оружия, была так радикальна, что новгородские укрепления даже по их материалу были признаны начисто устаревшими.

Кем построен новый каменный Орешек? С этим вопросом связано национальное понимание памятника. Существует версия, восходящая к цитированной выше книге П. Петрея, о том, что крепость в Орешке основана Магнусом Ладулосом в 1280 г.: «Его имя нашли высеченным на старой крепости Нотебурге».³⁴ К магнусовскому Нотебургу вслед за Петреем относят и цитадель Орешка (ничего общего, кстати сказать, не имеющую с укреплением XIII в.). Несколько иначе думает В. В. Косточкин. Он обращает внимание на нетипичность для русского крепостного зодчества цитадели, встроенной изнутри в систему наружных стен, и полагает, что это внутреннее убежище было сооружено позже самой крепости, может быть шведами в один из захватов Орехова в первой половине XVI в.³⁵

³³ Ср. Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество..., с. 52—53.

³⁴ Blees I. Fästningen Nöteborg under svenskt värde. — Norrlands Försvar, 1937, p. 77.

³⁵ Косточкин В. В. К характеристике памятников военного зодчества Московской Руси конца XV—начала XVI в. — МИА, 1958, № 77, с. 128—129. — Действительно, в балтийско-орденской военной архитектуре встречаются цитадели, как бы встроенные в более крупный объем укреплений (Tullse A. Burgen..., S. 233, Fig. 217). Но в этих случаях стены «внутренних» замков, что вообще характерно для рыцарских бургов, сливались с примыкающими жилыми по-

Натурные обследования показали, однако, полную одновременность цитадели с окружающими сооружениями. Внутреннее укрепление Орешка примыкает к его наружным частям не встык, а вперевязку. И это при полном совпадении таких деталей, как техника кладки, устройство башен и входов, единообразие фундаментов и бойниц. Шведы, захватив Орешек, почти не вели там нового капитального строительства ни в XVII в., ни тем более раньше.

Еще одно, и при том веское, подтверждение тому, что «внутренний замок» мог быть построен одновременно с внешним, пришло из Королевского Военного архива в Стокгольме. Там оказались четыре неизвестных плана, помеченных 1645—1680 гг., ныне несохранившейся крепости Яма (г. Кингисепп Ленинградской области).³⁶ На них обозначена прижатая к южному углу крепости небольшая цитадель. По плану она почти не отличается от существовавшей в Орешке и сходна с последней по функции. В 1658 г. ямгородская крепость была штурмом взята русскими войсками. Шведы, однако, успели запереться в «каменном малом Вышгороде... невеликом, но добре крепком». Из-за нового препятствия у атакующих вышла заминка. Воеводы писали, что «де им без большого ломового наряду к Вышегородку, к Яме, приступить не уметь, потому что место крепкое и пинард де с ними нет».³⁷ В конце концов уже частично взятая крепость была оставлена. Решающее значение сыграли здесь мощные укрепления малого Вышгорода (рис. 23).

Ямгород (ровесник реконструированного в 1496—1507 гг. Ивагорода) и Орешек, несмотря на ряд частных отличий, судя по всему, строились приблизительно в одно время и по сходным планировочным решениям. Мы пока не знаем их авторов-строителей, безусловно европейски подготовленных фортификаторов-профессионалов (сооружения этого круга могли возводиться как иностранцами, так и русскими), но возражения об «одинокости» и русской нетипичности цитадельного Орешка отпадают. Нелишне здесь вспомнить и категорическое заявление А. Олеария о том, что крепость в истоке Невы была построена русскими.

Полной исследовательской неожиданностью явилось познание крепости с точки зрения ее водных коммуникаций. Выше упоминалось о рве вокруг цитадели. Ров с одной стороны упирается в широкую арку стены с пазами для опускной решетки. Может быть, этот ров помимо оборонительных функций служил гаванью для судов? Данное предположение подтвердилось и натурными наблюдениями, и документами.

В 1681 г. Нотебург осмотрел известный шведский военный инженер и фортификатор Эрик Дальберг. В своем отчете королю от 18 декабря 1681 г., присланном в архивной светоконии из Стокгольма, он, между прочим, сообщал, что цитадель имела «добротный, обложенный изнутри

стройками. В отличие от западноевропейских укреплений русские, в том числе и Орешек, представляли самостоятельные военные сооружения, не смыкавшиеся с жилыми.

³⁶ Kungl. Krigsarkivet. Sverige, stads-och fästningsplaner. Jama (Jamburg), N 1—4.

³⁷ Гадзяцкий С. С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества. — Ист. зап., 1945, т. 16, с. 48—49. — Пинарда (пестарда) — конический ствол, обеспечивающий взрыв направленного действия с целью разрушения ворот и стен.

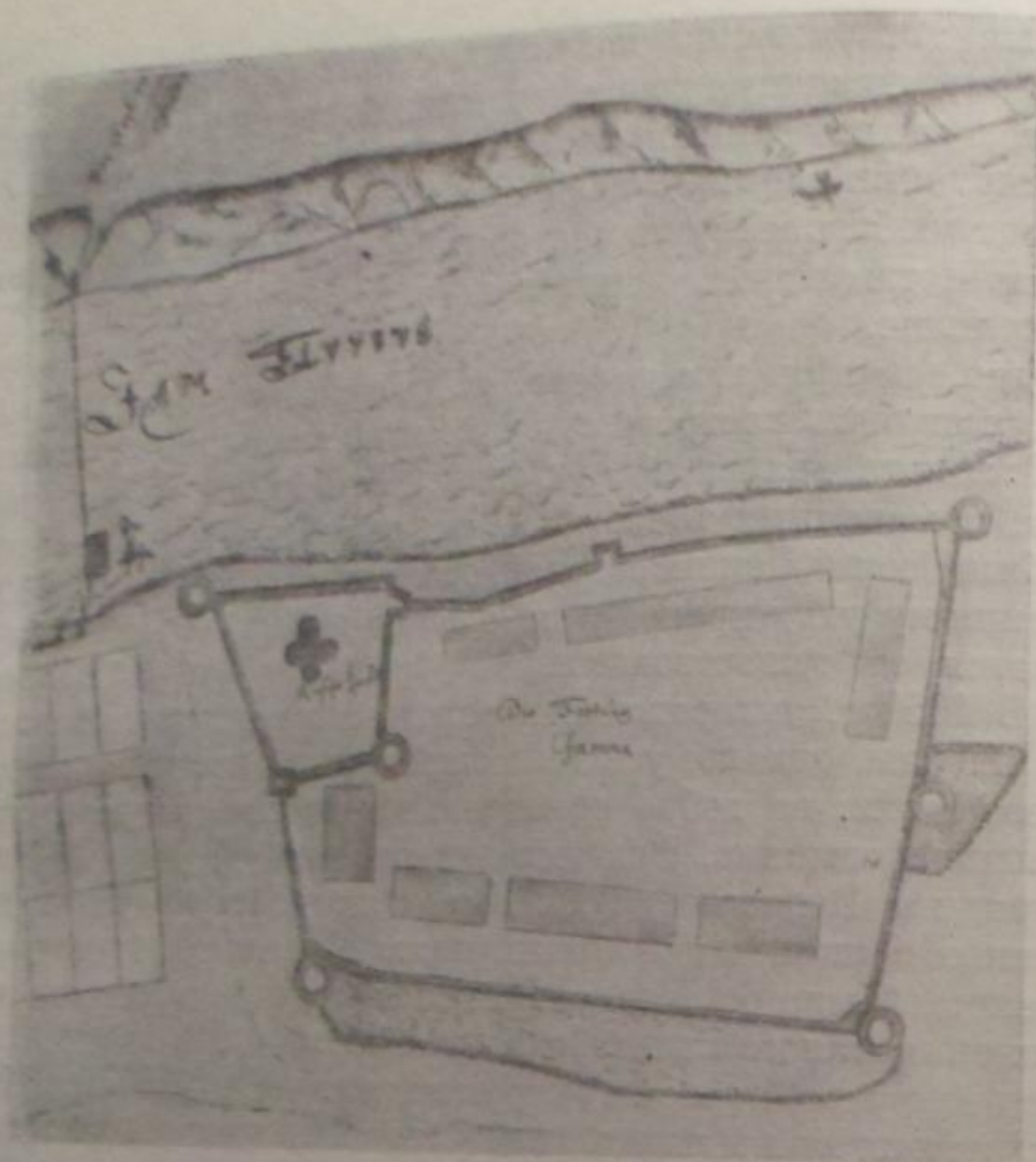

Рис. 23. Крепость Ямгород. Чертеж 1645 г. Швеция. Королевский Военный архив.

ров с водой, из которого через свод на ладьях при русских для сообщения и вылазок можно было при желании попасть в реку и в озеро». Далее Дальберг отмечал, что ров заполнен навозом и грязью и приведен в негодность. Он рекомендовал как «ради свежей воды, так и на случай пожара, особенно при осаде, чтобы вышеуказанный ров замка, так же как и ров внутри крепости, а также заполненный землей другой канал, были бы как можно скорее освобождены от грязи и очищены». ³⁸ Это сообщение иллюстрируют шведские планы Военного архива. На них видны полузасыпанные ров вокруг цитадели, знакомый нам по новгородскому времени, кавал поперек крепостного двора (канал упирался в мост), два моста при улицах, ведущих от Воротной башни в восточную часть острова. В момент разрушения крепости архиепископа Василия северная половина внутриостровного канала была завалена строительным мусором, южная — обложена каменными стенками и оставлена как внутренняя «заповодь». В местах пересечения улицами засыпанной части канала для подъема и выравнивания дороги были сделаны сухопутные мостики.

³⁸ Dahlberg E. Relation om fästningarna... — Под «рвом внутри крепости», очевидно, имеется в виду канал, проходящий внутри крепостного двора, о чем было упомянуто в связи с раскопками крепости 1352 г.

Раскопками обнаружен один каменный устой такого перехода, помещавшийся точно над насыпью канала (второго устоя, собственно, не требовалось).

Итак, в XIV—XVI вв. в крепости существовала непрерывно действовавшая система водных протоков (полностью она еще не раскрыта). В таком случае перед нами редчайший в русской средневековой истории случай создания островной крепости ³⁹ с внутренней системой водных коммуникаций — крепости-военной гавани. Таким образом, «ореховская Венеция», зародившаяся еще в новгородское время, нашла полное признание и продолжение при реконструкции примерно в 1500 г. О действии такого устройства пойдет речь ниже.

Постройка новой крепости в Орешке относилась к числу технически совершенных и своевременных акций московского правительства. Новое укрепление усилило границу и обороноспособность всей округи. Орешек — Нотебург появляется на европейских картах. ⁴⁰ В документах первой половины XVI в. часто мелькает «ореховский рубеж» — арена мелких и крупных столкновений, место, хорошо известное торговцам Средней и Северной Европы, по поводу которого велась постоянная посольская переписка. ⁴¹

В 40-х гг. XVI в. шведско-русские отношения стали ухудшаться. Как видно из копий документов, вывезенных из Швеции в XIX в. профессором С. В. Соловьевым, шведы в 1545—1549 гг. усиленно укрепляли Выборг и Або. В Стокгольм доходили слухи о русских военных приготовлениях, а в 1549 г. король Густав Ваза получил сообщение из Финляндии о том, что в Кексгольм и Нотебург подвозится вооружение. ⁴² Паника на финской границе (основанная, кстати сказать, на ложных слухах, так как силы русских были отвлечены в те годы борьбой с татарами) была на руку шведскому правительству, которое, невзирая на заключенный в 1537 г. 60-летний мир, все чаще подумывало о захвате областей Корелы и Орешка. ⁴³

Замышляя вторжение, шведы рассчитывали, что в нем примут участие 1000 рыцарей и 11 000 пехоты, т. е. практически все вооруженные силы государства. ⁴⁴ Войскам предписывалось прежде всего осадить Орешек и блокировать речной путь по Неве. ⁴⁵

³⁹ П. А. Раппопорт обратил наше внимание на «речку пропускную», проходившую сквозь крепость Остров, воздвигнутую, возможно, в первой половине XV в. (Раппопорт П. А. Из истории военно-инженерного искусства Древней Руси. — МИА, 1952, № 31, с. 189, рис. 38). Внутренний канал пересекал также Спасский остров крепости Корела.

⁴⁰ Впервые достоверный Орешек под названием Нотебург фигурирует на карте О. Магнуса 1539 г., он же помещен на картах С. Герберштейна 1546 и 1556 гг., Я. Гаetano 1548 г., Г. Меркатора 1594 г. (Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1899, вып. 1).

⁴¹ Щербачев Ю. Н. Русские акты копенгагенского архива. — Рус. ист. б-ка, 1897, т. 16, с. 28, 32.

⁴² Арх. ЛОИИ, кол. 124, оп. 2, № 23 сл. — Документ 1549 г. имеет № 44 этой же коллекции.

⁴³ Viljanti A. Gustav Vasas ryska krig 1554—1557. Stockholm, 1957, t. 1, p. 33 sq.

⁴⁴ Viljanti A. Die Aushebung des Jahres 1558 in Finnland und die Baltikumpolitik des Herzogs Johann. — Historiallinen Arkisto, Turku, 1962, t. 58, p. 209.

⁴⁵ Арх. ЛОИИ, кол. 124, оп. 2, № 49.

В 1555 г. новая крепость в истоке Невы испытала, по-видимому, первое серьезное боевое крещение. Тогда шведы «гостей у себя многих задержали» (в их числе были купцы из Орешка) и «за рубеж перелезли». Затем в нарушение мира состоялся поход 4—5-тысячной армии под командованием полковника Якова Багге.

Появление вражеских войск у Орешка было неожиданностью. Согласно одной посольской записи, шведы «к городу, к Орешку, приступали и с пушек, и с пищалей по городу били. А наша новгородская рать в то время ходила пленить безверных татар, а у Орешка были немногие домовные люди».⁴⁷

При сопоставлении русских и иностранных свидетельств о событиях 1555 г. отчетливо проступают высокие военные качества ореховской твердыни: мощь укреплений, труднодоступность, недосыгаемость или неэффективность орудийного огня нападающих. Обстреливать крепость можно

⁴⁰ Tegel E. J. Her Gustaffs... р. 348.

« Книга Степанная. — ПСРЛ, 1913, т. 24, ч. 2, с. 655.

было только с Никольского, или Монастырского (Монашеского, или Церковного), острова, расположенного с южной, так называемой Лопской (иначе — Московской) стороны. Этот остров (на картах XVII—XVIII вв. в данном месте показаны четыре-шесть смежных островков) не раз в дальнейшем служил местом расположения штурмующих Орешек батарей.

На исходе Ливонской войны Швеция решила выступить против России. В начале 1579 г. была опустошена округа Орешка. Годом позже король Иоанн III, автор «великой восточной программы», призванной отрезать Россию от Балтийского и Белого морей, одобрил план Понтуса Делагарди дойти до Новгорода и при этом напасть на Орешек или Нарву. В ноябре 1581 г. король писал наместнику Южной Финляндии, что у границы существует Нотебург, который мешает успешному продвижению войска. Предписывалось начать борьбу за крепость весной и осадить поселения, прилегающие по обеим сторонам реки, «прежде чем враг будет предупрежден и первым сожжет дома». Король также направил письмо русскому наместнику и боярам Орешка, где предлагал передачу замка и поселений в его руки. «Вам будет лучше, чем теперь», — восклицал он. Психологическая подготовка не принесла шведскому правительству ожидаемого успеха. Тем временем Делагарди начал свой блицтпоход в Ижорскую землю. К концу 1581 г. в руках противника оказалось почти все побережье Финского залива с Ивангородом, Копорьем, Ямой, а также Корелой. Изменник Афанасий Бельский предложил план захвата Орешка при помощи блокады, «чтобы хотя бы голодом был покорен». 11 сентября 1582 г. шведская армия (источники называют от 2000 до 10 000 немцев, французов, итальянцев, изменников русских и др.) сосредоточилась у Орешка. Перед пришельцами открылась «красивая и сильная» крепость, в которой находились, не считая сбежавшегося окрестного населения, 100 бояр и их слуг, а также 500 стрельцов и казаков. Наступающие обладали многократным численным превосходством. Пленные сообщили шведам, что у осажденных было только шесть крупных и средних орудий, остальные мелкие. 7 сентября шведы подвели свою флотилию, которая пыталась воспрепятствовать снабжению Орешка водным путем. По Ладоге курсировали 50—60 русских ладей, которые ввиду опасности укрылись за стенами крепости (здесь свидетельство, подтверждающее существование на острове внутренних каналов). 6 октября 24 осадные мортиры, поставленные на Монашеском острове (видимо, были учтены уроки акции 1555 г.), открыли огонь по западному

углу крепости. Через два дня часть стены была разрушена. На острове высадили десант, которому в районе пролома удалось захватить одну башню. Сильное течение помешало ботам с новыми десантниками вовремя достигнуть острова. Тем временем последовала контратака русских. Шведы были выбиты, и им, потерявшим, по словам хрониста Гирса, много людей, пороха и ядер, пришлось отойти оттуда с большим ущербом. «Так что штурм был начат зря и напрасно и прошел с большими потерями», — резюмирует итог дела хроника Бальтазара Руссова. 14 октября на помощь крепости прибыло на 80 ладьях еще 500 стрельцов «с провiantом и боевыми снарядами». 18 октября в присутствии Делагарди состоялся второй штурм, также потерпевший неудачу. 7 ноября шведы оставили свой лагерь под Орешком.

Героическая, почти 2-месячная оборона города в истоке Невы сорвала многие замыслы противника и ускорила мирные переговоры, закончившиеся в 1583 г. Плюсским перемирием. В ходе борьбы шведы использовали уроки похода 1555 г. — они пытались блокировать крепость и парализовать ее с наиболее уязвимой для артиллерии стороны. Однако именно Орешек оказался первым городом Севера, оказавшим армии вторжения наиболее серьезное сопротивление, — у крепости на Ореховом острове была остановлена и разбилась сильнейшая волна вражеского нашествия. Общерусское значение этого факта неоспоримо. События XVI в. показывают, как возрастало военное значение Орешка, как из порубежного форпоста Новгородской земли он превратился в важнейшую крепость на северо-западе Московского государства.

Заделка пролома (или чинка стен поврежденной крепости) состоялась в 1585 г. и угадывается по записи одного из разрядных списков: «Город делал голова Иван Вохрамеев». ⁵¹ Согласно этому же источнику, Иван Семенович Вохрамеев, очевидно, в качестве военного администратора занимался в 1585—1586 гг. городовым делом в Путивле и Торопце. ⁵² Как удалось установить, в обоих случаях речь шла о сооружении земляных бастионных «городов». ⁵³ Работы в Орешке, возможно, не ограничивались каменным делом и позволяют представить еще одно ответвление военного строительства. П. Петрей при описании Нотебурга отмечал, что «внутри стены (крепости) имеется бolverк толщиной в 3 локтя, заполненный песком и землей так, что его невозможно пробить, даже если стрелять будут крупные орудия». ⁵⁴ На основании этого свидетельства можно допустить, что каменные стены были дополнены, чтобы противостоять ядрам, земляной присыпкой в виде забитых грунтом срубов или стенок. Описанный Петреем «бolverк» скорее всего создан в 1585 г., когда деревоземляные укрепления широко практиковались в русском оборонном зодчестве. Земляными утолщениями были, например, усилены стены Пскова и Гдова. ⁵⁵

⁵¹ Разрядная книга 1475—1508 гг. М., 1966, с. 346—347.

⁵² Там же, с. 359, 377.

⁵³ Кирпичников А. Н. Крепости бастионного типа в средневековой России. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979, с. 492.

⁵⁴ Petrejus P. Regni Muschovitici..., p. 63.

⁵⁵ Косточкин В. В. Кремль древнего Гдова. — МИА, 1958, № 77.

ГОРОД В XVI СТОЛЕТИИ

Шведский король Иоанн III в 1574 г. предписывал своему полководцу Герману Флемингу предпринять морской поход вверх по Неве вплоть до Нотебурга и сжечь там «два купеческих города («två köpstäder»), для того чтобы русские не могли иметь там зимнего лагеря». ¹ Под купеческими городами понимались городские посады, примерно со второй половины XV в. перекинувшиеся на материк и не имевшие долговременной защиты. ² Жители посадов в случае опасности укрывались на острове (как это было в 1582 г.). Шведский король, видимо, получал достаточную информацию о купеческом Орешке, раскидном деревянном городе, переживавшем в XVI в. недолгий период своего процветания.

«Московский» Орешек запечатлели писцовые книги Водской пятины. Эти древнейшие, дошедшие до нас землеописательные документы целого края перечисляют дворы, церкви, амбары, учитывают огороды, рыбные тони, пашни, поименно перечисляют всех владельцев городских домов. ³ Сведения об Орешке содержатся в источниках, относящихся к 1500, 1545, 1563 и 1568 гг., что в сочетании со сведениями конца XV и первой половины XVII в. позволит представить город не только, так сказать, в горизонтальном, но и вертикальном разрезе на протяжении жизни нескольких поколений его жителей. Методология реконструкции средневекового города, по данным писцовых книг, не разработана, по-

¹ Attman A. Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik. Lund, 1944, p. 269.

² Никаких признаков посадских укреплений XVI в. не улавливается на дошедших планах XVII в. Например, на шведских картах 1681 и 1701 гг. на Корельской, северной стороне обозначены «посад» и дома с приусадебными участками, на южной, Лопской (или Русской) — помечены лишь отдельные дома с надписью «дворы» (Bagrow L., Kohlin H. Maps of the Neva River and adjacent areas in swedish archives. — In: Anecdota Cartographica. Malmö, 1953, t. 3, tab. X, a; XV). Земляные шанцы, изображенные на планах XVII—XVIII вв. на северных и южных берегах Невы в районе Орешка, построены шведами в XVII в. и частью русскими примерно в 1656 и 1702 гг.; к посадской защите они отношения не имели.

³ Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 года. — Временник МОИДР, 1851, кн. 11, с. 111—115. — Книга составлялась в 1498—1501 гг. (в тексте условно обозначаем 1500 г.) и включала «старое письмо» конца 1470—начала 1490 г. (датируем при упоминании как 80-е гг. XV в.).

этому настоящую главу можно рассматривать в качестве попытки исследования такого рода.

В 1500 г. город делился на несколько частей: крепость, Никольский остров (по имени находящегося там монастыря), Корельская сторона на северном берегу Невы, Лопская — на южном. На Корельской стороне отмечено 70 дворов, в крепости — 28, на Никольском острове — 5, на Лопской стороне — 99. Всего в Орешке насчитывалось 202 двора, владельцами которых был 251 человек (табл. 4). Приведенные цифры относятся ко времени составления не дошедшей до нас описи 80-х гг. XV в. К моменту же написания сохранившего эти сведения документа 1500 г. население города несколько уменьшилось — около 187 дворов населяли 229 владельцев.⁴ Учитывая, что переписчики записывали только мужчин —

Таблица 4

Дворы и их владельцы в Орешке по писцовой книге 1500 г.

Категории городского населения	Крепость («город»)		Никольский остров		Корельская сторона		Лопская сторона		Всего	
	дворы	люди	дворы	люди	дворы	люди	дворы	люди	дворы	люди
Лучшие люди своеземцы	—	—	1	1	12	26	1	1	14	28
Лучшие люди городские	—	—	—	—	7	11	4	7	11	18
Молодые люди городчане	5	6	2	3	45	57	73	78	125	144
Поземщики	—	—	—	—	—	—	4	4	4	4
Дворники, жившие во дворах своеземцев	7	7	—	—	—	—	10	12	17	19
Нетяглые люди										
наместник, пош, дяки, сто- рожа, пищальники, воротники	8	8	1	1	4	4	3	3	16	16
Дворы пустые	6	9	1	1	2	2	4	6	13	18
Места дворовые пустые	2	4	—	—	—	—	—	—	2	4
Итого	28	34	5	6	70	100	99	111	202	254

⁴ Эти цифры, возможно, несколько завышены. Согласно итоговым (но не совпадающим с нашими) подсчетам описи 1500 г., число жителей города по сравнению с данными «старого письма» (1480-е гг.) уменьшилось на 108 человек (24 двора). Вообще точность подсчетов всего городского населения, по данным писцовых книг, весьма условна, ведь писцы учитывали в первую очередь взрослое мужское население дворов, несущее юридическую ответственность за тягло. Вне их зрения могли оказаться (полностью или частично) некоторые нетяглые служилые люди. Средние цифры приходится использовать и при исчислении жителей двора. Здесь возможна поправка в том случае, если во дворе проживало более одной семьи, т. е. больше, как полагают, пяти человек. Для подсчета населения Орешки данная поправка практически не существенна, так как большинство дворов было односемейными. О методике исчисления городского населения, а также о застройке и планировке северорусского города см.: Кир-ричский А. Н. Опыт комплексного использования писцовых книг и исторической топографии для характеристики средневекового русского города (по материалам Корелы XV—XVI вв.). — Вспом. ист. дисц., 1980, т. 11.

хозяев дома и что в среднем на каждый дом приходилось не менее пяти человек (включая женщин и детей), общее число ореховцев составит не менее 1000 человек. По количеству дворов город в истоке Невы превосходил Ладогу и Копорье и несколько уступал Кореле и Яме.

Переписчик, для которого двор был единицей обложения, обязательно отмечал достаток горожан. Последние в 1500 г. делились на богатых — «лучших» и бедных — «молодых». И те и другие платили государственные подати. Освобожденные от этих повинностей чины городской администрации, военные и духовенство жили в «нетяглых дворах».

Сословной обособленности в расселении по районам различных групп горожан, по-видимому, не существовало. Так, в крепости находились двор наместника, семь дворов своеземцев (мелких землевладельцев), пять дворов «молодых людей городчан», два — поповских, три — пищальников, три — воротников, шесть — пустых и два места дворовых пустых (очевидно, раньше были заселены). «Холопы великого князя», воротники и пищальники, несли оборонную службу. Еще три двора пищальников указаны на Корельской стороне. Здесь, кстати, одно из первых в отечественных источниках упоминаний лиц, ведавших городской артиллерией — пищальями.

Большая часть горожан, очевидно, занималась огородным земледелием и промыслами. Отдельно указаны поземщики (позем — арендная плата), имевшие отношение, например, к рыболовству, охоте, торговле. Ремесленные специальности горожан (случайно отмечен токарь), к сожалению, не указаны.

В силу каких-то обстоятельств: призывов в армию, эпидемии, может быть, выводов оппозиционно настроенных к Москве состоятельных семей⁵ в центрально-русские области — тяглое население Орешки к 1500 г. по сравнению с 80-ми гг. XV в. уменьшилось, а оброк великому князю снизился с 10 до 8 р. Эти перемены выразились еще и в том, что 12 дворов и два дворовых места, принадлежавшие зажиточной городской верхушке, значились в 1500 г. пустыми. Именно к данному времени «лучшие» горожане мирно или насильственно покинули остров, где пустовали шесть дворов⁶ и два дворовых места.

К числу обеспеченных жителей города можно отнести и своеземцев, очевидно проживавших в окрестных деревнях. В семи своеземских дворах острова и 10 таких же на Лопской стороне⁷ писцы застали дворников, которым было указано «з городчань тянуть».

⁵ Выводы в Новгородской земле начались с 1483 г. и продолжались позже. На место «сведенных» землевладельцев поселялись московские помещики, составившие конное ядро поместного войска. Речь, таким образом, шла об укреплении северных пограничных земель кадрами надежных служилых людей. Кроме того, при помощи таких переселений московское правительство концентрировало в столице опытных провинциальных купцов и ремесленников. Конкретные сведения о «сведенных» ореховцах, к сожалению, отсутствуют.

⁶ В числе пустовавших указан двор наместника Андрея Федоровича Челядина, бывшего, видимо, в отъезде.

⁷ По недосмотру писца Лопская сторона посада не названа, но, судя по контексту, подразумевалась именно она.

Орешек был центром большого уезда, включавшего бассейн р. Невы и часть Карельского перешейка (что соответствовало Шлиссельбургскому, Петербургскому и отчасти Царскосельскому уездам XIX в.), насчитывавшего 20 сел, 1274 деревни и 3030 дворов с преобладающим русским населением.⁸ На территории уезда, между прочим, отмечены тони, принадлежавшие ореховцам, а также 53 двора рыбных ловцов (это больше, чем в других уездах Водской пятины). Хозяйство ореховского крестьянина, тесно связанного с городским рынком, видимо, отличалось промысловым характером. Только этим можно объяснить, что Ореховский уезд по сравнению с другими районами бывшей Новгородской земли считался наиболее доходным в отношении денежных повинностей.⁹

Кроме налоговых город в истоке Невы нес и военные повинности. В документах 1545 г. о сборе ратных людей и пороха по случаю похода на Казань сообщается, что ореховцы должны были выставить 29 всадников и 17 пицальников, из которых половина — тоже конные.¹⁰ Под пицальниками, по-видимому, следует понимать артиллеристов. Ореховский вооруженный отряд рекрутировался из состоятельных горожан и в техническом отношении находился на довольно высоком для своего времени уровне. Обращает внимание значительный процент в составе ореховского отряда лиц, ведавших огнестрельным оружием. В документе 1545 г. впервые, между прочим, назван двор городничего, иначе — военного коменданта крепости, — еще одно доказательство того, что к 1545 г. новые оборонительные сооружения на острове уже были созданы.¹¹

Источник 1545 г. несколько неожиданно упоминает, что из 205 городских дворов 98 — пустые. Объясняется ли это отсутствием части мужчин, мобилизованных для военных целей, или какими-либо другими причинами, судить трудно. Запустение 1545 г. было эпизодическим, и, как показывают сведения последующей поры, его удалось преодолеть.

Наиболее подробно средневековый Орешек изображен в писцовой книге 1568 г. Этот, к сожалению, неопубликованный источник содержит исключительно ценные сведения о городе середины XVI в.¹² В Орешке

⁸ По данным писцовой книги 1500 г., в Ореховском уезде из 4220 человек с нерусскими именами было 110 человек. Таким образом, местное финское население составляло 2,6% всего населения уезда (Гадзяцкий С. С. Ижорская земля в начале XVII в. — Ист. зап., 1947, т. 21, с. 4).

⁹ Аграрная история северо-запада России. Л., 1971, с. 196, 205.

¹⁰ Акты Археологической экспедиции. СПб., 1836, т. 1, с. 190.

¹¹ Сведения писцовых книг, к сожалению, мало что дают для уточнения даты постройки стен и башен Орешка. Островную крепость они именуют вообще «городом». На переоборудование укрепления в начале XVI в. могут указывать упоминания о пицальниках и факты об изменениях во внутрикрепостной застройке.

¹² Упомянутый текст входит в состав писцовой книги Водской пятины, содержащей описание Ореховского, Ладожского, Корельского и половины погостов Новгородского уездов, а также таких городов, как Орешек, Ладога и Корела. Рассматриваемая книга — подлинник, она писалась Иишей Васильевым сыном Булагиным и Посником Шепелевым. Год окончания книги (1568) установлен по датум льготных пожалований (ЦГАДА, ф. 137, по Новгороду 7, л. 206—242 об.). О дате документа и его исторической важности см.: Кирпичников А. И. Опыт комплексного использования писцовых книг..., с. 68—69; ср.:

Таблица 5

Дворы и их владельцы в Орешке по писцовой книге 1568 г.

Категории городского населения	Крепость «город»		Корельская сторона		Лопская сторона		Всего	
	дворы	люди	дворы	люди	дворы	люди	дворы	люди
Лучшие люди	—	—	16	32	14	24	30	56
Средние и младшие люди (также черные попы)	—	—	83	121	62 *	107	145	228
Нетяглые люди								
наместник, городские приказчики, воротники, попы, толмачи, монастырские люди	5	≈8	4	5	—	—	9	≈13
Дворы пустые	—	—	1	1	—	—	1	1
Места дворовые пустые	—	—	2	2	4	2	6	4
Итого	5	≈8	106	161	80	133	191	≈302

* Только младшие люди.

насчитывались тогда 191 двор и 302 их владельца, т. е. количественные (табл. 5) показатели по сравнению с данными 1500 г. изменились мало. Перепись фиксирует, однако, изменение социального состава населения и отмечает его заметное топографическое перераспределение. Так, мирное население покидает остров, на нем остается лишь пять дворов гражданской и военной администрации, и в том числе монастырский. Эти сведения можно связать не столько с окончанием постройки новой крепости, сколько с последовавшей, очевидно, вслед за этим «милитаризацией» острова. Укрепление, освобожденное от гражданского населения и предназначенное для военного гарнизона, по-видимому, лучше служило целям боевой готовности. Новопостроенные крепости, что хорошо видно на примере Ивангорода, правительство разрешало заселять только немногим административным и духовным чинам.¹³

Собственно-городская деятельность сосредоточилась на посадах. Корельская сторона, несмотря на опасное в военном отношении местоположение, то ли благодаря пригодности своих почв и обилию лугов, то ли по другим причинам стала самой населенной и представительной частью города (на Корельской стороне были 106 дворов и 161 дворовладелец, на Лопской — 80 дворов и 133 их владельца; табл. 5).¹⁴ По достатку

Ильинский А. Г. Городское население Новгородской области в XVI в. — Ист. обзор., 1897, т. 9, с. 135 сл.

¹³ Новгородские писцовые книги. СПб., 1886, т. 4, с. 227—230.

¹⁴ Характерно, что на Лопской стороне не было «средних» людей. Там же было больше, чем на Корельской, небольших по размеру (до 30 кв. саженей) дворов и особенно огородов. Лопская сторона была более скученной: на 1 га приходилось 25 человек, тогда как на Корельской соответствующий показатель ра-

Таблица 6

Владения горожан, проживавших на Корельской и Лопских сторонах Орешка в 1568 г.

Категория городского населения	Дворы					Огороды				Всего дворовых мест
	до 30	30—49	50—99	100—200	свыше 200	до 200	200—499	500—1000	свыше 1000	
Лучшие люди	6 (20)	10 (33)	9 (30)	4 (13)	1 (3)	4 (13)	11 (37)	12 (40)	3 (10)	30 (100)
Средние и молодые люди	39 (27)	55 (40)	43 (29)	7 (4)	—	14 (9)	63 (44)	52 (36)	15 (11)	144 (100)

Примечание. Цифры перед скобкой — кв. сажени, в скобках — проценты.

население делилось на «лучших», «средних», «молодых». По сравнению с 1500 г. состав зажиточного населения увеличился вдвое и появилась новая промежуточная категория — «средние» люди. Определенный рост городского благосостояния объяснялся активизацией торговли, а также развитием промыслов и городского земледелия.

Обращает внимание приволье посадской застройки. Двор «лучшего» человека обычно занимал площадь от 30 до 100 (63%; табл. 6), а «среднего» и «молодшего» — 20—90 кв. сажени.¹⁵ У «лучших» чаще встречались более крупные, чем у «средних» и «молодых», дворы (в 100 и более кв. сажени), однако в целом среднее владение первых по площади ненамного превосходило владение вторых.

Участок горожанина включал, как правило, значительный огород, по площади в 10—15 раз превосходивший место жилых и хозяйственных построек. У «лучших», «средних» и «молодых» людей средняя площадь огорода составляла 532—564 кв. сажени, при этом обычные участки имели по 200—600 кв. сажени.¹⁶

вен 16. В настоящей работе сочтено целесообразным использовать в ряде подсчетов суммарные данные, объединяющие показатели обеих половин города. Саравной 2.16 м.

¹⁵ У «лучших» людей площадь двора колебалась от 22 до 296, у «средних» и «молодых» — от 4,5 до 140 кв. сажени. Прямая зависимость между площадью двора и достатком хозяина усадьбы устанавливается в нашем случае далеко не всегда. Бывает, что размеры дворовых мест людей, менее зажиточных, превышают таковые же их состоятельных соседей. Классификацию дворов, равно как и огородов, следует, видимо, проводить, распределяя их по группам. Попытка такого рода предпринята в табл. 6. При этом мы исходили из того, что двор до 30, а огород до 200 кв. сажени считались мелкими (ср.: Ланно-Данилевский А. С. О величине дворовых и огородных земель древнерусского города. — Зап. РАО. Нов. сер., 1888, т. 3, с. 314).

¹⁶ Размеры огородов «лучших» людей составляли 45—1120, а «средних» и «молодых» — 60—1440 кв. сажени. Те и другие, как в шести случаях отмечает писцовая книга 1568 г., владели отхожими пашнями на «прискотинной земле», возделывая зуг и селяли рожи на участках в 1—4 десятины. В отношении распределения приусадебных наделов эти исключения, однако, не меняют общей картины.

Таблица 7

Площадь дворов и огородов горожан Орешка в 1568 г.

Категория городского населения	Крепость, дворы	Корельская сторона		Лопская сторона		Всего	
		дворы	огороды	дворы	огороды	дворы	огороды
Лучшие люди	—	1224	10990	943.25	11263	2167.25	22253
Средние и молодые люди	—	3745.75	58108	2959	24570	6705	82878
Нетяглые люди	361	205.25	1330	—	—	566.25	1330
Дворы пустые	—	100	560	—	—	100	560
Места дворовые пустые	—	≈110	≈1000	≈130	≈1465	≈240	≈2465
Итого . . .	361 (1661)	5385 (24771)	71988 (331145)	4033 (18552)	37298 (171571)	9778 (44984)	109286 (502716)

Примечание. Площадь дана в кв. сажени; в последней строке цифры перед скобкой — кв. сажени, в скобках — м².

Регулярное наличие приусадебной земли еще не свидетельствует о том, что выращивание овощей всегда было главным занятием хозяина дома. Огороды имели торговцы, ловцы рыбы, ремесленники.¹⁷ Конечно, не огород был источником «средств существования» у 56 «лучших» людей, очевидно купцов, промышленников, крупных рыболовов. Имея, однако, в виду, что примерно две трети дворовладельцев приведены в писцовой книге 1568 г. без указания вида их занятий, а размер наделов этих людей был значительным, можно, по крайней мере частично, признать за ними преимущественное возделывание собственной «дворской» земли.

Аграрный облик Орешка разительно выступает при определении его территории. В данном случае удалось преодолеть обычную исследовательскую неясность, связанную с выяснением границ неукрепленного посада древнерусского города. Подсчеты показали, что Орешек в 1568 г. занимал территорию не менее 58 га¹⁸ (крепость — 3 га, Корельская сторона —

¹⁷ Наместник, городские приказчики и воротники, жившие в крепости, огородов не имели.

¹⁸ Планы ореховских посадов, к сожалению, отсутствуют, поэтому нет возможности представить расположение площадей, улиц, кладбищ, не говоря уже о дворах. Тем не менее схематическая топографическая реконструкция Орешка XVI в. все же осуществлена на основании письменных источников, в первую очередь писцовой книги 1568 г., шведских и русских планов XVII—XVIII вв. Подсчитанное по данным 1568 г. пятно застройки Орешка совмещено, в частности, с территорией на северном берегу Невы, где на незастроенных участках в 1968—1970 гг. найдены черепки средневековой посуды. На представляемом плане (рис. 24) отражена поправка, связанная с некоторым увеличением площади, кладбища, места церквей и монастырей; в описании 1568 г. не учтены улицы, площади, кладбища, места церквей и монастырей (за исключением северного и южного посадов, места церквей и монастырей (за исключением церкви Спаса и Никольского монастыря) обозначены предположительно. К списку культовых зданий добавлена отмеченная только в писцовой книге 1568 г., возможно, кладбищенская церковь Троицы. Ленточное расположение

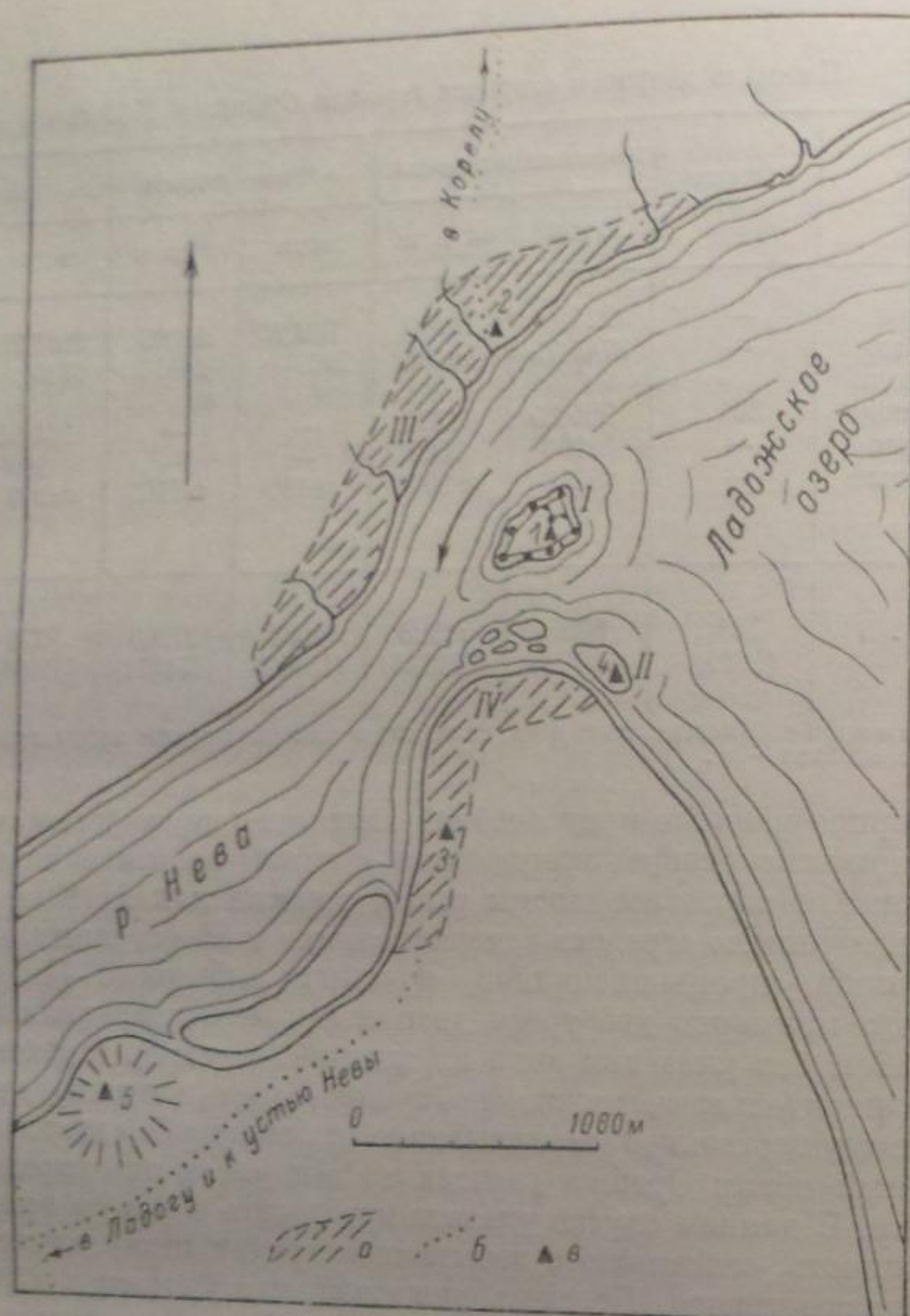

Рис. 24. Орешек в XVI в. План-реконструкция автора.

I — крепость; II — Никольский остров; III — Корельская сторона; IV — Лопская сторона; 1 — церковь Спаса; 2 — церковь Иоанна Предтечи; 3 — монастырь Рождества Богородицы; 4 — Никольский монастырь; 5 — церковь Троицы; а — граница посада; б — дороги; в — места церквей и монастырей.

36, Лопская — 19 га; табл. 7). По своим размерам Орешек может быть причислен к средним русским городам того времени, впрочем по масштабам европейского средневековья значительным (рис. 24).¹⁹ При этом

посадов вдоль Невы подсказано не только особенностями хозяйства горожан, связанных с рыбной ловлей и водным транспортом, но и плодородием имеющихся здесь приречных огородных почв. Подтверждают такое расположение особенно Корели.

Для сравнения отметим, что крупные западноевропейские средневековые города занимали до 40—60 га и в ряде случаев в их черту были включены сельско-

89% городской территории в пределах Корельской и Лопской сторон занимали огороды. Иными словами, процент городской застройки составил лишь 11% (табл. 7). По величине огородного массива Орешек далеко оставил за собой Ладогу, Корелу и ряд центрально-русских городов.²⁰ Из этого ясно, что развитое «городское земледелие» занимало в экономике города в истоке Невы значительное, а для некоторых семей, очевидно, определяющее, место. Неожиданность такого заключения требует дальнейшей проверки и, возможно, объясняется хозяйственным своеобразием Орешка как крупного приневского торжища съестными припасами (о чем см. ниже).

Для примерно трети дворовладельцев опись 1568 г. указывает вид занятий или профессию (108 таким людям принадлежали 85 дворов; табл. 8). Эти сведения позволяют установить, что кроме огородничества жители города занимались рыбной ловлей, ремеслом и торговлей. 55 ловцов рыбы жили в 38 дворах (в 15 их было по двое и больше). Посадским людям по берегам Невы, ее притоков и Ладожского озера принадлежали многочисленные рыбные тони, с которых в казну платился довольно высокий оброк — 12 р.²¹

В ремесле Орешка преобладали обработка дерева, полотна, кожи, войлока и меха. Опись 1568 г. упоминает плотников, портных, сапожников, колпачника, скорняка, красильщика и решетника. Все они занимали 15 дворов.²²

В состав горожан входили люди, оберегавшие крепость, — пушкарки (заменили прежних пищальников), городские воротники и городские приказчики. Далее указаны губные и земские старосты и дьяки, толмачи, «рассыльщики», перевозчики. Названы также палач, скоморох, пастух, «коровник» (скотник), церковные и монастырские попы, дьяки и сторожа. Большинство военных и частично духовенство и перевозчики были освобождены от тягла.

хозяйственные угодья (Бунин А. В. Особенности архитектурно-планировочного развития средневековых городов Центральной и Западной Европы. — В кн.: Сборник исследований по истории архитектуры и градостроительства. М., 1964, с. 85).

²⁰ В огородничестве Орешек далеко оставил за собой Ладогу, в которой вместе с огородами приходилось 252 кв. сажени на двор, т. е. вдвое меньше, чем на один только огород жильца Орешка, и Корелу, в которой даже дворы с огородами имели не более 136 кв. сажени, а вообще огороды достигали в среднем только до 25 кв. сажени на двор, иначе говоря, были в 20 раз меньше, чем один огород в Орешке (Ильинский А. Г. Городское население..., с. 166—167; Лаппо-Данилевский А. С. О величине дворовых и огородных мест..., с. 315).

По подсчетам Н. Д. Чечулина посадские дворы ратных и черных людей в XVI в. составляли в среднем 46, огороды — 300 кв. сажени (Чечулин Н. Д. Русские деревянные жилые постройки в XVI в. — Зап. РАО. Нов. сер., 1893, т. 6, вып. 3—4, с. 298—299). Цифры эти усреднены и, к сожалению, не отражают специфики многих центрально- и северорусских городов.

²¹ ЦГАДА, ф. 137, по Новгороду 7, л. 241 об.—242 об.
²² Допустимо, что опись 1568 г. называет не всех ремесленников; среди последних были, очевидно, гончары, токари, кузнецы. Недосказанность перечисленных документов XVI в. требует осторожности их использования, особенно при характеристике городского ремесла и торговли.

Таблица 8

Занятия жителей Орешка в 1568 г.

Вид занятий и род деятельности	Крепость («город»), неяглые люди		Корельская сторона				Лопская сторона				Всего	
			лучшие люди		средние и молод- шие люди		лучшие люди		молодые люди			
	люди	дворы	люди	дворы	люди	дворы	люди	дворы	люди	дворы	люди	дворы
«Рыбные ловцы»	—	—	10	5	44	32	1	1	—	—	55	38
Плотники	—	—	1	1	4	4	—	—	—	—	5	5
Портные	—	—	—	—	3	3	—	—	1	1	4	4
Сапожники	—	—	—	—	2	1	1	1	—	—	3	2
Колпачник	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	1	1
Скорняк	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1
Красильщик	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	1	1
Решетник	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	1
Пушкар	—	—	1	1	2	2	—	—	1	1	4	4
Воротники городские	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Приказчики городские	2 (?)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2 (?)	1
Толмачи	—	—	1	1	2*	2	—	—	—	—	3	3
«Рассыльщики»	—	—	—	—	3	2	—	—	—	—	3	2
Перевозчики	—	—	—	—	4	3	—	—	—	—	4	3
Палач	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1
Скоморох	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1
Пастух	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	1	1
«Коровник»	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1
Старосты губные	—	—	—	—	—	—	—	—	2 (?)	1	2 (?)	1
Дьяки губные и земские	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	2	2
Попы	—	—	—	—	4*	4	—	—	2	2	6	6
Дьяки церковные и мона- стырские	—	—	—	—	1	1	—	—	2	1	3	2
Сторожа церковные	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	2	2

* Один человек относился к неяглым.

Ремесленники, чины городской администрации, земцы, «рыбные ловцы», пушкар, толмач, перевозчики, попы и дьяки отнесены к «средним» и «молодым», но и среди состоятельных горожан названы 11 рыболовов, плотник, сапожник, решетник, пушкар, толмач. Судя по этим данным, в городе шло формирование средних и богатых ремесленников и рыболовов.

Большинство людей, для которых указаны специальности или род деятельности, жили на Корельской стороне. Здесь находились почти все «рыбные ловцы», плотники, портные, сапожники, колпачник, красильщик, пушкар, толмач, «рассыльщики», перевозчики, все упомянутые земцы, церковные сторожа. Перед нами своеобразный деловой центр города и местопребывание артелей и товариществ, в которые среди других были, возможно, объединены рыболовы и перевозчики.

Специально купцы в Орешке 1568 г. не названы, но наличие широкой торговли несомненно: «В Орешке, по данным документа 1568 г., на по-

саде, у посадских людей во дворах и против дворов амбары и щербети товарные»; на Лопской стороне было девять амбаров, на Корельской стороне — шесть. О размахе торговли свидетельствует таможенная грамота 1563 г.²³ В ней отмечены товары, которые в Орешек и уезд поступали из Новгорода, его «пригородов», из волостей Московских, Тверских, Рязанских, из Пскова, Смоленска, Великих Лук, Торопца, Торжка, из Литвы и «немец». Среди доставлявшихся в Орешек товаров отмечены привозные: воск, мед, икра, соль, сукно, шелка — и местные: коровы, бараны, свиньи, рыба, масло, сыр, яйца, хлеб, калачи, мясо печеное и прочий «товар съестной».

В грамоте упомянуты чины государственной контрольной инспекции: таможенники, «померщики» (мерили хлеб), пудовщики (следившие за весом). Там же названы торг и пристань под торгом, куда приставали большие и малые суда. Не исключено, что торг помещался в самой крепости, и именно на центральной ее площади. Эта площадь обозначена на ряде шведских планов в непосредственном соседстве с каналом, следовательно, была вполне доступна речным судам. Судходный форватер проходил по правому протоку Невы²⁴ (там же, где он протекает и ныне). Как раз с правой, глубоководной стороны Невы и расположен въезд для судов в упоминавшийся выше ров вокруг цитадели (рис. 25). Возможно, что берега ореховских посадок были не очень удобны для пристанища особенно крупных торговых судов, а крепость не только снаружи, но и, как ранее замечено, внутри оказалась подготовлена для их приема и остановки, да к тому же в военном отношении для самих флотоводцев это было безопаснее.

Грамота 1563 г. сообщает, что амбары и лавки кроме торга располагались по дворам «и в тех амбарах и лавках люди товар свой — соль — кладут и хлеб ссыпают на продажу». Купеческая деятельность не прекращалась и зимой. Часть изделий привозилась сухопутным путем. В грамоте оговаривается оброк «с домниц и горнов», и кузниц, из чего мы узнаем о наличии в городе кузнецов и железоделательного производства.

В целом экономика Орешка имела промыслово-торговый характер. Перед нами безусловно развивающийся центр, напоминающий более поздние северные посады. Жители города, с одной стороны, были тесно связаны с сельскохозяйственным производством и крестьянской округой, с другой — «промышляли торгом и извозом».

Тесная связь «с землей» определила интенсивность и характер городской застройки. На гектар городской земли Орешка приходилось 3.4 двора, тогда как в Новгороде их было 12.5, а в Москве 21.8. Следовательно, застройка города в истоке Невы была значительно более разреженной, чем в крупных городах. Об этом же свидетельствует и плотность

²³ ДАИ, СПб., 1846, т. 1, с. 163—168.

²⁴ Ср. описание езды мимо Орешка в 1701 г. (Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1863, т. 4, ч. II, с. 193—194). На шведской карте Нотебурга 1701 г. более глубокий рейд также обозначен с северной стороны острова (Ланпо-Данилевский А. С. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. СПб., 1913, карта 10).

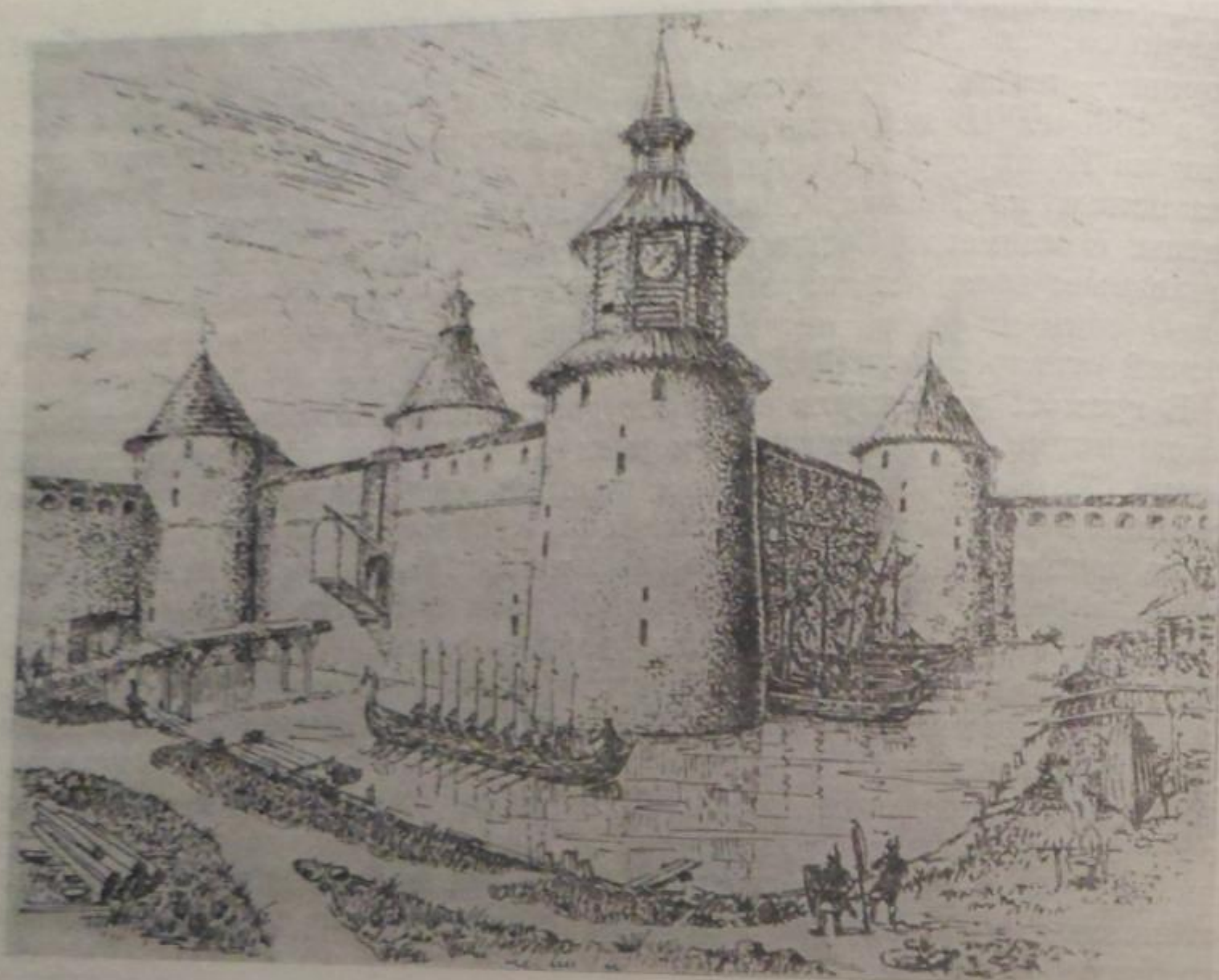

Рис. 25. Ров-гавань у цитадели. Рисунок-реконструкция В. М. Савкова.

населения (общая численность горожан в 1568 г. не менее 1200—1500 человек); в Орешке она составляла около 25 человек на 1 га, в Новгороде — 73, в Москве 110 человек на 1 га.²⁵

Расположение посадских улиц (одна из них на Корельской стороне случайно названа в описи 1568 г.), к сожалению, не поддается локализации.²⁶ Планировка посадов была, очевидно, подчинена линии берегов. Вдоль них в определенном порядке выстраивались дворы, к которым сзади в подавляющем большинстве «межа в межу» примыкали огороды, причем длина последних нередко достигала 140—160 саженей. Следуя последовательности хода описи, можно заметить, что приусадебные участки «нарубались» длинными полосами подчас стандартного размера.

²⁵ Исчисления произведены на основании: Тверской А. М. Русское градостроительство до конца XVII века. М.; Л., 1953, с. 164 (ср. с. 197); Носов Н. Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 157—158.

²⁶ О планировке собственно крепости речь пойдет ниже. Удачная попытка восстановления плана города XVII в. по письменным и изобразительным данным см.: Караваева Е. М. Градостроительное развитие Суздаля. — В кн.: Сборник исследований по истории архитектуры и градостроительства. М., 1964, вып. 1, с. 149 сл.

Своей короткой стороной (от 1.5 до 12.5 саженей; табл. 9) дворы выходили на улицу. Обычная длина уличного фасада (3—8 саженей) позволяла разместить по меньшей мере двухкамерный дом с проходом во двор. Фасадные поперечники в 2—3 сажени (до 25%) подходили для строения однокамерного, а в 9—12.5 саженей (до 20%) — трехкамерного.²⁷ Размеры дворовых фасадов косвенно указывают на то, что двух-, трехкамерные дома могли определять застройку города. Если это суждение верно, то традиции ореховского домостроительства московской поры указывают на новгородскую эпоху.

В пользу новгородских корней ореховских посадов говорят и другие аргументы. Московская власть застала уже сложившиеся городские деления, общая планировка которых, по-видимому, удержалась в течение всего XVI в. Намеренные участки использовались длительно, случаи деления дворов и огородов фиксируются описью 1568 г. крайне редко. Население, жившее в истоке Невы, в XV — первой половине XVI в. сохраняло свою преемственность и стабильность.

Представить динамику роста населения Орешка затруднительно, так как писцы записывали человека чаще всего только по имени и отчеству. По фамилии они называли наиболее состоятельных людей (не во всех случаях) и иногда других горожан, имена которых были близки или совпадали. При всем этом удалось выделить 11 потомственных родов ореховцев, которые отмечены в источниках 1500—1605 гг.²⁸ На ореховских берегах, несмотря на выводы, поборы на военную службу, войны и пожары, в течение XVI в. жили многие потомки новгородских поселенцев. Относилось это как к «лучшим» своеземцам, так и к «средним», и «младшим» людям.²⁹

Документы 60-х гг. XVI в. характеризуют время наивысшего развития древнерусского Орешка. К значительным размерам города следует добавить обширные сенокосные угодья, по площади превышавшие его территорию. Одних торговых таможенных пошлин ореховцы платили государству

²⁷ Нельзя, разумеется, утверждать, что на улицу всякий раз «выходил» именно дом и именно своей длинной стороной. К улице могли быть обращены и хозяйственные постройки. Суждения о застройке фасадных пролетов напрашиваются на основании повторяющихся длин уличных частей дворов и данных раскопок домов Орешка XV в.

²⁸ Еще в 1605 г. 43 своеземца — потомки старинных новгородцев и вотчинников — несли в Орешке «осадную службу» (Мятлев Н. Десятина Вотской пятини 1605 года. — Изв. Рус. генеал. о-ва, 1911, вып. 4, с. 463).

²⁹ Привожу фамилии родов потомственных ореховцев в XVI в.: Бритва (Бритвина), Баламковы, Грихновы, Калинины, Кирилловы, Лахновы, Немковы, Плешаковы, Павловы, Царевы, Яхновы.

Таблица 9

Протяженность дворовых фасадов
Корельской и Лопской сторон
в Орешке 1568 г. (в саженях)

Категории городского населения	До 3	3—8	9—12.5	Общее число дворов
Лучшие люди	6 (20)	18 (60)	6 (20)	30 (100)
Средние и младшие люди	19 (25)	113 (67)	12 (8)	144 (100)

Примечание. Цифры в скобках — проценты.

65 р., «а в иной год збирают болши того, а в иной год менши». С 1568 г. Орешек стал платить в казну оброк вместо прежних 17—48 р., что в 6 раз превышало подать 1500 г. Резко подскочившие налоги отражали размах предпринимательского развития посадов, но они же и тормозили этот рост. Однако жестокие методы самодержавного руководства городом не были такими пагубными, чтобы остановить его прогресс. Торгово-промышленная деятельность ореховцев год от года расширялась, а сам Орешек в середине XVI в. претендовал на роль крупнейшего русского порта. Он находился в скрещении сложившихся и регулярно действовавших важных речных и сухопутных путей, связывавших Русь с Балтийским морем. Через город пролегал ямской путь на Корелу. Русские люди, судя по карте 1656 г., знали, что от Новгорода до Орешка «водяным путем, рекою Волховым и Ладожским озером, 260 верст, от Ладоги до Орешка водяным путем 110 верст», а «от Орешка-города до Корелы-города 97 верст». Эти сведения несомненно восходят к XVI в.³⁰

Последовавшая в 1568 г. причина и беды Ливонской войны непоправимо подорвали экономику города и его округи. В 1572 г. в городе из 139 обложенных податью (т. е. тяглых) дворов «живущих» было только 19.³¹ Обезлюдение не только города, но и края (где в 1582—1584 гг. осталось только 17% населенных дворов)³² достигло катастрофических размеров. Общесословные книги 1573 г. относительно деревень Ореховского уезда пестрят пометами: запустела «от свейских немец», «от опричного правежу», «от мору», «от государевых ратных людей и татар». В 1570 г. «деревни стояли не паханы и не кошены», «крестьяне обнищали и разбежались безвестно», «волося выжгли, людей побили, а животы немцы поимали».³³ Таковы были превратности жизни Орешка и его округи в третьей четверти XVI в., в результате которых в конце концов нарушился нормальный темп его гражданского развития.³⁴

³⁰ Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII в. — В кн.: Вопросы географии. М., 1905, сб. 20, с. 288.

³¹ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1909, т. 2, с. 365.

³² Ялицкий Н. Экономический кризис в Новгородской области XVI века (по писцовым книгам). — В кн.: Сборники студенческого историко-этнографического кружка. Киев, 1915, вып. 4, с. 54.

³³ Бутков П. О состоянии местностей Санктпетербургских в XVI в. — Журн. М-ва внутр. дел. 1836, № 6, ч. 20, с. 391—406.

³⁴ Точности ради отметим, что в конце XVI в. замечается некоторое оживление Орешка. В 1601 г. в нем насчитывалось 49 тяглых дворов и девять лавок. Пустые дворы и заброшенные огороды горожане пустили под распах. Упомянутые посадские люди, земцы, пушкарники, воротники, жилецкие казаки, «прпез- т. 38, с. 187, 203—204). Имела место не только местная, но и дальняя торговля. И. Э. Клейнберг проанализировал четыре таможенные книги, составленные в Выборге в 1599—1601 и 1603 гг., и обнаружил, что стоимостная часть купцов Орешка в русской торговле в Выборге составляла 31%. В этом отношении город в истоке Невы стоял на втором месте после Новгорода, на долю которого приходилось 40%. В выборгской торговле участвовали также Корела с уездом (20%), Невский городок — предшественник Ниеншанца (4,5%), Копорье с уездом (3,5%) (сведения о русской торговле через Выборг любезно предоставлены Клейнбергом).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ ОРЕШКЕ МОСКОВСКОЙ ПОРЫ

Богатый письменный материал о городе XVI в. ныне дополнен археологически. Поиски исчезнувших ореховских посадов оказались малоперспективными. Древний культурный слой сохранился в ничтожной мере и на большей части совершенно уничтожен современной застройкой. Не будь писцовой книги 1568 г., мы бы не смогли определить площадь города, размеры и количество его дворов. Зато раскопки на острове принесли некоторые небесполезные дополнения. Это тем более интересно, что письменные источники почти все внимание концентрируют на посадах, крепость же, где к середине XVI в. исчезло самостоятельное тяглое население, московских писцов привлекала мало.

Прежде всего скажем о гражданских сооружениях острова-крепости.

В Орешке, как явствует из писцовых книг 1500 и 1568 гг., существовали мужской Никольский (позже Ляликин Николаевский) монастырь на одноименном острове, мужской монастырь Рождества Пречистые (Богородицы) на Лопской стороне, церковь Спаса внутри крепости, церкви Иоанна Предтечи и Троицы на Корельской стороне.¹ Этими церковными учреждениями проводилась, в частности, далеко не завершенная работа по христианизации края. Еще в 1534 г. вокруг Орешка жило много язычников и существовали «скверные мольбища» и «прелесть кумирная».²

Судя по тому что ореховские церкви и монастыри к 1500 г. обзавелись четырьмя десятками деревень и семью десятками дворов оброчных крестьян, они существовали и, вероятно, возникли в новгородское время.³ Об одном из этих сооружений мы можем составить представление.

Писцовая книга 1568 г. впервые отмечает, что находившаяся в городе церковь Преображение Спасово была каменной. Действительно, дошедшие до нас планы XVII—XVIII вв. фиксируют в юго-восточном углу крепости небольшую, почти квадратную в плане, одноапсидную бесстолпную цер-

¹ Ср.: Архимандрит Сергей. Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 года. СПб., 1905, с. 90 сл. — Для 1573—1592 гг. известны имена некоторых игуменов Никольского монастыря и их документы (АИ, 1841, т. 1, № 187, с. 349).

² Прибавления к Псковским летописям. — ПСРЛ, 1851, т. 5, с. 73.

³ Ср.: Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях. СПб., 1897, т. 3, с. 90, 150.

ков, по-видимому, с крещатым сводом. До конца XVII в. это была единственная каменная невоенная постройка внутри крепостного двора.⁴ Шведы переделали ее в кирку, пристроив к ней с западной стороны деревянный, крестообразный в плане зал.⁵ Суждение о времени данной постройки можно высказать на основании вновь найденных архивных документов XVIII в.

После 1702 г. строение, называвшееся церковью Иоанна Предтечи, вновь приспособили для православной службы. В 1725 г. деревянную пристройку перебрали, по-видимому, по старой основе.⁶ Видевший тогда это сооружение камер-юнкер Берхгольц записал: «На ее месте во времена шведского владычества стояла церковь, позади которой находился (и до сих пор уцелел) большой старый каменный свод (т. е. сводчатое помещение), бывший прежде гробницею, а теперь служащий вместо ризницы».⁷ Упомянутое здесь сводчатое каменное сооружение и было несомненно древнерусским храмом, использовавшимся в 1725 г. в качестве ризницы.

В дальнейшем, несмотря на починки 1725 и 1729 гг., жалобы на плохое состояние обоих сооружений множились. В 1738 г. шлиссельбургский священник доносил, что «к соборной церкви старое еще шведское деревянное строение, которое приобщено к каменной церкви, стенами и кровлею весьма обветшало... Также де и на каменной церкви глава токмо досками обита, а железом не опаяна и весьма ветха ж».⁸ В 1757 г. церковь осмотрел «архитектурный помощник» С. Густышев, который сообщал, что деревянную часть церкви «за крайнюю ветхостию исправить никак невозможно, понеже стенами и в углах вся безнаджна, також пол как в каменной, так и в деревянной опустился и огнил и потолок и кровля совсем ветха и к починке ненадежна». Далее шла речь о каменной постройке, у которой «с лица у алтаря оказались трещины, також и внутри церкви в своде и в перемычке немалые имеютца трещины, особенно от тягости, имеющиеся на оной церкви сверх свода каменной немалой шеи».⁹ Чинить церковь так и не собрались и в 1764 г. цитировали рапорт Густышева о том, что «за непочинкою деревянное строение пришло в наивысшую от дождей гнилость и худобу и почти все развалилось», а каменную церковь «за крайнюю ветхостию исправить никак невозможно».¹⁰ Последний раз церковь упоминается в 1767 г. И, очевидно, около 1770 г. ее сломали, так как в 1776—1779 гг. архитектор А. Вист воздвиг в Шлис-сельбурге новый храм Иоанна Предтечи.

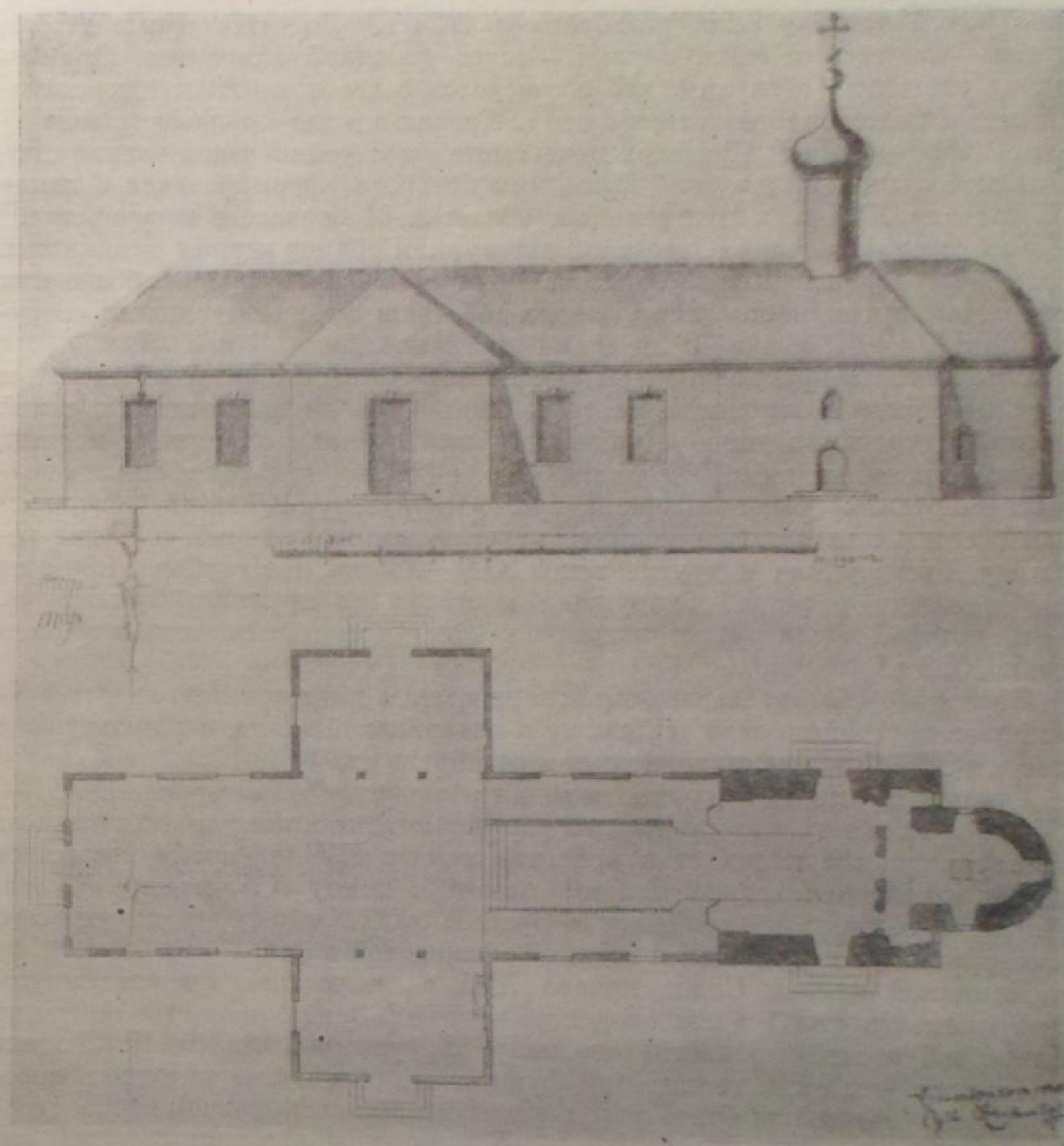

Рис. 26. План и фасад церкви Иоанна Предтечи. Чертеж С. Густышева 1758 г.

Во время осмотра разрушающейся церкви Иоанна Предтечи С. Густышев снял с нее план и фасад, которые благодаря любезному указанию искусствоведа М. Ф. Коршуновой обнаружены в ЦГАДА (рис. 26).¹¹ Чертежи Густышева — самые подробные графические документы, которые сохранились от исчезнувшей постройки. Густышев изобразил одноглавый бесстолпный, с одной апсидой храм размером по осям 12,8×7 м. Похоже, что наружные проемы здания подверглись растеске, а западная

¹¹ Там же, оп. чертежей, № 762, л. 1.

⁴ Мачока и барабан церкви видны на рисунке в книге А. Олеария (Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906, рис. на с. 12). Это первое сохранившееся изображение памятника.
⁵ Вероятно, что это «двойное» сооружение дало повод П. Петрею сообщить о двух церквях (каменной и деревянной), находившихся внутри крепости Нотебург (Petrejus P. Regni Muschovitici sciographia. Stockholm, 1614—1615, p. 64).
⁶ ЦГАДА, ф. 198, оп. 1, № 426, л. 50 об., 53—54, 61 об.—62, 66; ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 48, л. 962 об.
⁷ Дневник камер-юнкера Берхгольца. М., 1860, ч. 4, с. 174.
⁸ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, № 973, л. 7.
⁹ Там же, л. 7, 55.
¹⁰ ЦГАДА, ф. 248, кн. 4047, л. 598.

стена почти доверху была разобрана в 1725 г.¹² Архитектурные детали здания — наличники окон, карниз — носят «поздний» характер. Барабан был не световым, а глухим, что согласуется с его описанием как «нема-лой шен», находящейся «сверх свода». Кровля здания производит впечат-ление перестроенной. При всех искажениях постройки в ней можно опо-знать небольшой приходский храм, тип которого сформировался в конце XV—начале XVI в. в центральных областях Московского государства.¹³ Нельзя исключить также, что в архитектурном облике здания отложились черты новгородской школы зодчества, представленной в XV в. более или менее стандартными по плану, также небольшими одноапсидными соору-жениями, правда, обычно с четырьмя внутренними столбами.

В 1970 г. на предполагаемом месте постройки был заложен раскоп и найдены обломки черепицы, раствор, блоки стен из плитняка. От самой постройки частично уцелел только двухслойный пол из плит и мелких, плотно уложенных камней. Выкладка пола (имевшая, к сожалению, амор-фные очертания) была положена прямо на культурный слой, содержав-ший остатки плохо сохранившихся деревянных сооружений, а также ке-рамику, бусы, удила и другие вещи XIV—XV вв. На глубине 1.5 м на всей площади раскопа обнаружена мостовая из крупного булыжника, часть которой была также встречена, как упоминалось, при изучении стены 1352 г.

Последнее обстоятельство объясняет полное исчезновение стен и фун-даментов постройки, заложенных не в материковой глине, а в культурном слое и в XVIII в., очевидно, целиком разобранных.

Учитывая, что пол храма находился на слое с материалом XIV—XV вв., а также то, что найденный раствор кладки храма не отличался от раствора существующих стен крепости начала XVI в., время постройки здания предположительно можно отнести к концу XV—началу XVI в. Иными словами, каменная церковь Орешка была воздвигнута скорее всего одновременно с крепостными стенами московской поры.

Каменной церкви Спаса начала XVI в., возможно, предшествовала одноименная постройка новгородского времени. Заканчивая свое описание Шлиссельбургской крепости, неоднократно упоминавшийся Н. Людвиг обмолвился, что «при вынимании фундамента под новые и дондес несо-вершенные магазинны (речь идет о так называемом Монетном дворе, стро-ившемся по указанию Петра I. — А. К.) найдены развалины старой ка-

¹² Сломанное пространство свели сверху в арку. Необходимость этой работы была вызвана желанием объединить каменную и деревянную части построек и со-здать единый залный интерьер (ЦГАДА, ф. 198, оп. 1, № 426, л. 66).

¹³ Давид Л. А. Церковь Трифона в Напрудном. — В кн.: Архитектурные памят-ники Москвы XV—XVII века. М., 1947, с. 51. — Благодарю П. А. Раппопорта за консультацию по данному вопросу. Относительно происхождения и распро-странения храма такого типа следует учесть и другие пока разнородные явле-ния. Например, по плану Спасская церковь Орешка совершенно совпала с цер-ковью Георгия (Юрьевской божицей) начала XV в., существовавшей на о-ве Трокий в Литве (Mikulionis S. Traku ikūrimo ir urbanistinės raidos klausimai. — In: Lietuvos TSR architektūros klausimai. Vilnius, 1977, vol. 5, p. 15. Fig. 4; близкий пример см.: Батюшков П. Н. Памятники старины в западных губерниях империи. СПб., 1868, вып. 1—4, с. 4).

менной русской церкви».¹⁴ Поскольку во времена Людвиг древняя кре-постная церковь была еще цела, обнаруженные развалины принадлежали какому-то второму храму, кстати находившемуся недалеко от первого. Если указанная Людвигом неизвестная постройка действительно явля-лась церковью, то ее разрушение, вероятно, связано с тем, что она попала в трассу строительства крепостных стен начала XVI в.

Церковь в 1500 г. по своему местоположению находилась внутри кре-пости 1352 г., что, возможно, также свидетельствует о ее связи с пред-шествующей новгородской постройкой. К моменту сооружения нового храма старое новгородское укрепление, как мы знаем, было сломано, а окружающее внутрикрепостное пространство значительно увеличилось. Новосозданная церковь, таким образом, открылась всему острову и воз-вышалась среди довольно обширной деревянной застройки, понятие о ко-торой дали археологические раскопки 1968—1970 гг.

Культурный слой островного Орешка, относящийся к московскому периоду, был обнаружен в центре крепостного двора в тех же раскопах (1, 1а, 1б и 5), что и описанный выше пласт новгородского времени. Он залегал на глубине от 0.4—0.6 до 1—1.4 м от дневной поверхности и со-держал части нескольких, едва сохранившихся деревянных жилых и хо-зяйственных построек. Существовали они одновременно и использовались, очевидно, одним или двумя поколениями людей. Нижняя дата «москов-ского» слоя близка времени постройки на острове новой крепости, верхняя вряд ли переходит середину XVI в. Обнаруженные жилища, судя по всему, были заброшены, что согласуется с фактом ухода рядового граж-данского населения с острова до 1568 г.

Постройки были распланированы по одной системе. Между домами на нескольких участках¹⁵ на глубине 0.75—1.4 м вскрыты части мосто-вой шириной 3.7 м. Существовало это дорожное сооружение, однако, дольше, чем прилегающие к нему дома. Общая длина вскрытых частей 15 м. Устройство настила всюду одинаково: поперечные плахи лежат на трех продольных.

Направление мостовой соответствовало улице, которая вела от Ворот-ной башни к цитадели. Трасса улицы прослежена длиной 55 м; она пере-секала внутриостровной канал, над которым, как упоминалось, был со-оружен каменный устой моста шириной 4 м. За время своего существова-ния мостовая подновлялась не менее четырех раз, так как состояла из четырех последовательно уложенных настилов. Среди бревен трех ниж-них настилов мостовой найдена керамика XVI в., а на верхнем покрытии обнаружена шведская монета (1 фирк) 1611—1632 гг., что позволяет при-мерно датировать рассматриваемое дорожное устройство 1500—1630 гг. Несомненно, что мостовая имела более четырех настилов, но верхние, от-носящиеся ко второй половине XVII в., не сохранились.

¹⁴ ЦГВИА, ф. 827, оп. 1, № 23, л. 22. — Не исключено также, что Н. Людвиг за развалины церкви принял остатки стены крепости 1352 г. На месте Монет-ного двора нашими раскопками обнаружены отдельные валуны развала этой стены, полностью уничтоженной при строительстве укреплений 1514—1525 гг.

¹⁵ Более подробно о расположении этой мостовой см. наши отчеты о раскопках Орешка за 1968—1970 гг. (Арх. ИА).

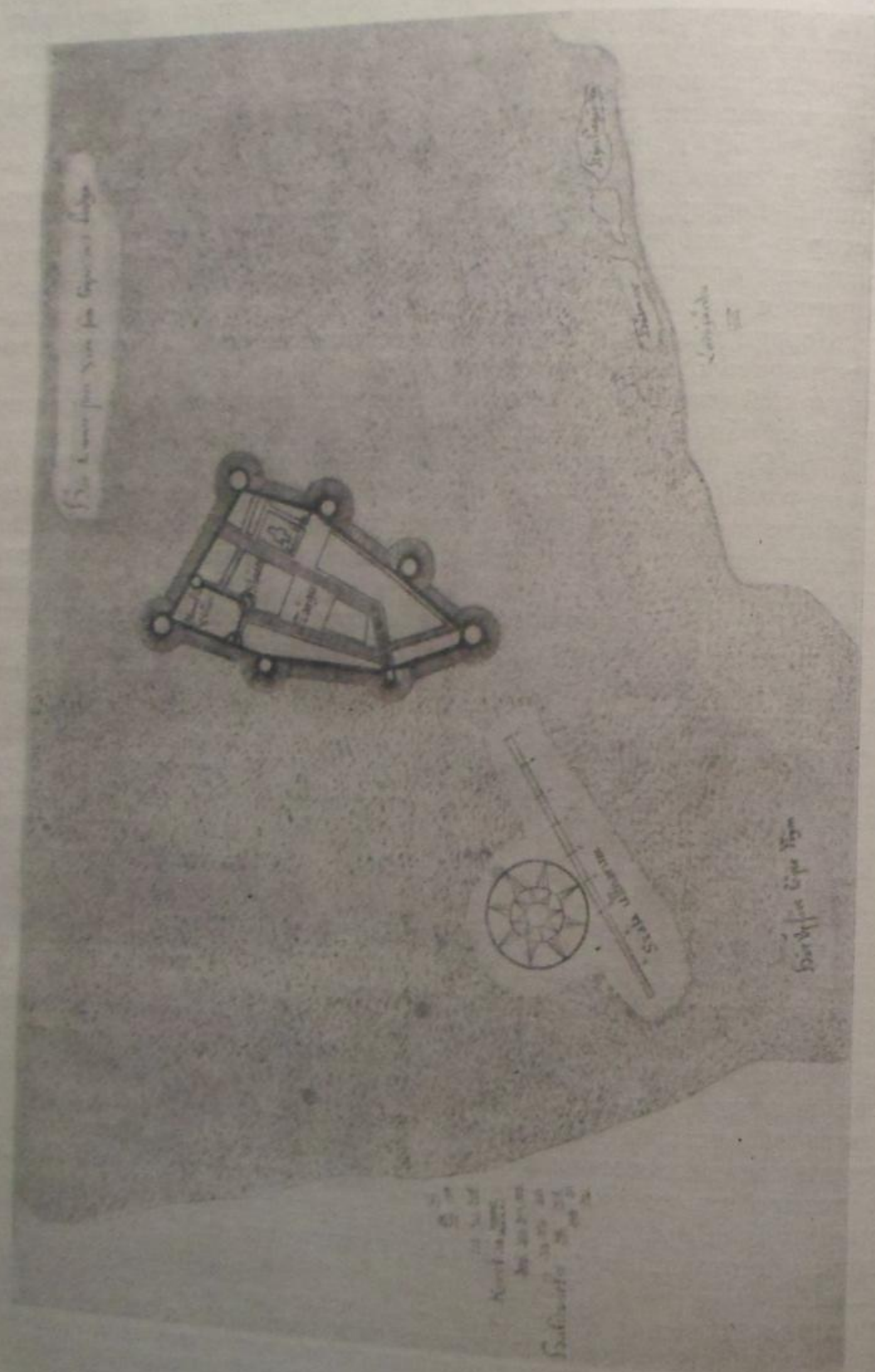

Рис. 27. Чертеж Нотебурга второй половины XVII в., Швеция. Королевский Военный архив.

Трасса настилов удивительным образом совпала с магистралью, показанной на одном плане второй половины XVII в., хранящемся в Военном архиве Стокгольма (рис. 27).¹⁶ Этот план, по нашему мнению, верно передает дошведское состояние Орешка и, возможно, скопирован с более раннего русского подлинника. Таким образом, шведы, оккупировавшие Орешек в XVII в., ходили по улицам, проложенным до них русскими. Следовательно, сопоставляя чертежи и археологические данные, можно воссоздать полную планировку северорусской средневековой крепости.

Улицы островного Орешка, судя по шведским планам, спланированы очень рационально. Три прямых луча расходились от Воротной башни. Одна вела к цитадели, другая — по длинной оси крепости в район церкви, третья — к Церковной (или Наугольной) башне. Улицы соединялись проулками, и, пользуясь ими, можно было быстро и прямо подойти к площади в центре острова и к лестницам, ведущим на стены. В целом планировка проходов была практичной, так как в случае тревоги и осады позволяла без задержки поднять стражу и переместить войска и технику в наиболее угрожаемое место. В планировке крепостного двора угадывается необходимость четкого военного и административного руководства и мобильного передвижения.

Нижнему настилу мостовой соответствовал горизонт упомянутых выше построек. Как ни плохо сохранилось дерево последних, удалось опознать окладные бревна нижних венцов и часть плах — настилов полов. Вдоль некоторых деревянных субструкций открыты каменные выкладки, видимо следы завалинок.

В одном месте раскопа была выявлена избыная клеть (длина наибольшей стенки 6,5 м) с развалом глинобитной печи в центре. В этом жилище обнаружены в общем случайно уцелевшие вещи, которые свидетельствуют о том, что оно было заброшено.¹⁷ Судя по тому что в развале печи дома найдены два стремени, а неподалеку две подковы, слиток товарного уклада, наконечник самострельного болта и одна орнаментированная пластинка от приклада или цевья ручницы, хозяин жилища пользовался конем (рис. 28, 1; 29, 6),¹⁸ был вооружен и имел запас высококачествен-

¹⁶ Kungl. Krigsarkivet. Sverige, stads-och fästningsplaner. Nöteborg, N 10 (cp. N 1, 3a, 5, 6).

¹⁷ Координаты жилища: раскоп 1, 1968 г., кв. 3—Е-10—14. При расчистке жилища найдены деталь врезного замка, ключ, пять ножей, кресало, обломок лезвия топора, четыре железные пряжки, медный игольник (?), костяной гребень, две железные оковки шестов, звено цепи, обломки и обрезки железа, глиняное пряслице, брус, две обувные подковы, сверло, пробой, обломок свинцовой пластинки, слиток товарного уклада, стеклянный вкладыш перстня, рыболовное каменное грузило, два стремени, две подковы, наконечник самострельного болта, орнаментированная костяная пластинка-вставка оружейного приклада (Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках древнего Орешка в 1968 г. — Арх. ИА).

¹⁸ Отметим, что костный материал, собранный на раскопах 1 и 1а, выявил наличие одной лошади, 19 коров, одной козы, четырех овец, 11 свиней, одной сойки. Анализировавшая костный материал Н. М. Ермолова полагает, что не все из указанных животных содержались на острове, а некоторые привозились туда в виде мясных туш. Возможности стойлового содержания и прокорма животных, во всяком случае в летнее время, на острове и в новгородский, и в московский периоды все же существовали.

Рис. 28. Находки первой половины XVI в.
1 — стремя; 2 — врган; 3 — детский кистень; 4 — слиток товарного уклада;
5 — боевой топор.

Рис. 29. Костяные изделия из слоя первой половины XVI в.
1—3 — рукояти ножей; 4 — гребень; 5, 6 — орнаментированные накладки.

ного металла. В целом перед нами, по-видимому, остатки одного из дворов среднего землевладельца-своеземца, которые, по сообщению писцовой книги 1500 г., существовали в крепости в конце XV—начале XVI в.

Обращает внимание резкое увеличение (примерно в 3 раза для сопоставимых площадей) находок из металла и кости в «московском» слое по сравнению с «новгородским». Большинство этих изделий обнаружено, так сказать, в разбросе, целостных комплексных наборов они не составляют, но все вместе характеризуют культуру островных горожан, перечисленных в писцовой книге 1500 г. Перед нами, таким образом, своеобразная археологическая иллюстрация крупнейшей землеописательной отчетности Московского государства.

Между полусгнившими деревянными конструкциями найдено множество изделий, свидетельствующих о развитом уровне городского ремесла. Таковы в первую очередь предметы домашнего обихода: врезные и навесные замки, кухонные и столовые ножи, костяные рукояти ножей, шарнирные ножницы, сечка, кресало, костяные гребни (рис. 29, 1—4), пряжки, ухват, янтарные и стеклянные бусы, перстни, игрушка-свистулька в виде всадника, плоские и шаровидные пряслица из кости и камня, булавки для спиц ручных прялок. Среди инструментов оказались стамески, сверла, пробой, зубила, шилья. К предметам рыболовного промысла относились рыболовные крючки, грузила, железная острога (рис. 11, 1, 4, 11). Оружие представлено топорами, наконечниками пик, стрел и самострельных

болтов, деталями ударно-кремневых замков, ядрами и ружейными пулями. О снаряжении коня можно судить по подковам, удилам и ледоходным шипам. Обычной находкой были обувные каблучные подковки.¹⁹

Состав находок XVI в. отличается от предшествовавшего ему тем, что уже не указывает на особую популярность рыболовного промысла. Однако это, вероятно, источниковедческая случайность, ибо вся рыболовецкая снасть, кроме металлической, в слое XVI в. не сохранилась.

Некоторые из найденных предметов редки и представляют значительный историко-технический интерес. Таковы упомянутые выше стремяна с килевидной и прямоугольной дужками (рис. 28, 1). До сих пор было известно о существовании таких стремян в XVII—XVIII вв. в Северной Европе, а с XVI—XVII вв. в России.²⁰ Имелись и более ранние образцы с неуточненной датой.²¹ Ореховские экземпляры определяют появление этих форм началом XVI в. Что касается подков, то они представлены двумя основными средневековыми типами с одним и двумя шипами. Дата первых XI—XVII вв., вторых XII—XV вв. Сосуществование обеих разновидностей в XVI в. — факт, таким образом, новый. Уникален детский бронзовый кистень: по форме он восходит к образцам XIII в. (рис. 28, 3).²² К редким можно отнести и карманный музыкальный инструмент — варган (рис. 28, 2).²³ Подобная «забава», найденная в Новгороде и Москве в слоях XVI в.,²⁴ имела общеевропейское распространение и в качестве этнографического пережитка дошла до наших дней.

Диковинкой оказалась найденная в упомянутом выше жилище клейменная болванка литого металла, несомненно уклада.²⁵ На торце отлиты цифры IV, т. е. 12. Вес болванки 5800 г. Если цифра 12 обозначает число фунтов, то фунт равен 480 г, иными словами, приравнивается торговому фунту, известному в позднесредневековой Руси. Судя по письменным источникам, слитки товарного металла в виде «веретенного уклада», «малых горшочков», «однодонков» вывозили из старинных центров железоделательной промышленности вроде Устюжны-Железнопольской.²⁶ Слиток из Орехова отлит в мерной «горшечной» конической форме и одновременно получил «весовое» клеймо (рис. 24, 4).

Один из найденных топоров, с трапециевидным лезвием, является боевым: он украшен круглыми вдавлениями (рис. 28, 5). До сих пор была известна аналогичная орнаментация на новгородских топорах XIV—XV вв., а образцы, по форме напоминающие ореховский, датировались XVII в.

¹⁹ Более подробно см.: Кирпичников А. Н. Отчеты о раскопках древнего Орешка в 1968, 1969 и 1970 гг. — Арх. ИА.
²⁰ Аналогичные стремяна имеются в собрании Оружейной палаты Московского Кремля.
²¹ ГИМ, зр. 14601 (из погребения на территории Литвы).
²² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966, вып. 2, табл. XXXIII, 9, 10.
²³ У ореховского варгана утрачен стальной язычок.
²⁴ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65, с. 117, рис. 103; ср.: *Archaeologica Lundensia*, Lund, 1968, t. 3, p. 252 sq.

²⁵ Мисель о принадлежности болванки слитку товарного металла подсказана И. Г. Снасским.
²⁶ Кафенгауз Б. Б. География внутренней торговли и экономическая специализация районов России в 20-х годах XVIII века. — *Вопр. геогр.*, 1950, № 20, с. 181.

Рис. 30. Горшки из слоя первой половины XVI в.

Следовательно, топор из Орешка выявил объединение далеких по времени черт, присущих изготовлению рубящего оружия.

Обращают внимание две костяные пластинки — принадлежности ручного огнестрельного оружия (рис. 29, 5, 6). Они украшены живописным растительным орнаментом, восходящим к домонгольской Руси. Пластинки — несомненно плод местного народного мастерства и показатель того, что отделка ручного огнестрельного оружия началась в первой половине XVI в., т. е. примерно на столетие раньше, чем об этом сообщают отечественные источники.

Такие изделия «московского» Орешка, как замки (типа Е, по Б. А. Колчину), прямоугольное по очертаниям кресало, прямоугольные

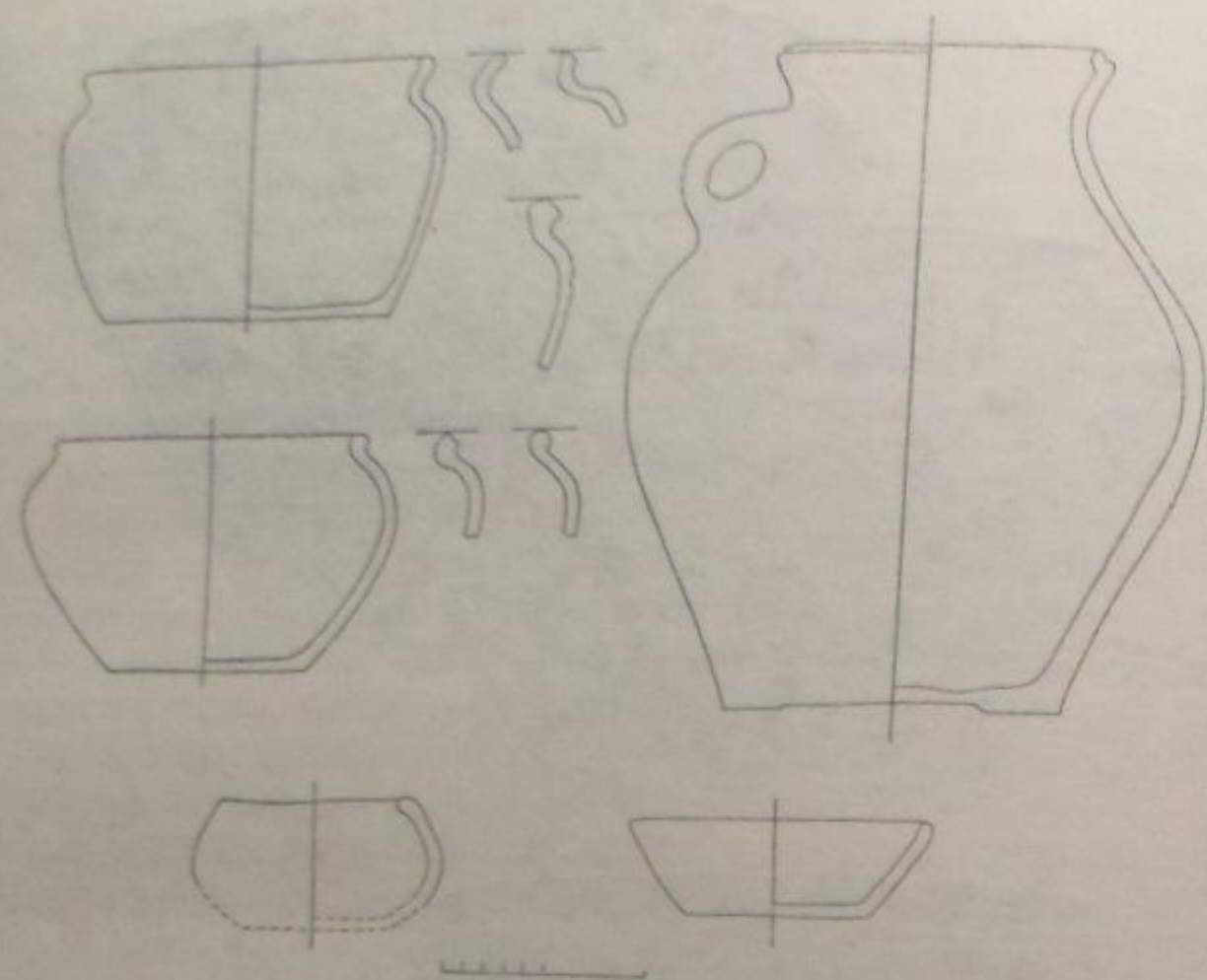

Рис. 31. Керамика Орешка XVI в. Основные формы.

железные пряжки, булавки для спиц ручных прялок, широко датированные в новгородских находках XII—XVI вв.,²⁷ получают в нашем случае значительно более узкую «верхнюю» дату: в пределах конца XV—первой половины XVI в. Иными словами, находки из Орешка дают представление о типах ремесленной продукции XVI в., т. е. того периода, который еще плохо изучен, в том числе и в Новгороде. Надеемся, что значение новонайденных предметов в будущем, когда появится больше сравнительного археологического материала, возрастет.

В слое «московского» Орешка собрано не менее 3000 фрагментов глиняной посуды (удалось восстановить 10 горшков и кувшинов; рис. 30). Московское время принесло городу значительное обновление гончарного производства. Решительно и быстро существовавшие формы вытеснялись новыми. По сравнению с новгородским периодом заметно увеличиваются единообразие и стандартизация выделки кухонной посуды. И происходит это одновременно с улучшением качества ее производства. Более однородным становится тесто, исчезает примесь дресвы, появляются белоглиняные образцы и более крупные, чем раньше, сосуды (диаметр тулова 20—32 см). В 4 раза по сравнению с новгородским временем снижается количество украшенной посуды (7% всей посуды).

1500 собранных венчиков позволили судить о формах керамики, и прежде всего горшков. Часть последних (8% из всех типологически определенных горшков) сохранила старые формы, восходящие еще к XII—XIII вв. Имеются в виду горшки с плавно отогнутым венчиком и

внутренним валиком. К такому архаическому типу примыкают сосуды (15%) с венчиками, представляющими в профиле ряд близких модификаций. Горшки всех этих форм бытовали в Орешке в XV в. Разрыв с предшествующей традицией демонстрируют преобладающие в XVI в. сосуды (77%) с небольшим валиковым отворотом горла (рис. 31). Хорошо заметно, что у них вовсе исчез прежний венчик с плавной профилировкой и выраженной вытянутой шейкой. Среди новых образцов, впрочем еще в какой-то мере традиционных по грубоватому черному или серому с примесью песка и слюды тесту, встретились ранее почти отсутствовавшие и более качественные белоглиняные сосуды с тонко отмученным, без примесей, однородного обжига тестом и иногда с поливой.

В ассортименте посуды XVI в. по сравнению с более ранним временем возрастает доля кувшинов, мисок, кубышек и корчаг (рис. 31).²⁸ Среди первых преобладают относительно крупные (высота до 30 см, диаметр тулова до 26 см) белоглиняные сосуды с ушковидной ручкой и относительно широким по диаметру (14—16 см) горлом. Что касается мисок, то они, как и в предшествующий период, разделяются на открытые воронковидные и с краем, загнутым внутрь. Новые формы ореховской посуды XVI в., такие как сосуды с «исчезающим» венчиком и белоглиняные кувшины, находят аналогии в средневековой московской керамике. Однако они, видимо, местного изготовления. Типичные для московского гончарства чернолощенные и красноглиняные образцы²⁹ в местном материале, как правило, отсутствуют.

В целом при выработке посуды московского времени успешно преодолевались архаические черты. И связано это скорее всего не с притоком новых мастеров, а с прогрессом местного ремесла.

Итак, путем сопоставления письменных и археологических источников можно, пусть в отрывочных чертах, представить «гражданский» Орешек московской поры. При всей неполноте исходного материала видно, что город в истоке Невы отличался благоустройством, плановой застройкой, развитым городским бытом, размахом торговли и промыслов.

²⁸ Для количественных соотношений посуды отметим, что венчиков горшков найдено 1557, кувшинов — 64, мисок — 37, корчаг — восемь (подсчеты выполнены В. И. Кильдюшевским).

²⁹ Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XVII—XVIII вв. М., 1968.

²⁷ Ср.: Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло..., с. 84, сл.

ПОД ВЛАСТЬЮ ШВЕДСКОЙ КОРОНЫ

Воевода Орешка Михаил Глебович Салтыков в 1607 г. получил письмо шведского короля Карла IX, в котором последний в случае измены обещал наградить его так щедро, что «будут благодарить шведского короля и он, и его дети, и дети его детей». Год спустя король вновь обращался к воеводе и, намекая на тяжелое положение Москвы, с иронией спрашивал: «Кто не знает, что Россия... своей силой страшна не одной Польше, а всему свету, и что же?». Ничего не добившись дипломатическими диверсиями, враги прибегли к силе. В ноябре 1610 г. Карл IX предписывал войскам «попытать счастье у Нотебурга».¹

К концу 1611 г. шведы под предлогом «помощи» России захватили большую часть Ижорской земли с крепостями Корелой, Ямой, Ивангородом. В Новгороде стоял наемный иноземный корпус под командованием Якова Делагарди — сына Понтуса Делагарди, известного русским по Ливонской войне. Единственным городом Новгородской земли после Корелы, оказавшим серьезное сопротивление захватчикам, явился Орешек.

23 февраля 1611 г. Я. Делагарди пытался овладеть городом и для этого установил батарею на Монашеском острове. В последующей борьбе много шведов было перебито и потоплено в прорубях, и трупы их «лучших людей» увезены в Выборг на 10 возах. Во время штурма шведы придвинули к воротам тараны, которыми были разбиты двое ворот. «Но поскольку осажденные опустили крепкую железную решетку, то он (Делагарди. — А. К.), на сей раз не кончивши дела, должен был отступить с малою потерей народа».² Подробности этого случая приводит Иоганн Видекинд — автор «Истории шведско-московской войны», написанной по документальным данным. Он сообщает, что наступающие, «подведя петарды, взрывают двое передних ворот, но там тотчас опускаются третьи,

¹ Ферстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1814, с. 76 сл.; Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950, с. 46 сл.

² Шаум М. История достопамятных происшествий, случившихся со Лжедмитрием, и о взятии шведами Великого Новгорода. — В кн.: Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К. М. Оболенским. М., 1847, т. 1, с. 49. — Под таранами, очевидно, разумелись петарды.

железные, которые не поддаются действию петард и не дают доступа осаждающим. Поэтому шведы вынуждены отступить, потеряв 20 человек убитыми и нескольких ранеными».³

Из приведенных описаний можно установить, что главный удар штурмующих был направлен на Воротную башню, наружный вход в которую действительно прикрывали поднятый мост, ворота и, наконец, опускаемая решетка. Здесь можно отметить интересный тактический прием опускания герсы лишь после того, как противник взрывал или разбивал наружные, деревянные ворота башни. При этом наступающие попадали под прямой обстрел скрытых решеткой защитников крепости.⁴

После захвата Ладоги в конце сентября 1611 г. шведы подтянули значительные силы и блокировали подступы к Орешку. На этот раз захватчики следовали истине, открытой еще в XVI в., что ореховскую твердыню можно взять не штурмом, а голодной блокадой.

Новый командующий осадой, будущий фельдмаршал Эверт Горн, после 30 ноября предложил осажденным «хорошие условия» капитуляции. Орешек должен был подчиниться королевскому наместнику и принять шведский гарнизон. Бояре даже готовы были сдать крепость, но стрельцы, подстрекаемые, как пишет И. Видекинд, некоторыми мятежными вожакими, наотрез отказались оставить занимаемый ими остров. Более того, ореховцы, пользуясь потайной гаванью, почти каждый день на ладьях и лодках делали вылазки и нападали на шведов. Однако к апрелю 1612 г. из-за нехватки продовольствия положение стало критическим. «И город из-за страшных болезней и голода дошел уже до такой крайности, что из 1300 защитников осталось едва ли больше сотни».⁵ Поэтому было выбрано 50 человек из важнейших бояр, горожан и стрельцов с поручением идти в Новгород и просить Якова (Делагарди. — А. К.), чтобы он позволил обойтись с ними помягче; они, мол, готовы передать город в его руки, лишь бы он не вводил туда шведского гарнизона».⁶ Русские предложения были отвергнуты, и 12 мая крепость капитулировала. Новый гарнизон первоначально насчитывал около 200 человек, и в него, «согласно королевскому указанию, по возможности не включены русские».⁷ На деле это обозначало полное изгнание местного населения из крепости.

Героическая многомесячная оборона Орешка явилась ярким подвигом народа в борьбе с иноземными захватчиками в начале XVII в. Город сопротивлялся дольше других, взятых шведами городов Ижорской земли (Ямы, Копорья, Ивангорода, Гдова, Ладоги, Корелы). Его оборона снова

³ Widekind J. Historia belli sveco-moscovitici. Stockholm, 1672. — Нами использовался русский перевод этого сочинения (Видекинд И. История шведско-московской войны. — Арх. ЛОИИ, ф. 271, оп. 1, № 140, ч. 1, л. 157). И. Видекинд относит штурм к 1611 г.

⁴ Во время реставрационных расчисток 1969 г. в одном уцелевшем своде ворот открылся квадратный люк, служивший, вероятно, для поражения находящегося внизу, в проходе, неприятеля.

⁵ Согласно П. Петрею, в живых осталось 25 защитников, а по А. Олеарию, их было только два.

⁶ Видекинд И. История..., л. 248.

⁷ Там же, л. 281а.

выявила блестящие военные качества и непреодолимость оборонительных сооружений, уже просуществовавших к тому времени более ста лет. Потеря Орешка (что было в 1617 г. закреплено Столбовским договором) нанесла тяжелый удар торговым и территориальным интересам России. «Русские совершенно отрезаны от Балтийского моря», — заявил шведский король Густав Адольф. «Если бы русским, — добавил он, — удалось преодолеть Ладожское озеро, то впереди ожидали бы их еще две крепости: Нотебург и Кексгольм».⁸ Москва неоднократно предпринимала дипломатические попытки вернуть Орешек, но они не дали результата. 90 лет шведы владели исконной русской твердыней.⁹

Что стало с завоеванным городом? В отечественной литературе на этот вопрос, к сожалению, не дано ответа.

Имеются сведения, что в 1617 г. уцелевшие горожане Орешка, воспользовавшись условиями Столбовского мира, заключенного между враждующими государствами, частично переселились в Россию.¹⁰ Теперь удалось установить, что оставшиеся жители города составляли примерно 25% численности, зарегистрированной в середине XVI в. По сведениям Ингерманландских поземельных книг, находящихся в Национальном архиве Финляндии, в 1639 г. на посаде Нотебурга проживал 31 русский дворовладелец. В 1645 г. их было 28, а в 1651 г. наряду с 22 русскими дворовладельцами отмечено семь со шведскими или немецкими именами.¹¹ Началось «национальное размывание» русского населения города, происходившее одновременно с оскудением его экономики. Если в 1639 г. посадские люди захваченного Орешка платили шведской казне 130 далеров, то в 1645 г. только 70.

Что касается крепости, то ее состояние весной 1612 г., когда туда вошли шведы, описано П. Петреем, несколько лет путешествовавшим по России и изучавшим в военных целях ее города, крепости, реки и границы. Петрей подчеркнул мощь крепости, описал ее устройство и способы захвата.¹² Эти и другие описания XVII в., а также архитектурно-археологические исследования последних лет не оставляют сомнений в том, что шведы, получив готовую русскую постройку, существенным

⁸ Форстен Г. В. Балтийский вопрос..., с. 149. — Новозахваченный Нотебург, а также Ладогу шведы пытались превратить в военно-морские базы (Арсеньев-любителей древностей. Новгород, 1911, вып. 5, с. 45 сл.).

⁹ Значение завоеванной крепости видно из того, что в 1616 году ее осмотрел король Густав Адольф (Видекинд И. История..., л. 130).

¹⁰ Soom A. De ingermanländska städerna och freden i Stolbova 1617. — *Svio-Estonica*, 1936, p. 38, 44. — Попытки шведского правительства нормализовать жизнь захваченных городов Ижорской земли практически ни к чему не привели.

¹¹ Шаскольский И. П. Материалы по истории Ижорской земли и Корельского уезда XVII в. в Государственном архиве Финляндии. — *Вспом. ист. дисц.*, Л., 1960, т. 11, с. 124; см. также: Писцовые книги Ижорской земли. СПб., 1862, т. 1, отд. 2.

¹² Петрей де Эрлезунда П. История о великом княжестве Московском. — Чтения в О-ве ист. и древн. российск., 1894, № 4, с. 51—52. — Труд П. Петрея на шведском языке издан в 1614—1615 гг., на немецком — в 1622 г. При написании данной работы были использованы новые переводы и сопоставлены разночтения шведского и немецкого изданий.

образом в ней ничего не изменили. Более того, бремя ее содержания в боеспособном виде временами для них оказывалось почти непосильным. «Шведский вклад» выразился не в капитальном каменном строительстве, а в текущих ремонтах, возведении деревянных построек. В сущности русская крепость XVI в. не претерпела заметных изменений. Раскопки показали отсутствие культурного слоя времени шведского владычества; с пришельцами связываются отдельные вещи: монеты, курительные трубки, остатки солдатской обуви.

Практически фортификационные работы в Нотебурге начались в 1619 г. По приказу короля туда были направлены 12 пар рабочих быков и специальный мастер-каменщик.¹³ Работы тех лет не коснулись огневой защиты крепости, ибо в 1634 г., как упоминалось, А. Олеарий считал бойницы Нотебурга (несомненно в сравнении с распространенной в то время на западе Европы бастионной системой) неудобными.¹⁴ К 1641 г. Нотебург, по свидетельству шведского военного инженера Трайяна Беккера, находился в «хорошем состоянии». Стены и башни были частично подновлены, частично отремонтированы. В последующие два года перед Корельской башней было возведено защитное сооружение против льда.

В 1630 г. нотебургский гарнизон насчитывал около 150 человек и в этом отношении превосходил охранные контингенты Ямы и Копорья, но уступал таковым в Нарве и Ивангороде. В крепости кроме военных обосновались и оккупационные гражданские власти, ведавшие Нотебургским леном (уездом). В их числе были наместник, управляющий замком, пасторы, писцы, переводчик, надсмотрщик за ловлей рыбы, восемь стрелков и др.¹⁵ Административно Нотебург подчинялся губернатору в Нарве. В быте Нотебурга первой половины XVII в. запечатлены типичные черты провинциальной шведской крепости. Дни запоминались приездами военных и чиновников, в Стокгольм педаантично посылались ведомости ремонтных расходов, появление на острове одного немецкого каменщика и одного кузнеца казалось событием, о транспортировке в 1627 г. 100 кирок, 100 лопат и 40 оправ к ним было немедленно сообщено правительству.

В 1611 г. в устье Невы шведы возводят Ниеншанц, «чтобы можно было, — как выразился Карл IX, — защищать всю Неву под эгидой шведской короны».¹⁶

Оба города, несмотря на временами неприязненные отношения двух соседящих государств, превратились в важные торгово-транзитные порты, через которые шли из Руси на запад и север Европы лен, пенька, кожа, меха, холст, зерно, смола, ткани, некоторые готовые изделия, продукты

¹³ Сведения о работах в Нотебурге см.: Munthe L. 1) *Kongl. fortifikationens historia*. Stockholm, 1902, t. 1, p. 274 sq.; 1906, t. 2, p. 24 sq.; 1907, t. 3A, p. 36 sq.; 1909, t. 3B, p. 23 sq. — В основном они повторены: Blees J. *Fästningen Nöteborg under svenskt välde*. — *Norrlands Försvar*, 1937, p. 86 sq.

¹⁴ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906, с. 13.

¹⁵ Öhlander C. *Bidrag till kännedom om ingermanlands historia och förvaltning*. Uppsala, 1898, p. 55, 71, 161.

¹⁶ Blees J. *Fästningen Nyenskans och Nyen*. — *Norrlands Försvar*, 1938, p. 74.

и многие другие товары. По Неве ежегодно проходили десятки груженых судов.¹⁷ Шведское правительство, наживавшее на транзите товаров большие пошлины и контролировавшее русский экспорт, ценно держалось завоеванных владений.

В июне—ноябре 1656 г. Нотебург был осажден войсками под командованием воеводы Петра Потемкина. В это же время правительство Алексея Михайловича выговаривало у шведов «в нашу сторону Орешек или другую пристань на Неве или при море».¹⁸ Однако ни дипломатия, ни русские орудия, громившие шведов с Монашеского острова, не принесли успехов. Осажденные в Нотебурге шведы стойко оборонялись, а комендант крепости майор Франс Граве на предложение о сдаче ответил: «Яблоко и грушу легче раскусить, чем такой орех».¹⁹ Конец шведского владычества на Неве еще не наступил.

Во второй половине XVII в. в военных планах Швеции Нотебургу уделялось все возрастающее внимание. Именно от этого периода сохранились наиболее ценные «оккупационные» документы: планы и описания.²⁰

Проекты усиления Нотебурга следуют один за другим. Крепость инспектируют видные военные и инженеры, в том числе выдающийся шведский военный деятель, инженер и фортификатор Э. Дальберг, с 1674 г. назначенный генерал-квартирмейстером и укреплявший Ригу, Нарву и города Ингерманландии. Последний не раз предостерегающе торопил правительство с оборонными работами. В 1695 г. он писал королю, что русские в своем движении к Балтике «не встретят ничего, кроме Нотебурга, который благодаря своему расположению в прошлом

¹⁷ Рухманова Э. Д. Русско-шведская торговля по невискому пути в XVII в. и город Канцы (XVII в.). — В кн.: Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1976, с. 46 сл.

¹⁸ Городские поселения в Российской империи. СПб., 1864, т. 7, с. 550. — Шведы запрещали русским «купечествовать» в Орешке (Дмитриев Л. Ю. Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского. — В кн.: Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960, с. 340).

¹⁹ Головинский М. В., Ядрышев Н. К. История финского народа. СПб., 1901, с. 195.

²⁰ При написании настоящей работы использованы 13 негативов, планов и изображений 1659—1702 гг. и три описания крепости, любезно присланные из Королевского Военного архива в Стокгольме. Со всех поступивших документов С. Г. Халиповым сделаны переводы. Приводим перечень планов, как они даны в описи Военного архива: 1 — «Геометрический план крепости Нотебург с ситуацией его места»; 2 — «1659 года 6 мая изображена эта крепость Нотебург»; 3а, 3б — «Нотебург в октябре 1681 года» (прилагается к донесению полковника Дальберга от 10 декабря); 4 — «Донесение о крепости Нотебург, а также о том, что недавно пришло в упадок» (1680 г.); 5 — «Геометрический план крепости Нотебург 1697 года» (два экземпляра); 6 — «Нотебург» (1697 г.); 7 — «Аннотация изменений квартир в Нотебурге» (1696 г.); 8 — «Полевая карта, или топографический план, расположения Нотебурга 26 июля 1699 года»; 9 — «Крепость Нотебург»; 10 — «Чертеж Нотебурга» (копия Кверинштедта). Фонд того же архива, собрание «Шведские войны», 11:9 — изображение Нотебурга в 1702 г., рисунок Г. В. Шлиппенбаха. К этим листам примыкают два, по-видимому, трофейных шведских плана примерно 1700—1702 гг., хранящихся в ЦГВИА (ф. 349, оп. 44, № 97, 98): «Карта Нотебургской крепости, какой она была, прежде чем она была сдана врагу», «План Нотебурга с перечнем квартир».

был непобедимой крепостью, но вряд ли он сумеет теперь выдержать атаки, как в старые времена, так как крепость тесна, ее старые башни и стены обветшали». Если русские «захотят покорить Нотебург, Ниеншанц в его теперешнем состоянии вряд ли сможет сопротивляться более 24 часов».²¹ И тогда русские получат в свое владение один из лучших портов на Балтийском море и вскоре построят флот. Предсказания Дальберга оказались пророческими и скоро подтвердились.

В связи с усовершенствованием артиллерии и распространением бастионной системы крепость Нотебурга стала казаться шведским военным «устаревшей» и даже «с самого начала плохо сложенной». Как явствует из плана 1659 г., предполагалось обнести крепость ба-

стионами и частично усилить стены и башни.²² Этот проект родился, очевидно, под влиянием осады 1656 г., но реально к 1680 г. были, по-видимому, утолщены Церковная и Погребная башни и стена между ними (рис. 32).²³ Данный участок был, кстати сказать, всегда очень опасным, и на него неоднократно обрушивался огонь батарей с наиболее близкого, Монашеского (или Церковного) острова. Старая прикладка из валунов, неоднократно в дальнейшем подновлявшаяся, сохранилась и поныне.

Фортификационные работы в Нотебурге, однако, шли медленно. Пока исправлялась одна часть крепости, другая разрушалась. Наглядно это положение иллюстрируется планом 1680 г., имеющим надпись «До-

²¹ Blee J. Fästningen Nöteborg... p. 89.

²² Kungl. Krigsarkivet. Sverige, stads-och fästningsplaner. Nöteborg, N 2 (далее указываем только архивный номер плана).

²³ Утолщение этого участка крепости могло быть предпринято и русскими, о чем свидетельствует цитированная выше записка хрониста Э. Тереля (Tegel E. J. Her Gustaffs, Fordom Sveriges, Gothes och Wendes Konungs etc., Historia. Stockholm, 1622, pt 2, p. 318) о трехсаженной толщине стен ореховского замка в том месте, где проходил штурм. По современным измерениям, толщина стены вместе с прикладкой между Погребной (Подвальной, Келларской) и Церковной башнями составляет 6,5 м, т. е. соответствует 3 саженим. Шведские планы фиксируют утолщение стены и башни, но точными сведениями о том, что эту работу провели именно шведы до 1680 г., мы не располагаем.

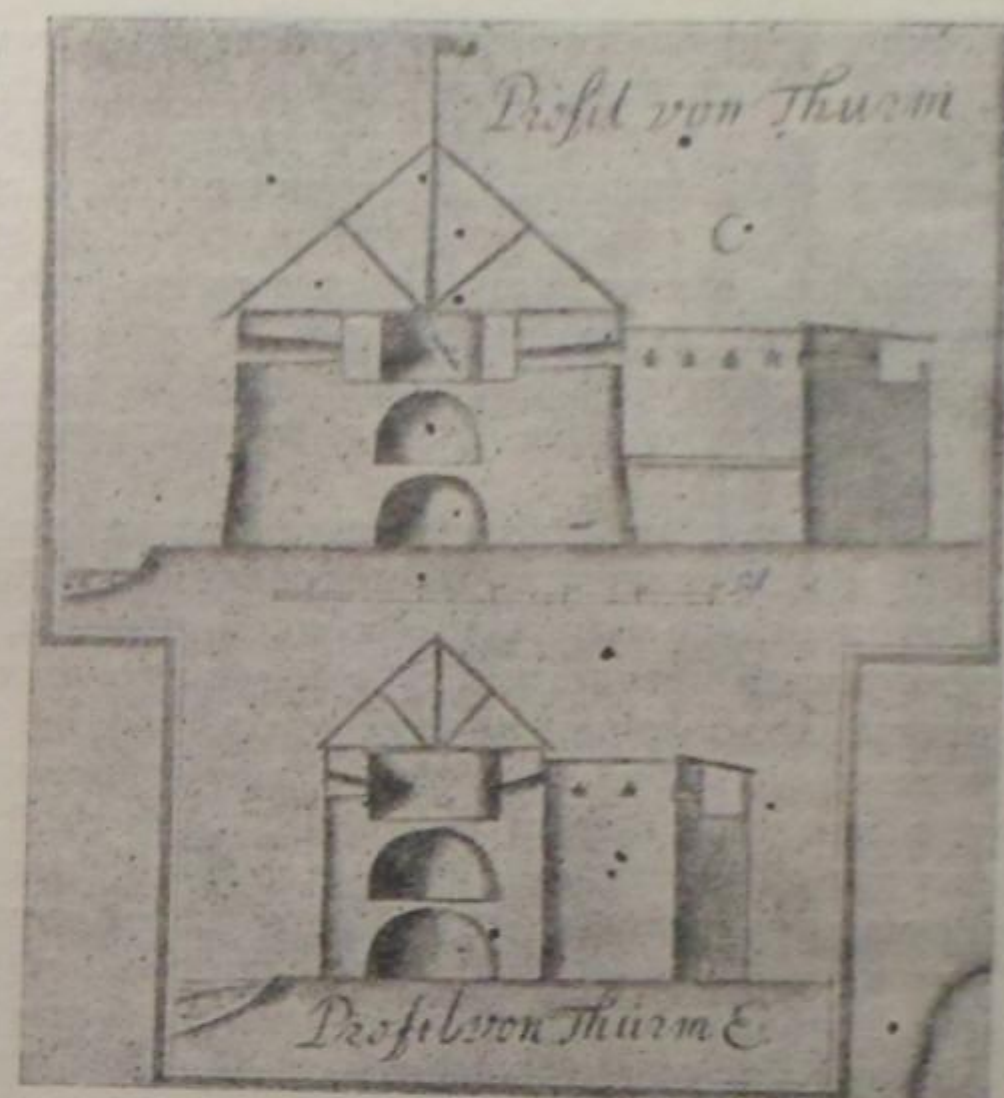

Рис. 32. Профили Наугольной (Церковной) и Флажной (Корельской) башен. Фрагмент чертежа Нотебурга 1680 г. Швеция. Королевский Военный архив.

Приведем ценные выдержки из отчета Э. Дальберга от 18 декабря 1681 г., присланного в светоконии из Королевского Военного архива. В этом отчете выражено, с одной стороны, восхищение устройством древнерусской крепости, с другой — в мрачных тонах описывается ее сохранность, оставлявшая желать лучшего: «Это отличное место и ключ к Ладожскому озеру... запущено и заброшено. Большие и высокие стены... так как они стояли без кровли, по всей протяженности потрескались внутри и отделились одна от другой, так что они стоят под наклоном. Красивые, великолепные, сводчатые, мощные башни также частично сверху до самой земли так потрескались и полопались, что теперь это представляет большой ущерб. Но особенно одна из самых главных башен, Черная башня, потрескалась в различных местах сверху до самого фундамента, и ее своды настолько потрескались и осели, что ее нельзя спасти иначе, как разрушив всю башню и построив ее заново. Легко представить себе — ценой какого риска, так как тем самым придется открыть крепость, затратить издержки и труд. Кроме того, стена между Погребной и Церковной башнями (утолщенная. — А. К.), поскольку она не соединена хорошо, около 60 локтей²⁵ в длину и один шириной, разделилась так, что внешняя часть стены грозит упасть в реку, а внутренняя часть может упасть внутрь крепости, поэтому ее следует подпереть. Стена между Кокке (Корельской. — А. К.) и Черной башней, и Наместничей башней, будучи наполовину разрушенной, точно так же как и стена у Известняковой и Церковной башен, совершенно лишилась кровли из-за бури этой весной, и теперь своды стоят под открытым небом. Крестовая башня и вышка, где сейчас хранятся порох и боеприпасы,²⁶ наполовину треснула и очень ветха. Известняковая башня совершенно обветшала и не является пригодной». Далее Дальберг описало к разгадке водных устройств «ореховской Венеции».

¹⁴ Nöteborg, N 4.
²⁵ Illness.

2 Имется в виду, очевидно, 59.38 см .

* Имеется в виду, очевидно, светлица, примыкавшая к башне со стороны цита-

Рис. 23. «Нотебург в октябре 1681 года. Прилагается к донесению полковника Э. Дальберга от 10 декабря». Швеция. Королевский Военный архив. Перевод надписей в последовательности сверху вниз и слева направо: «р. Невы; башни Кауке (Корельская. — А. К.), Пасторская, Церковная, Пороховая, Известняковая, Крестовая, Черная, Высокая (Фогта?) замок, Ладожское озеро».

A — евангелическая церковь, выстроенная из дерева, очень ненадежная в случае пожара; *B* — русская церковь, выстроенная из камня; *C* — ров замка с каменной обложкой, теперь заполнен навозом и нечистотами; *D* — арка, через которую москвиты вводят свои лошади для вывоза их во рие замка; *E* — обложившийся во времена шведов каменный канал, так же во времена шведов заполненный нечистотами; *F* — большой холм, образовавшийся во времена шведов, который следует убрать и обеспечить безопасный вход через равнину *G*; *H* — дом коменданта, а также все прочие, построенные из дерева. (Ломаная линия обозначает ветхую мостовую крепости).

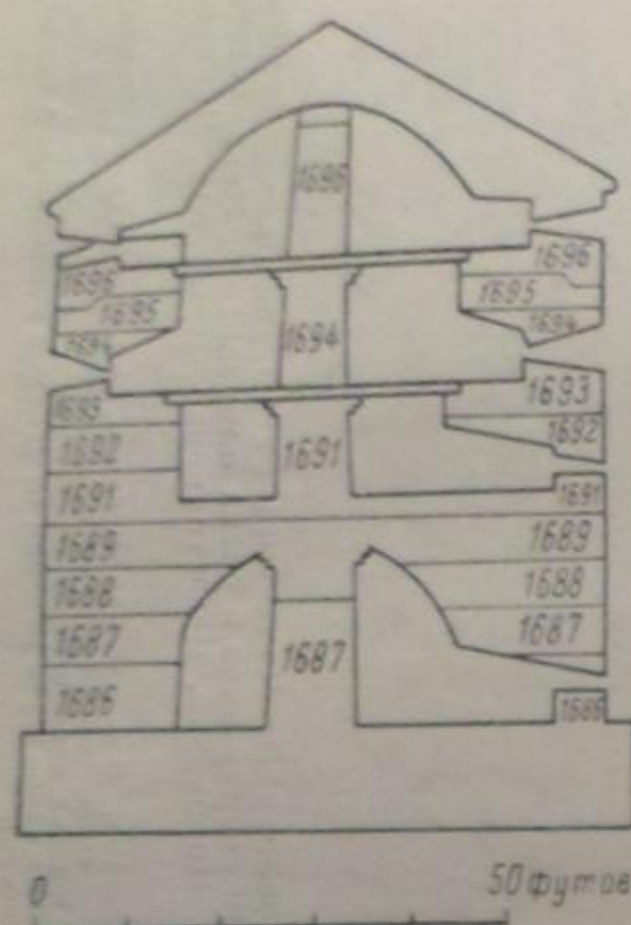

Рис. 34. Профиль Черной башни (годы — этапы строительства). Фрагмент чертежа Нотебурга 1697 г. Швеция. Королевский Военный архив.

жет быть плацдарм и где он может разместиться поблизости от ворот и входа с какой-нибудь сотней людей. По моему убеждению, следует совершенно снести эту гору земли, чтобы у врага не могло быть плацдарма, и снабдить ворота и вход мощным и добротным рavelином и обложенным изнутри рвом». ²⁷ Далее Дальберг предлагал снести удобный для наступающих Церковный остров.

Запущенность крепости и низкая санитарная культура ее обитателей — таковы особенности, бросившиеся в глаза шведскому фортификатору. Пред-

ложения Э. Дальберга о починке стен и восстановлении внутренних водных устройств лишь возвращали крепости то, что существовало и действовало в XVI в.

Замечания Э. Дальберга определили основные работы в Нотебурге вплоть до изгнания из него шведов. Были починены некоторые ветхие места стен (в частности, прясло между Церковной и Погребной башнями), очищен ров цитадели, укреплен подход к воротам, очевидно, удалена предательская гора нечистот, замурованы отдельные бойницы и внутристенные проходы, построены какие-то подвальные помещения. Начали возводить земляную куртину перед Церковной и Погребной башнями, а на обоих берегах Невы было положено начало дополнительным «коммуникационным» укреплениям. ²⁸

В 1686—1697 гг. заново переложили Черную башню (рис. 34). Ее вывели в четыре этажа и перекрыли мощным верхним сводом. По центру башенного ствола был пропущен сквозной подпорный столб. ²⁹ Черная башня оказалась единственным капитальным сооружением шведского Нотебурга. Этот факт стал известен русским, причем медлительность постройки породила версию о ее незаконченности. «В том городе, — писал современник, — шведы строили велми изрядную и великую башню каменную лет с 10, а не свершиша». ³⁰ Черной башне некоторым образом повезло. В 1950 г. из всех крепостных сооружений острова именно она была реставрирована первой. Строители тогда не подозревали, что

²⁸ Dahlberg E. Relation om fästningarna i Karelén och Ingermanland den 18 december 1681. — Kungl. Krigsarkivet. Sverige. Försvars och befästningsplaner, N 7:1. — Описание соответствуют планы Nöteborg, N 3a, 3b.

²⁹ Munthe L. W. Kongl. fortifikationens..., t. 3B, p. 222, 227, 232.

³⁰ Nöteborg, N 5, план 1697 г.

³¹ Холмогорский А. Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701 году. — Журн. М-ва внутр. дел, 1839, № 8, ч. 29, с. 266.

трудятся над единственным, уцелевшим на острове сооружением шведского периода и поэтому придали ему некие, с их точки зрения, древнерусские формы. ³¹

К исходу века ремонтная программа, предложенная Э. Дальбергом, была выполнена только отчасти. И сам ее автор, сетуя на ветхость стен, писал в 1697 г., что «средства и прочий реквизит не позволили, чтобы все можно было довести до совершенства за это короткое мирное время с 1681 г.». ³² Расходы на укрепление и вооружение Нотебурга начали расти, когда история отсчитывала последние годы его иноземной оккупации. По этому поводу один шведский историк писал: «Если бы государство имело средства на перестройку крепостей Нотебурга и Ниеншанца от самого основания и могло бы закончить ее к началу войны 1700 года или ко времени атак и если бы государство вело более умную политику после Нарвы, положение Швеции как военной державы не так быстро бы пошатнулось и пошло к своему концу». ³³ Не будем, однако, преувеличивать слабость шведского Орешка. Мощь крепости, заложенная ее московскими строителями, и на пороге нового времени оставалась достаточно высокой (рис. 35).

Внутри крепость была почти сплошь застроена деревянными домами. В 1681 г. Э. Дальберг констатировал, что каждый кнехт в Нотебурге имеет свой отдельный дом с пристройкой. Расположение построек, которых насчитывалось не менее 50, отмечено на планах 1696—1702 гг. ³⁴ При этом тщательно обозначены дома коменданта, артиллерийских и пехотных офицеров, казначея, каменщика, фельдшера, артиллерийского мастера и пастора (у некоторых из этих домов были приусадебные участки); из общественных зданий — церковь, школа, пакгауз, кордегардия, артиллерийская кузница (располагалась на берегу внутрикрепостного канала), лавки, артиллерийский и складской дворы. В цитадели находились запасы и провиантские магазины. Преимущественно в районе церкви группировались солдатские дома. Солдатам же предназначались до десятка старых и новых бараков в других местах острова. В экспликации к плану 1696 г. отмечено, что в шести бараках жили шесть капралов, три барабанщика и 938 рядовых и слуг. ³⁵ Последняя цифра значительна, в особенности если учесть, что другие источники не называют численность гарнизона, превышающую 200—250 человек. На вооружении крепости находилось 20 трех-шестифунтовых орудий. В целом перед нами военный городок, рассчитанный на размещение артиллерийского, фортификационного, пехотного и гражданского штата. Застройка, очевидно, носила гарнизонный характер. Ряды большей частью одноэтажных домов были втиснуты в каменную раму окружающих высоких

³¹ Башня выведена в три этажа, не восстановлена соединявшая ярусы внутренняя лестница. Областные научно-реставрационные мастерские не располагали теми документами, которые выявлены только недавно.

³² Dahlberg E. Förklaring om fästningarna i Ingermanland den 14 augusti 1697. — Kungl. Krigsarkivet. Sverige. Försvars och befästningsplaner, N 7:22.

³³ Blees J. Fästningen Nöteborg..., p. 90.

³⁴ Nöteborg, N 5—7; см. также: «План Нотебурга с перечнем квартир», около 1702 г. (ЦГВИА, ф. 349, оп. 44, № 98).

³⁵ Nöteborg, N 7.

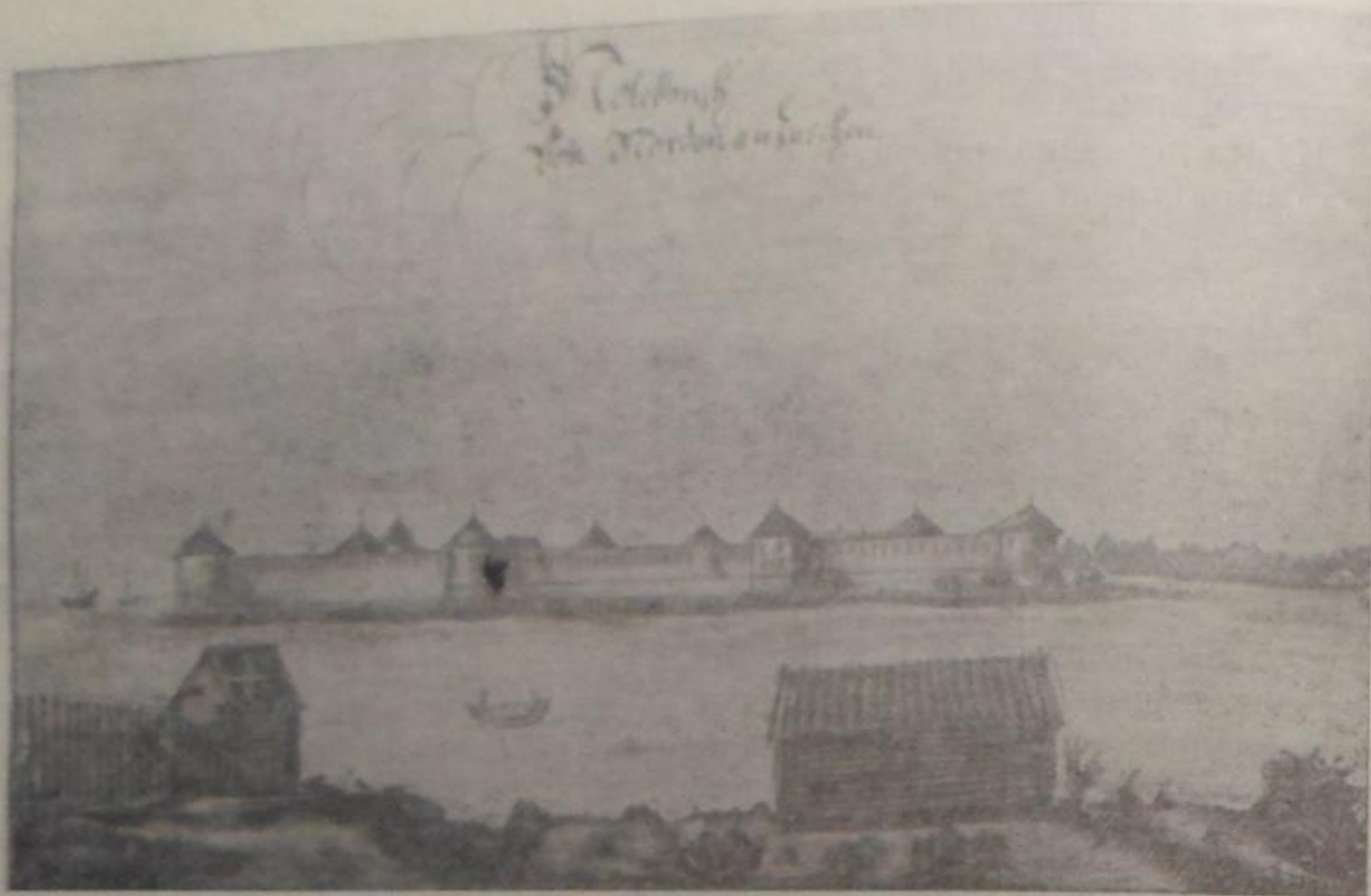

Рис. 35. Нотебург. Вид с севера. Фрагмент чертежа около 1680 г. Швеция. Королевский Военный архив.

стен и башен. Композиционно эти постройки были подчинены вертикалям оборонительных сооружений и воспринимались их скромным придатком.

Шведы, как упоминалось, сохранили и использовали московскую планировку; возможно также, что среди домов оккупационного гарнизона существовали дома или усадьбы, доставшиеся победителям от русского населения. На это намекают и стойко державшиеся особенности уличного устройства, выразившиеся в постоянстве расположения дорог³⁶ и мостов, перекинутых через канал, проходящий поперек крепостного двора. Похоже, что не только улицы, но и приканальные уличные мосты были унаследованы завоевателями Орешка от русских и эксплуатировались ими почти до конца их владычества.

В связи с отливом и притеснениями русского населения посады Орешка, расположенные на обоих берегах Невы, пришли в упадок. Этому способствовали репрессии, связанные с вопросами веры, и бегство крестьян уезда к своим, «за рубеж», поборы и лихоимство шведских наместников.³⁷ На картах второй половины XVII в. посад (*hakelverk*) по-

³⁶ Три улицы показаны на большинстве планов, особенно на Nöteborg, N 10. Шведы собирались провести четвертую улицу в юго-восточной части крепости, но проект не был осуществлен (ср. Nöteborg, N 7).

³⁷ Русский лазутчик, побывавший в 1685 г. за «свейским рубежом», сообщал, что в Орешке в каменной церкви Иоанна Предтечи, что была на Корельской стороне, «не в давних годах крест снят и сделана конюшня». Что же касалось жителей края, то «мало не все православные христианские веры отстали, а ко-

казан только с Корельской стороны. На южном берегу обозначены лишь отдельные дворы. На карте же около 1702 г. северный берег занят деревней, на южном помечена мыза коменданта Г. В. Шлиппенбаха.³⁸ Шведская власть привела к фактическому уничтожению некогда цветущих материковых посадов.

Таким образом, иностранная оккупация не способствовала развитию Орешка. Крепость в истоке Невы в тот период была направлена против построившего ее народа и оставалась «яблоком раздора» между двумя соседними государствами.

торые и остались в христианской вере, и тех сильно неволею гонят в кирки» (Андреев А. И. Грамота 1685 г. царей Иоанна и Петра Алексеевичей шведскому королю Карлу XI. — *Летопись занятий Археографической комиссии*, 1926, т. 23, с. 356, 359. — Здесь, в частности, важно упоминание о том, что одна из посадских церквей была каменной. О притеснениях местных жителей см. также: *Русско-шведские отношения в XVII веке*. М.; Л., 1960, с. 430).

³⁸ Bagrow L., Köhlin H. Maps of the Neva river. *Anecdota Cartographica*. Malmö, 1953, t. 3, tab. X, a (ср. tab. XV); Чертеж Нотебурга и окрестностей. — В кн.: *Петербург—Ленинград. Историко-географический атлас*. Л., 1957.

НОТЕБУРГСКАЯ ВИКТОРИЯ

История Орешка, что для средневековой крепости бывает нечасто, без разрыва протягивается в новое время. Хронология событий расширяет здесь традиционные рамки археологического исследования и делает город в истоке Невы в начале XVIII в. особым военным и строительным явлением, необычным по сочетанию традиций и новаторства.

Напряженная борьба у стен Орешка — Нотебурга никогда прежде не достигала такой силы, как в 1702 г. Снова, как и в предшествующие времена, на этот раз окончательно, здесь решался жгучий вопрос: владеть ли России выходом к морю. Имя древней крепости облетело столицы Европы. О ней писали газеты и донесения, публиковались ее изображения. Важнейшее место занимала она в военных планах русского царя. Судьба острова в истоке Невы отныне была связана с рождением новой России. Здесь начался тот военный рывок, который привел к основанию Петербурга и ниспровержению шведского великодержавия. Понадобились четыре века, чтобы победило дело, ради которого новгородцы заложили свой городок в истоке Невы.

Осенью 1702 г. оправившаяся от нарвского поражения почти 10-тысячная армия (позднее она увеличилась до 16 000 пехоты и 5000 конницы) под командой фельдмаршала Б. П. Шереметева неожиданно появилась в районе Нотебурга.

Осада города продолжалась две недели. Она отличалась упорством, кровопролитием и массовым героизмом. Подробности штурма описаны Петром I, находившимся в боевых порядках в качестве «бомбардирского» капитана.¹ Сообщением о взятии Нотебурга открывается первый русский печатный военный дневник «Книга Марсова», посвященная операциям Северной войны.² 16 декабря 1702 г. Петр I распорядился печатать ку-

ранты, т. е. газету, и «юрнал» о взятии Нотебурга был первым печатным политическим известием, изданным вследствие этого распоряжения.

Оккупационный гарнизон крепости к моменту осады насчитывал не свыше 500—600 человек при 140 орудиях. На неоднократные предложения о сдаче комендант крепости, полковник Г. В. Шлиппенбах, отвечал отказом. Шведы стойко оборонялись. Один из офицеров предлагал даже взорвать крепость, чтобы она не досталась русским. Такое бесполезное упорство стоило многих жизней.

Крепость с воды и суши была блокирована. 29 сентября по трехверстной просеке на левом берегу Невы волоком из Ладожского озера в Неву протащили 50 кораблей. При этом от неприятеля было очищено левобережье, на котором начали монтировать батареи. Правобережные редуты шведов заняли переправившиеся через реку солдаты Преображенского и Семеновского полков. В десантных вылазках и осадных работах участвовал сам Петр I.

Попытка шведов помочь блокированной со всех сторон крепости окончилась безрезультатно, на остров пробралось на лодках лишь несколько десятков финских гренадеров.

Бомбардировка острова началась 1 октября из 43 орудий, установленных на южном берегу. В дальнейшем число пушек и мортир возросло до 52 за счет батарей, обосновавшихся на северном берегу. Всего по крепости выпущено свыше 15 000 ядер и бомб.³ Основной огневой удар был направлен на Церковную и Келларскую башни и прясло стены между ними.

Несмотря на то что этот участок был усилен каменной прикладкой, в стене и башнях были пробиты три бреши, сквозь которые могли пройти маршем, как утверждали осажденные, в ряд 20 человек.⁴ В огне пожаров сгорели почти все деревянные постройки острова. Сохранились лишь комендантский дом, церковь, амбары внутри цитадели. «Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила», — писал Петр I А. А. Виниусу.⁵ В другом письме он добавлял по поводу 23 пушек с расстрелянными от непрерывной пальбы запалами: «Многие наши меденные зубы от того испортились».⁶

Артиллерия шведов не смогла препятствовать штурмующим батареям. Еще до начала огневой подготовки шведы демонтировали пушки на одной из подвергшихся затем разрушению башен, на каждой из которых в момент штурма действовало не менее 75—95 солдат. Судя по изображениям, нижние ярусы башен и часть их верхних этажей, несмотря на бомбардировку, уцелели, сохранился также и миз стен. Иными словами,

³ Во время археологических раскопок 1968—1970 гг. были встречены десятки осколков мортирных бомб. Две из них диаметром 30 см и весом 3 пуда найдены неразорвавшимися. Из одной был извлечен порох, который удалось воспламенить.

⁴ Blees J. Fästningen Nöteborg under svenskt välde. — Norrlands Försvar, 1937, p. 93.

⁵ Письма и бумаги..., с. 92.

⁶ Там же, с. 94.

¹ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1889, т. 2, с. 100 сл.
² Юрнал, или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотебургом чинилось сентября с 26-го числа 1702 г. — В кн.: Книга Марсова, или войсковых дел, от войск царского величества российских во взятии преславных фортификаций и на разных местах храбрых батальон учиненных над войсками его королевского величества Свейского. СПб., 1713; ср.: Кротков А. Взятие шведской крепости Нотебург. СПб., 1896; Попов Н. Г. Введение в историю города С.-Петербурга. М., 1903, с. 27 сл.

бреши были пробиты лишь в верхней половине стен.⁷ Это обстоятельство сильно затруднило успех атаки.

11 октября по трем сигнальным залпам на остров переправились первые охотники-десантники. Так начался штурм крепости, продолжавшийся 13 часов «в непрестанном огне». Шведы «строение, за которым было зашито, огненными ядрами зажгли и непрестанно дробом по ним из пушек били, так что не могли в суды садиться».⁸ На беду по ним из пушек били, так что не могли в суды садиться. Штурмовые лестницы оказались слишком короткими, а бреши были пробиты лишь в верхней половине стен и не доставали до земли. Несмотря на помощь добровольцев, прибывших с подпоручиком А. Д. Меншиковым, трехкратно возобновляемый штурм, казалось, мог захлебнуться. Для русских солдат положение было отчаянным. Их, стоящих у подножия стен, в упор расстреливали вражеские стрелки сверху, в них летели гранаты и камни: «И хотя наш штурм выручку и свежими людьми довольно креплен есть, однакожь не могли они проломов и крепость взять ради малого места земли и сильного сопротивления неприятельского».⁹ Петр I послал приказ вернуться, но подполковник Семеновского полка М. М. Голицын, командовавший смельчаками, ответил связному: «Скажи царю, что теперь я уже не его, божий», и велел оттолкнуть лодки.

Решимость русских войск определила участь крепости. «Неприятель от множества нашей мушкетной, также и пушечной стрельбы в ту 13 часов толь утомлен и, видя последнюю отвагу, тотчас ударил шамад (здача)».¹⁰ 12 октября последовала капитуляция, и «наши на три учиненных пролома на караул впускены». Победители вступили в крепость 13 октября.

Ожесточение боя не повредило рыцарским обычаям ведения войны. Фельдмаршал Б. П. Шереметев «под честное слово кавалера, которое он, слава богу, никогда не нарушал даже перед турками, не говоря о христианах», разрешил беспрепятственный выход оставшихся шведов. Команданту в оправдание перед королем разрешили произвести краткий осмотр крепости и начертить план ее осады.¹¹ 14 октября 83 здоровых и 156 раненых шведов под барабанный бой, с распущенными знаменами, с пулями во рту, личным оружием и четырьмя пушками сквозь проломы навсегда покинули остров. «Таковым образом, через помощь божью, — писал Петр I, — отечественная сия крепость возвращена, которая была в неправдивых неприятельских руках 90 лет».¹² Русские получили 129 пушек, 1117 мушкетов и другое вооружение, которым можно было бы оснастить гарнизон значительно больший, чем был в крепости.

⁷ Карта Нотебургской крепости, прежде чем она была сдана врагу..., 1702 г. — ЦГВИА, ф. 349, оп. 44, № 97, с. 349. — Осажденные пытались закрыть проломы с внутренней стороны они возвели дополнительное утолщение — «абшиит».

⁸ Письма и бумаги..., с. 104.

⁹ Там же, с. 103.

¹⁰ Там же, с. 104.

¹¹ Munthe L. Kongl. fortificationens historia. Stockholm, 1909, t. 3B (planscher), tab. 133.

¹² Письма и бумаги..., с. 110. — Надпись полностью или частично повторена на одной гравюре А. Шхонебека и медалях, выпущенных в честь взятия острова.

Победа досталась ценой больших потерь. «Зело жесток сей орех был, однако, слава богу, счастливо разгрызен», — писал Петр I.¹³ На береговой кромке Орехового острова погибло свыше 500 солдат и офицеров и 1000 получили ранения.¹⁴ Не случайно, именно после славной битвы впервые в истории России все участники штурма (как солдаты, так и офицеры) были награждены специальными медалями.¹⁵ Со временем это станет воинской традицией.

Взятие Нотебурга — первая крупная победа в Северной войне. Для Швеции его падение было тяжелым ударом и первой серьезной брешью в ее великодержавии. Нотебургская битва явилась решающей за овладение Невой и выходом к Балтийскому морю. Верно оценивая значение взятой крепости, Петр I переименовал ее в Шлиссельбург. «Сим ключом много замков отперто», — писал он в 1718 г.

На современников, войско и самого «бомбардирского» капитана штурм произвел неизгладимое впечатление. Петр I отмечал, что город взят «через всякое мнение человеческое», и не один раз возвращался к этому событию. Каждый год 11 октября он, по сообщению Б. Х. Миниха, имел обыкновение ездить на остров, если находился в России, в сопровождении своей флотилии, сенаторов, министров и генералов, чтобы праздновать годовщину взятия крепости. Вспоминая горящий Нотебург осенью 1702 г., царь говорил своим спутникам о том, что «под брешью вовсе не было пространства, на котором войска могли бы собраться и приготовиться к приступу, а между тем шведский гарнизон истреблял их гранатами и камнями».¹⁶ Петр I любил обходить крепость и созерцать с высокой башни окрестные дали. «Вид оттуда как на Ладожское озеро, так и во все другие стороны удивительный», — отметил очевидец в 1725 г.¹⁷ По повозаведенному обычаю в день и час сдачи крепости звонил колокол.

По поводу взятия крепости были выбиты памятные медали.¹⁸ Голландец А. Шхонебек увековечил штурм в документально точных гравюрах,¹⁹ а 1 января 1703 г. в Москве состоялся фейерверк. В 1702 г. Шлиссельбург получил свой флаг и герб. На фигурном щитке герба были изображены крепость, выше — ключ и над ним корона. Земля обозначена зеленым, крепость серым, небо синим цветом, ключ и корона покрыты золотом.²⁰

¹³ Письма и бумаги..., с. 92.

¹⁴ Приводятся и такие потери: 614 убитых и 1288 раненых (Военно-походный журнал Б. П. Шереметева. — В кн.: Материалы военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871, т. 1, с. 123).

¹⁵ Полтавская победа в исторических и художественных памятниках из собрания Эрмитажа. Л., 1960, с. 22.

¹⁶ Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874, с. 15—16.

¹⁷ Дневник камер-юнкера Берхгольца. М., 1860, ч. 4, с. 174—175.

¹⁸ Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1966, с. 122, табл. 47, а.

¹⁹ Гравюры А. Шхонебека, созданные под свежим впечатлением штурма, неоднократно издавались, и впервые в «Книге Марсовой».

²⁰ Цветное изображение герба см.: Туманский Ф. Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санкт-Петербургской губернии, 1789—1790 гг. — ГПБ, Рукоп. отд., Эрмитаж. собр., № 558, б. л.

Шлиссельбург стал символом борьбы за справедливое дело. Новым именем крепости было названо в 1714 г. одно из 18 линейных судов. При этом А. Д. Меншиков заявил, что постарается сделать его лучшим из 54 пушечных кораблей русского флота.²¹

В событиях 1702 г. проявилась могучая сила московской крепости, к сожалению использованной захватчиками против построившего ее народа. Ведь, действительно, несколько сотен бойцов могли две недели бороться против целой армии и отбили три волны штурма! Военные достоинства укрепления проявились в полной мере и спустя два века после его постройки и вскоре дали повод к своему обновлению.

Крепость досталась победителям сильно поврежденной. В ее мощных стенах и башнях были пробиты три бреши, а деревянные постройки почти все сгорели. Быстрейшая ликвидация последствий штурма стала одной из главных задач, ибо крепость в первые годы освобождения неких берегов являлась в указанном районе единственным хорошо укрепленным местом. Она могла оказать сопротивление в случае контрнаступления шведов и служила надежной войсковой базой для последующих операций.²² Вероятно, учитывая все это, а также новую тактику ведения осады, Петр I приказал немедленно приступить к восстановлению крепости и возведению дополнительных земляных укреплений — бастионов.

Кто же был автором новых фортификационных сооружений, строительство которых должно было значительно увеличить обороноспособность крепости? Ответ на этот вопрос дает небольшой эскизно выполненный план крепости из собрания чертежей Петра I в Рукописном отделе БАН.²³ На нем схематично обозначены контуры стен и башен Орешка XVI в. и даны очертания четырех бастионов с указанием их размеров (рис. 36). В наброске плана, выполненном энергичными штрихами, от руки, без линейки и строгого соблюдения масштаба, нетрудно увидеть сходство с собственноручными рисунками Петра I. Сопоставление надписи и цифровых обозначений, имеющих на упомянутом плане с автографами Петра I,²⁴ убедительно показывает, что они сделаны одной рукой. Таким образом, преобразователь России выступил не только инициатором модернизации крепости, но и автором проекта ее новых укреплений. Обнаруженный нами набросок плана относится к 1702 г. и, следовательно, является наиболее ранним из известных работ Петра I в области архитектурной графики.

Возводились бастионы одновременно под руководством учителя Петра I думного дворянина Н. М. Зотова, адмирала Ф. А. Головина, постельничьего и будущего канцлера Г. И. Головкина — бывшего коменданта Пскова и Дерпта, двоюродного брата царя К. А. Нарышкина. Их именами и были названы как сами бастионы, так и соответствующие им

²¹ Тарас Е. В. Русский флот и военная политика Петра I. М., 1949, с. 50—51.
²² Так, в июле 1705 г. в окрестностях Шлиссельбурга появился шведский отряд под командой генерала Майделя, но был отбит (Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1900, т. 4, с. 512).
²³ БАН. Рукоп. отд. F-266, ч. III, л. 22, нижн. рис.
²⁴ ЦГИА. Ф. 406, оп. 1, № 477, кн. 476, л. 48, 49, 54.

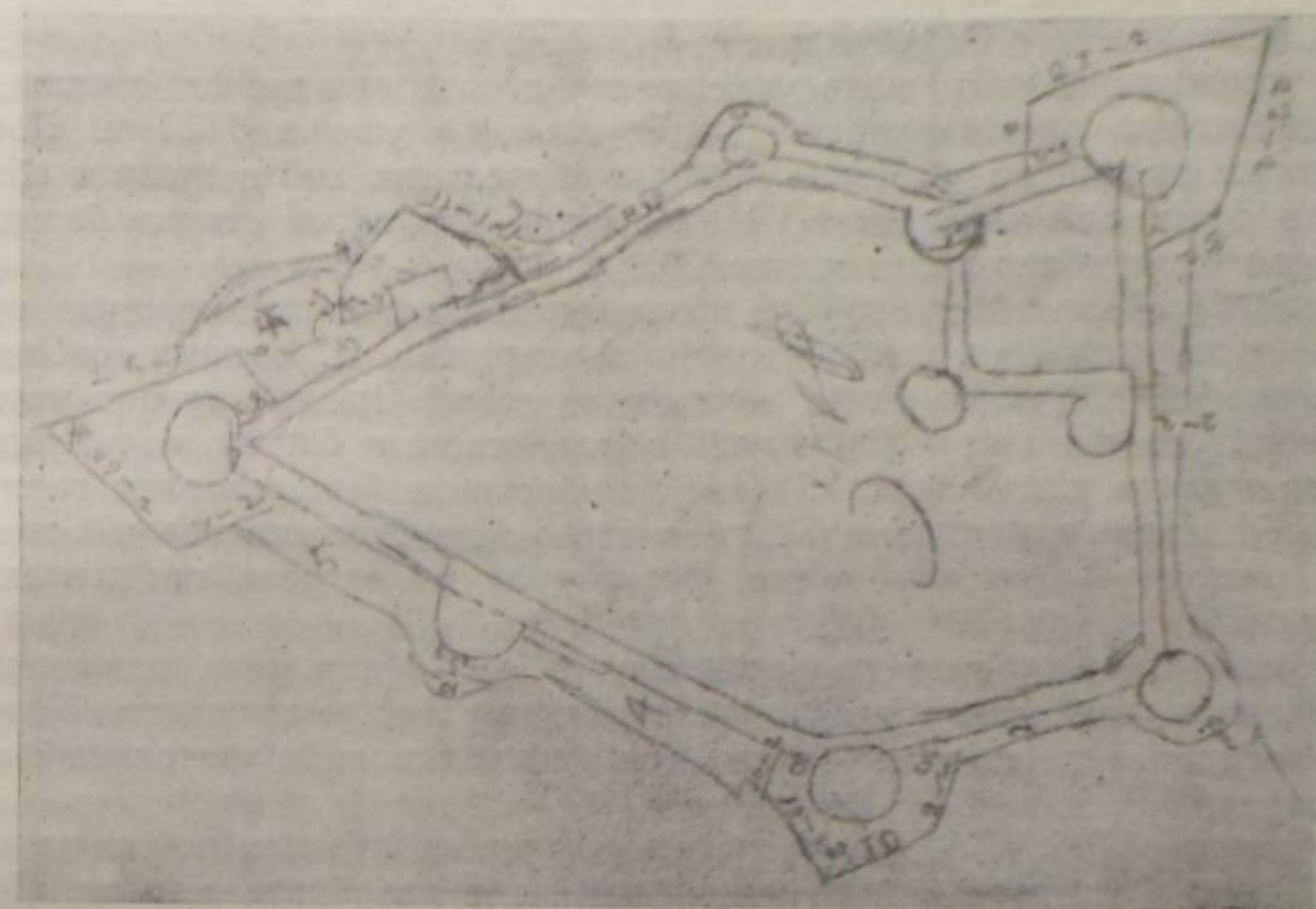

Рис. 36. Бастионы Шлиссельбурга. Проектный чертеж Петра I, 1702 г. БАН, Рукоп. отд.

башни.²⁵ Эта оказавшаяся весьма эффективной организация строительных работ «по персонам» быстро принесла свои результаты, и старая крепость «той же осени укреплена новыми болверками кругом», — гласила запись в «Журнале, или подневной записи Петра». Меньше, чем через год, так же было организовано и возведение крепости «Санкт-Питер-Бурх» на Заячьем острове.

Хотя бастионы были возведены не у всех башен, тем не менее они вполне обеспечивали круговую оборону острова. Таким образом, Шлиссельбург после усиленных в 1700—1701 гг. земляными валами, раскатами и рвами Новгорода, Пскова и Псково-Печерского монастыря представлял собой еще один пример органичного сочетания почти полностью сохранившихся средневековых укреплений и новой бастионной линии обороны. Если московская твердыня поднималась почти прямо из воды, то теперь она оказалась словно на гигантском земляном пьедестале.

Построены были новые укрепления «фашинами и землею». Работа, видимо, велась спешно в расчете на дальнейшие доделки. Осматривавший в 1729 г. некоторые из бастионов инженер Н. Людвиг заметил следы незавершенности и предположил, что они построены «нужды ради, на

²⁵ Речь идет о Зотовом, Нарышкином, Головином и Головкином бастионах. Пятый бастион, у Меншиковой башни, был построен позднее, очевидно где-то между 1710 и 1715 гг. В дальнейшем, после 1718 г., бастион Нарышкина стал называться Королевским, а Зотова — Государевым.

время, для случая сюрприза или охвата, дондеже осажены будут стеною и дальние в воду вступятся».²⁶

Новосозданные островные укрепления доставляли немало хлопот, так как постоянно размывались водой.²⁷ Поэтому уже в 1715 г. Петр I предписал их заново укрепить. Однако выполнить это в полном объеме удалось в третьей четверти XVIII в., когда наружные стенки бастионов и куртин были облицованы камнем.

Петр I уехал в Москву уже после окончания первоочередных работ, видимо, уверенный в мощи обновленной твердыни. По одному сообщению от 3 февраля 1703 г. из Риги, «царь московский Орешек крепко укрепил и крепость во всем zelo поправить велел, стены и башни, и с пушками 2000 человек в крепость посадил».²⁸ На острове был оставлен гарнизон из трех пехотных полков и 72 grenадеров Преображенского и Семеновского полков. В год основания Петербурга на острове насчитывалось 127 орудий.

Укреплением острова распоряжался А. Д. Меншиков, назначенный комендантом взятого города и губернатором Ингерманландии, Карелии и Лифляндии. Он «много крепости прибавил», сделал значительный хлебный запас.²⁹

В начале 1704 г. А. Д. Меншиков приказал строить житницы «добрые, высокие и пространные, и покрыть их в два бревна», а на 1708 г. предписывал сделать казармы «от замку до самых ворот». Судя по тому, что в письме Меншикова определен годовой срок постройки казарм, речь, вероятно, шла о деревянных сооружениях, располагавшихся в наиболее безопасном от вражеского огня, северном участке крепости.

Тем временем на остров пригонялись сотни рабочих людей, которым надлежало продолжить дело, начатое петровскими солдатами.³⁰ Весной 1703 г. новгородский губернатор П. М. Апраксин послал в Шлиссельбург 1560 тихвинцев; правда, зимой часть из них была переведена на крепостные работы, проводившиеся на Заячьем острове.³¹

Большой объем работ был осуществлен зимой и летом 1704 г.: ломали плитный камень, тесали тес, к пильным мельницам «плотили плиты», в городе из канала землю носили, заготавливали дрова и уголь к кирпичным печам, строили суда. Судя по тому, что в июле 1704 г. на острове и его ближайших окрестностях трудились 617 каменщиков, 258 кирпичников и 48 «каменных ломщиков» (не считая плотников и неквалифицированных рабочих людей, а также больных),³² восстановлению подверглись разрушенные артиллерийским огнем крепостные стены и башни.

²⁶ ЦГВИА, ф. 827, оп. 1, № 23, л. 5; ЦГИА, ф. 466, оп. 1, № 477, л. 111.

²⁷ Ср.: Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1952, т. 9, вып. 2, с. 993, 1368.

²⁸ Кротков А. Взятие шведской крепости Нотебург, с. 173.

²⁹ Понев И. Г. Введение в историю города С.-Петербурга, с. 28; ЦГИА, ф. 466, оп. 1, № 477, л. 35—35 об.

³⁰ Для присылки рабочих и нововозвращенной крепости были прикреплены Устюжско-Железнопольская, Бежецкий Верх и Углич с их 23 000 дворов. В строительстве Шлиссельбурга участвовали люди и из других городов.

³¹ ЦГАДА, ф. 9, оп. 3, отд. II, кн. 2, л. 438.

³² Арх. ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, № 108, л. 142—143.

К одному из башенных в тот сезон возили камень, начали заделывать «бреши, что на стене», «делали каменное дело».³³ Тот факт, что участвовавших в работах 1704 г. 1504 человек³⁴ руководителю «городовых дел» У. А. Синявину не хватало и он настоятельно просил прислать еще и что в августе в разгар строительного сезона ему из «Санкт-Питер-Бурха» прибыло пополнение в 500³⁵ человек, свидетельствует о размахе островного строительства и о том, что ему уделялось не меньше внимания, чем возводившимся в то время оборонительным сооружениям в устье Невы: крепости на Заячьем острове, Адмиралтейской верфи, Кроншлоту и Ямбургу. Именно в 1703—1704 гг. все названные военно-оборонительные объекты были закончены, и это в условиях непрекращающейся войны позволило русскому правительству «ногою твердой стать у моря».

Переоборудование Шлиссельбурга происходило с характерной петровской напористостью и далось ценой массовых лишений. В своем отчете о работах 1704 г. У. А. Синявин сообщал А. Д. Меншикову поразительные цифры: из 2856 человек, согнанных в Шлиссельбург из Каргополя, Белоозера, Ржева, Олонца и других городов, работало 1504, остальные болели или умерли.³⁶ Потери в людях, таким образом, достигали потерь военного времени (имеется в виду осада 1702 г.), но крепость строили, не считаясь с жертвами. В каких условиях протекала работа, можно судить по красноречивому письму (примерно 1704 г.) Меншикова к Синявину: «Писал ты ко мне об олончанах, о 200 человеках, которые в Шлютельбурхе на работах, что у них в запасах скудость, и я удивляюся Вам, что, видя самую нужду, бес которой и пробыть немочно, а ко мне описываетесь. Прикажи им хлеб давать, провианту против их братии, и впред того смотрите, чтоб з голоду не мерли».³⁷ О дальнейшей судьбе этих людей мы узнаем из челобитной коменданта крепости от 8 августа 1704 г., в которой отмечалось: «Хлебных амбаров отделявать некому, потому что работников ниоткуда по се число не принято, а кото-

³³ Прочитируем письмо руководителя работ У. А. Синявина к А. Д. Меншикову от 9 мая 1704 г. Этот выразительный документ раскрывает кипучий темп и масштабы стройки: «...каменщиков пришло 500 человек, кирпичников 221 человек; и тех, государь, каменщиков взято в город 200 человек, а достальные у кирпичных сараев кроют и дрова готовят. Ржевских... рабочих людей и романовцев 1000 человек; и с того числа мая по 9 число на работах тес тешут и в канал на распорини, и к судам леса готовят, и к мельницам плоты плотят, и уголье жгут 300 человек, камень ломают 80 человек, на 11 судах камень возят 170 человек, на порогах (невских. — А. К.) у сараев (кирпичных) 100 человек, у судового дела на работе 100 человек, больных 180 человек, умре 23 человека; на дву судах с пристаней к городу, к башенку, камень возят 40 человек. Белоозерцев 200 человек; и с того числа к пристаням камень возят 125 человек, больных 60 человек, умерло 15 человек. Олончан 67 человек работают на пильной мельнице, в том числе больных 25 человек. Истинно, государь, что и с канала землю носить некому, а время то, что каменное дело пора делать» (Арх. ЛОИИ, ф. 83, оп. 2, картон 2, № 107, л. 1—1 об.).

³⁴ Арх. ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, № 108, л. 142—143.

³⁵ ЦГИА, ф. 466, оп. 1, № 477, л. 35—35 об.

³⁶ ЦГВИА, ф. 456, оп. 1, № 1, л. 146—147.

³⁷ ЦГИА, ф. 466, оп. 1, № 477, л. 16.

рые олопенские работники те амбары строили, и те все бежали, а пощепы заскорбели».³⁸

Результаты работ 1702—1704 гг., и в том числе строившиеся в 1704 г. бастион Меншикова и хлебные амбары, иллюстрирует другой лист из упомянутого выше собрания чертежей Петра I.³⁹ На нем вдоль крепостных стен изображена сплошная цепочка солдатских казарм, в которой сделаны разрывы для прохода к башням. Показаны также небольшая каменная церковь (примерно 1500 г.), деревянный дом коменданта (шведская постройка, уцелевшая в западной части крепостного двора), дом губернатора, цейхгауз, амбары для хлеба, пеньки, угля, фитиля и других запасов. Основная часть крепостного двора оставалась свободной, что позволяло в случае необходимости быстро перемещать защитников крепости, а в мирное время проводить здесь обучение и смотры гарнизона. Незастроенность центра крепости и создание интервалов в цепи казарменных построек было разумно и в противопожарном отношении.

К сожалению, на чертеже отсутствует подпись его составителя, но он был несомненно человеком, хорошо знавшим свое дело. В первой четверти XVIII в. на берегах Невы таких людей было мало, и среди них видное место занимал И. М. Угрюмов, начинавший свою карьеру в должности «Приказу артиллерии чертешика». Имя этого архитектора должно быть первым названо не только в списке возможных исполнителей данного чертежа, но и в качестве вероятного автора перечисленных выше деревянных построек, так как он в 1704 г. находился на каких-то работах в Шлиссельбурге и там же умер летом 1707 г.⁴⁰ После его смерти остались «краски и другие припасы», что несомненно свидетельствует об исполнении им графических заданий. В пользу Угрюмова говорит и тот факт, что он был знаком с возведением фортификационных сооружений, так как в 1704—1705 гг. вместе с Д. Трезини находился при восстановлении Нарвы.

Три авральных строительных сезона привели к полной починке, модернизации крепости и застройке ее внутреннего пространства деревянными домами для гарнизона и работных людей.

К концу первого десятилетия Шлиссельбург выглядел как сильная крепость, боевая мощь которой строилась на сочетании и использовании старых и новых укреплений. Датского посланника Юста Юля в 1710 г. восстановленная твердыня прямо-таки поразила, и он записал: «Ее стены, вышиною в 30—40 локтей возведены из твердых скал и исполинских камней. У подножия стен много бастионов, (орудия которых) стреляют настильно по воде. Между крепостью и водою нет ни фута земли. Над стенами возвышаются четыре сильно укрепленные башни с орудиями,

³⁸ Арх. ЛОИИ, ф. 83, оп. 2, картон 2, № 208, л. 2.

³⁹ БАН, Рукоп. отд., F-266, ч. III, л. 26. — Ряд нововыявленных фактов, связанных со строительством в Шлиссельбурге в первой четверти XVIII в., а также упомянутый выше план опубликованы: Иогансен М. В., Кирпичников А. Н. Петровский Шлиссельбург (по новооткрытым архивным материалам). — В кн.: Русское искусство первой четверти XVIII века. М., 1974, с. 27 сл., рис. 4.

⁴⁰ Арх. ЛОИИ, ф. 83, оп. 2, картон 2, № 57, л. 1, 117; Петров А. Н. Новые данные об Иване Матвееве. — В кн.: Научные сообщения Государственной инспекции охраны памятников. Л., 1959, с. 18, 21.

(расположенными) в три яруса. (Вообще) я считаю эту (крепость) одною из неприступнейших в мире».⁴¹

В петровское время предпринимались попытки вернуть городу в истоке Невы его торговое значение, которое действительно растет в связи с устройством в 1719—1732 гг. Ладожского канала. Характерно, что решение о создании канала было принято в 1712—1713 гг., т. е. тогда, когда намечались планы дальнейшей модернизации крепости. Бассейн Невы и восточная оконечность Финского залива рассматривались как перевалочный путь, находящийся под единым управлением. В 1710 г. с учреждением Петербургской ратуши ее инспектор С. Леонтьев должен был вести «ратушные всякие сборы и таможеню, и кружечные дворы» в Петербурге, Шлиссельбурге и Кроншлоте.⁴² «Правила бурмистрам» примерно 1710 г., обнаруженные в Рукописном отделе ГИБ, прямо указывают, что «которые иноземцы привозные свои из-за моря товары являют и продавать в Шлютелбурх на денги и на мену, опроче фряских вин и водок, те товары досматривать накрепко и записывать в таможенные книги».⁴³ Упомянутая инструкция показывает широкие возможности шлиссельбургской торговли, в которой принимали участие и русские, и иноземцы. В ней перечислен целый флот разнотипных морских и речных судов, ходивших мимо острова, с которых следовало брать «привального и отвального».

Обновление древней крепости, начатое сразу после ее освобождения, приобретало все более широкий государственный размах. Царь приказал, — записал в октябре 1715 г. ганноверский резидент при дворе Петра I Ф. Х. Вебер, — не только усилить наружные укрепления крепости, но и приготовиться к громадным работам внутри ее по устройству казармы на 4000 с лишком солдат.⁴⁴ Здесь названо только одно действительно монументальное строение. Островной же Шлиссельбург неустанно обстраивался вплоть до конца 30-х г. XVIII в., когда был приведен в «крепкое состояние». В результате этих работ крепость украсилась торжественной парадной площадью и выходившими на нее казармами, царским дворцом, Монетным двором, церковью, хоромами для губернатора, коменданта, всякими службами, тянувшимся вдоль казарм каналом с мостами, устремленной ввысь вышкой Часовой башни. Снаружи кольцо стен было усилено пятью земляными бастионами. То, что в первой четверти XVIII в. в Шлиссельбурге под руководством И. Угрюмова, а также И. Устинова и Д. Трезини при самом непосредственном участии Петра I возводили сооружения, стоявшие в одном ряду с важнейшими постройками столицы, показывает, что в это время город рассматривался как существенное звено в обороне и закреплении невыхских берегов. По разнообразию работ, изобретательности архитектурно-художественных решений, по своеобразной организации пространства крепостного двора, по новаторской модернизации укреплений это был могучий строительный

⁴¹ Щербачев Ю. Н. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. М., 1899, с. 236—237.

⁴² Луннов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. М., Л., 1957, с. 154.

⁴³ ГИБ, Рукоп. отд., F-II, № 143, л. 159 сл.

⁴⁴ Записки Вебера. — Рус. арх., 1872, № 7—8, с. 1335.

взлет старой твердыни, обозначавший в сущности рождение нового Шлиссельбурга, того, который мыслился и военным лагерем, и восточными воротами новой столицы, и торговым центром, и административной резиденцией.⁴⁵

Так закончилась многовековая, полная борьбы, труда, подвигов и страданий эпопея средневековой крепости в истоке Невы, закончилась, чтобы неожиданно возродиться в тяжелейшие для нашего народа дни 1941 г. Защитники Шлиссельбурга помогли отстоять блокированный, но не сломленный Ленинград.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе представлена попытка синтеза археологических, письменных, архитектурно-реставрационных, графических и других источников с целью воссоздания истории позднесредневекового русского города. Представленный в работе материал позволил последовательно проследить развитие Орешка с XIV по первую половину XVIII в. Формирование этого центра было связано с общерусскими событиями, с борьбой за национальные интересы на одном из самых опасных и ответственных фронтов Руси. Форпост Новгородской земли, промысловый и торговый город-крепость Московского государства, остров, выдержавший несколько вражеских нашествий и одно время отторгнутый от родины, ворота в Балтику, военно-административная база и предтеча Петербурга — таковы некоторые стороны Орешка—Нотебурга—Шлиссельбурга за первые четыре с половиной века существования. Город в истоке Невы строился усилиями многих поколений мастеров и воинов. Дошедшие до нас древние сооружения во многих отношениях уникальны и отличаются значительной историко-культурной и военно-технической ценностью.

Археологические раскопки открыли древний «подземный» Орешек и показали, что почва острова является настоящей кладовой древностей развитого русского средневековья. Научная ценность находок измеряется их четкой датировкой (в пределах XIV—XVI вв.) и сопоставимостью с жилыми комплексами.

Основание Орехова в начале XIV в. было дальновидным политическим, военным и стратегическим актом Новгородской республики. На острове в истоке Невы возник сначала деревянно-каменный, а затем только каменный форпост, у стен которого было остановлено шведское вторжение. Сменившие друг друга на протяжении первых 30 лет своего существования две крепости явились ответом на растущую агрессию северного соседа. Быть может, поэтому в данной «горячей точке» Северной Европы испытывались передовые приемы осады и обороны и в 1352 г. возникло новаторское для Руси многобашенное сооружение. Открытая археологически крепость архиепископа Василия оказалась по некоторым особенностям инженерным и архитектурным произведением, предвосхи-

⁴⁵ Более подробно см.: Иогансен М. В., Кирпичников А. Н. Петровский Шлиссельбург..., с. 33 сл.; Кирпичников А. Н., Савков В. М. Крепость Орешек. Л., 1972, с. 61 сл.

тившим искания градодельцев Московского государства. Задуманный в качестве порубежного опорного пункта Орешек в новгородский период своей жизни превращается в торговый город и порт. Этот город XIV—XV вв., известный ранее только по летописным упоминаниям, предстал ныне с «раскрытой» топографией и плотной застройкой посада. Типичными для него были трехчастные дома, окруженные усадебными подсобными сооружениями. В одноэтажном деревянном Орешке той поры, судя по многочисленным находкам, жили рыболовы и лодочники с присущим им промыслово-речным инвентарем.

XVI век принес расцвет Орешку — городу и крепости единого Московского государства. Город, распространившийся за пределы острова в XV в., в следующем столетии занял обширные пространства на правом и левом берегах Невы. Анализ письменных и археологических данных позволил судить о размере городской территории, распределении дворов и огородов, а также выделить такие главные занятия жителей, как рыболовство, огородничество, торговля, а из ремесел — обработка дерева и ткани. Экономика города во многом была обусловлена его местоположением как порта внутренней и международной торговли, складочного и таможенного пункта. Город в истоке Невы стал тогда крупнейшим на северо-западе страны торжищем продовольственными и другими товарами.

Московский период в жизни острова в истоке Невы принес ему самое существенное за всю предшествующую историю строительное обновление. Здесь возводится крепость, которая иллюстрирует революционный скачок, связанный с влиянием огнестрельного оружия. В связи с этой постройкой были сметены все предшествующие сооружения острова, заново перепланирована его внутренняя территория и одновременно возник неприступнейший в Северной Европе островной кремль с двумя линиями обороны, 10 башнями, оригинальной системой каналов, внутренней гаванью, мостами, площадью, тремя лучеобразно расходящимися улицами, деревянными домами и церковью.

По техническому совершенству, оборонной мощи, плановому решению укрепление начала XVI в. является блестящей постройкой своего времени и выдает руку опытного градодельца. Эти оборонительные укрепления были самыми необычными в истории острова и резко повысили его военное значение. Оборонные качества каменной короны Орешка оказались поразительными — они неослабевающе действовали не менее 250 лет.

В XVII в. Орешек—Нотебург был временно завоеван шведами. Это — годы упадка городской жизни. Постройки острова временами едва подерживались. Шведы использовали доставшиеся им сооружения, ходили по магистралям московской поры, молились в бывшей русской церкви, стреляли из сделанных до них бойниц. С большими усилиями они переложили одну башню, возможно, утолстили другую и часть стен.

Орешек—Шлиссельбург был освобожден в ходе Северной войны. В первой четверти XVIII в. возвращенная крепость переживает строительный взлет. На острове в дополнение к Петербургу создается военно-административная резиденция, заново укрепленная и отстроенная. Ожи-

вает московская крепость, приспособленная по замыслу Петра I к новому оружию и лучшей обороне. Проект ее модернизации, задуманный великим преобразователем России, был почти полностью выполнен к концу 30-х гг. XVIII в. Позже, в 1742—1760 гг., состоялось переоборудование деревоземляных бастионов в каменные. В итоге в твердыне, расположенной при входе в Неву, как бы на границе между старыми русскими городами (Ладога, Новгород и др.) и только что возникшими (Петербург и Кроншлот), оказались удивительно органично объединенными средневековая крепость и фортификационные сооружения нового времени. Еще в последней трети XVIII в. значение острова как важного опорного пункта и военной базы оценивалось вовсе не второстепенно. Так, например, в «Атласе планов и описаний крепостей Российской империи», составленном в 1774 г., о Шлиссельбурге написано: «Сия крепость пред прочими в лучшем состоянии находится, положение места имеет весьма авантажное и водяную коммуникацию со всею Россиею».¹ Лишь в 1812 г. укрепления острова были полностью разоружены. По мере уменьшения военного значения крепости в истоке Невы на передний план все более явственно выступали ее функции «русской Бастилии». Но это, если так можно выразиться, совсем другая история.

Каждый век истории Орешка—Шлиссельбурга отмечен примечательными событиями и интересными постройками. Все вместе они создают неповторимое богатство, на основе которого на острове может быть создан выдающийся историко-культурный, военно-патриотический и архитектурно-фортификационный музейный комплекс.

Таковы в основных чертах пять веков древнего Орешка—Шлиссельбурга, вошедших в историю нашего народа мужественной борьбой, высокой строительной и созидательной культурой.

¹ ЦГАВМФ, ф. 3, оп. 23, № 939, л. 3 об.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	— Акты исторические. СПб.
АН	— Академия наук.
БАН	— Библиотека Академии наук СССР.
ВИМ АИВ	— Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ	— Государственный Исторический музей.
ГМИЛ	— Государственный музей истории Ленинграда.
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ДАИ	— Дополнение к актам историческим. СПб.
ИА	— Институт археологии Академии наук СССР.
ИАИ	— Известия Археологической комиссии. СПб.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. М.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук СССР.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МОИДР	— Московское общество истории и древностей российских.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей. СПб.
РАО	— Русское археологическое общество.
РИО	— Русское историческое общество.
СА	— Советская археология. М.
ЦГАВМФ	— Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив СССР.
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
НОВГОРОДСКИЙ ФОРПОСТ	11
ОРЕХОВСКИЙ ПОСАД В XV СТОЛЕТИИ	30
ТВЕРДЫНЯ МОСКОВСКОЙ РУСИ	52
ГОРОД В XVI СТОЛЕТИИ	73
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ ОРЕШКЕ МОСКОВСКОЙ ПОРЫ	87
ПОД ВЛАСТЬЮ ШВЕДСКОЙ КОРОНЫ	100
НОТЕБУРГСКАЯ ВИКТОРИЯ	112
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	123
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	126

Анатолий
Николаевич
Кириличников

ДРЕВНИЙ ОРЕШЕК

Историко-археологические очерки
о городе-крепости в истоке Невы

Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства В. Т. Бочевер
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Л. М. Семенова
Корректоры Л. Н. Копп
и М. А. Стрелитова

ИБ № 8106

Сдано в набор 07.01.80. Подписано к печати 09.06.80. М-36710. Формат 70 × 90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 8+2 вкл. (%, печ. л.)=10.23 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 10.42. Тираж 4400. Изд. № 7521. Тип. зак. 1041. Цена 1 р.

Издательство «Наука»
Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеев-
ская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

1 р.

Общий вид
крепости Орешек
с юго-запада.
Фото 1970 г.

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ

